

В номере:

Программа переселения	3
Лекции по литературе	
<i>Владимир Соколов</i>	10
Проза	
<i>Игорь Хомечко. Тоби</i>	13
<i>Иван Дуб. Сюрприз для Настеньки</i>	21
<i>Владислав Кураш. За миллион к звёздам</i>	31
<i>Андрей Оболенский. Невероятное происшествие в городе Юго-Камске</i>	54
<i>Игорь Соловьёв. Совет шамана</i>	58
Короткая проза	
<i>Анатолий Закалад. Невыдуманные рассказы</i>	66
Мир приключений	
<i>Георгий Какюров. Жёлтый император</i>	69
Переводы	
<i>Николае Спэтару. Я всего лишь проездом</i>	85
Поэзия	
<i>Валерия Демидова</i>	88
<i>Анастасия Кузьмичёва</i>	90
<i>Мина Гольденберг</i>	92
<i>Мира Май</i>	94
<i>Чеслав Николич</i>	96
<i>Сергей Филиппов</i>	98
Дневник путешественника	
<i>Александр Крамер. Фрагменты немецкой жизни</i>	100

Журнал «Наше поколение» основан в 1912 году.
Выпущено было 10 номеров. Выпуск возобновлен в 2009 году.

**Журнал «Наше поколение» готовится при творческом участии:
Международного сообщества писательских союзов
Союза писателей России
Московской городской организации Союза писателей России**

Учредитель

Козий Александра Петровна

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерством юстиции Республики Молдова №229 от 18 февраля 2009 г.

Редколлегия:

Главный редактор

Георгий КАЮРОВ

Редактор интернет-журнала

Виктор ХАНТЯ

Главный бухгалтер

Ольга ДОДУЛ

Редакционный совет номера

**Николай Переяслов, Михаил Попов, Владимир Силкин, Ольга Бедная, Анна Кашина,
Юрий Харламов, Сергей Власов, Алексей Дука, Виктор Хантя, Маргарита Сосницкая,
Матвей Левензон, Максим Замшев, Анна Гросул, Надежда Дёмина, Иван Дуб,
Виталий Ткачев, Сергей Маслоброд, Валерий Реницэ, Игорь Хомечко, Олег Цуркан.**

Литературный редактор

Вера ДИМИТРОВА

Корректор

Светлана БРОНСКИХ

Художник-иллюстратор

Эдуард МАЙДЕНБЕРГ

Фотограф

Валерий КОРЧМАРЬ, Юрий ГЕРАЩЕНКО

Дизайн

**Издательский Центр «Наследие», Александр Сава, Ольга Дерезинская,
Александр Зингалюк**

Вёрстка

Вячеслав ЗАДЗИК

Адрес редакции: Кишинев, ул. Пушкина, 22, оф. 317

E-mail: nashepokolenie@pisem.net

www.nashepokolenie.com

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Нашего поколения» запрещена.
Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать
в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своём решении.

РЕСПУБЛИКА ХАКАСИЯ

*(региональная программа переселения согласована распоряжением
Правительства Российской Федерации от 5 апреля 2014 г. № 538-р)*

Краткое описание территории вселения

Территорией вселения является вся территория республики.

Республика Хакасия расположена в юго-западной части Восточной Сибири, в пределах Саяно-Алтайской горной системы, граничит: на севере и востоке – с Красноярским краем; на юге и юго-западе – с Республикой Тыва и Республикой Алтай; на западе – с Кемеровской областью. Территория республики охватывает в левобережье реки Енисей Минусинскую котловину, а также обрамляющие ее горные хребты Кузнецкого Алатау и Западного Саяна.

Столица Республики Хакасия – город Абакан. Расстояние от Абакана до Москвы – 4218 км.

Хакасия вошла в число трех пилотных проектов Минрегиона России по развитию моногородов через агломерационный подход. В проект Абакано-Черногорской агломерации вошли города Абакан и Черногорск (включен в федеральный перечень монопрофильных городов и населенных пунктов), а также территории Алтайского и Усть-Абаканского районов, что позволит объединить их в единую экономическую площадку.

Реализация данного проекта позволит привлечь государственные и частные инвестиции на производство строительных материалов, в машиностроение, транспорт, агропромышленный и топливно-энергетический комплексы.

По оценкам, дополнительная потребность Республики Хакасия только на реализацию данного проекта в квалифицированных работниках составит более 7 тыс. человек.

Создаваемая агломерация обладает отличительной особенностью, она включает в себя пригородные территории – сельскохозяйственные районы.

Хакасия развивается в основном за счет промышленного сектора экономики, при этом главной задачей является развитие производства, поэтому в рамках агломерации сформированы пять производственных кластеров (сконцентрированных на одной территории, взаимодополняющих предприятий): строительно-индустриальный, агропромышленный, машиностроительный, топливно-энергетический, транспортно-логистический.

На территории Республики Хакасия осуществляют образовательную деятельность 5 образовательных организаций высшего образования, в их числе 4 филиала, и 22 профессиональные образовательные организации, в том числе 2 филиала.

В Республике Хакасия разработаны и реализуются программы поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. Финансирование по содействию жилищному обустройству программы осуществляется за счет средств участников программы или работодателей.

На этапе временного размещения в местах вселения будет оказано содействие по аренде жилья на вторичном рынке, предоставлению мест в общежитиях, социальных гостиницах, а также предоставлению служебного жилья работодателем.

Законом Республики Хакасия от 21.11.2011 № 117-ЗРХ «О мерах социальной поддержки медицинских работников с высшим медицинским образованием и лиц, обучающихся на условиях целевой контрактной подготовки для последующего трудоустройства в государственные и муниципальные учреждения здравоохранения в Республике Хакасия» предусмотрено предоставление денежной компенсации за оплату жилых помещений, используемых на условиях найма (г. Абакан – 10 тыс. рублей в месяц, г. Черногорск, Саяногорск – 6 тыс. рублей, районы, г. Сорск, Абаза – 4 тыс. рублей).

Для высококвалифицированных специалистов, особенно востребованных для работы в государственных учреждениях здравоохранения Республики Хакасия, предоставляется служебное жилье.

Участники Государственной программы имеют возможность приобретения земельных участков под индивидуальное жилищное строительство на территории Республики Хакасия в соответствии с действующим законодательством.

Государственный комитет по занятости населения Республики Хакасия

Адрес: г. Абакан, ул. Хакасская, д. 73А

Тел.: (3902) 22-31-96

Адрес электронной почты: zanpochta@r-19.ru

Телефон горячей линии: 8 (3902) 22-51-04

УФМС России по Республике Хакасия

Адрес: г. Абакан, ул. Ленина, д. 70А

Тел.: (3902) 22-71-34, 22-70-63

Адрес электронной почты: оао-rh-ufms@mail.ru

АЛТАЙСКИЙ КРАЙ

*(региональная программа переселения согласована распоряжением
Правительства Российской Федерации от 20 июля 2013 г. № 1262-р)*

Краткое описание территории вселения

Территорией вселения является вся территория Алтайского края.

Алтайский край расположен на юго-востоке Западной Сибири на пересечении важнейших транспортных магистралей, соединяющих Россию с Монголией и Казахстаном, а также Среднюю Азию с Транссибирской железной дорогой.

Территория края составляет 168 тыс. кв. км, что сопоставимо с размерами среднего европейского государства. Наиболее крупные города: Барнаул, Бийск, Рубцовск. Административный и культурный центр края – город Барнаул – расположен на берегу реки Обь.

Умеренный континентальный климат в Алтайском крае достаточно мягкий относительно других регионов Сибири. Алтайский край обладает уникальным природным потенциалом, что способствует его превращению в интенсивно формирующийся туристско-рекреационный регион. Алтайские горы входят в число пяти природных объектов мирового наследия ЮНЕСКО в Российской Федерации. Для освоения имеющихся рекреационных ресурсов в крае создана особая экономическая зона туристско-рекреационного типа «Бирюзовая Катунь».

Край располагает достаточно мощным промышленным потенциалом. Основа промышленности края – свыше 6 тыс. предприятий. Основные виды промышленной продукции: пищевая, машиностроительная, химическая, фармацевтическая продукция, кокс, цемент и другие строительные материалы, древесина, резиновые и пластмассовые изделия. 70% территории используется для производства сельскохозяйственной продукции. По площади сельскохозяйственных угодий и пашни регион находится на 1-е месте среди субъектов Российской Федерации, что обуславливает его аграрную специфику.

В Алтайском крае сравнительно высокий уровень развития транспортно-коммуникационной инфраструктуры. В структуру воздушного транспорта входят аэропорты городов Барнаула и Бийска.

Кроме того, Алтайский край находится в зоне тяготения важнейшего стратегического проекта корпорации ОАО «Газпром» – создания новой трубопроводной транспортной системы «Алтай» для поставки российского газа из Единой системы газоснабжения России на новые перспективные рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего Китая.

В крае сохраняется дефицит в квалифицированных кадрах по отдельным специальностям и профессиям в строительном комплексе, торговле, обрабатывающем производстве, добыче полезных ископаемых, гостиничном бизнесе, сфере здравоохранения, а также на рынке недвижимости.

В целях повышения доступности жилья в рамках долгосрочной целевой программы «Стимулирование развития жилищного строительства в Алтайском крае» на 2011–2015 годы оказывается содействие в приобретении жилья и улучшении жилищных условий специалистам, работающим в сельской местности, молодым семьям, молодым педагогам.

Гарантируются меры социальной поддержки гражданам пожилого возраста и инвалидам, семьям, имеющим детей, безнадзорным детям, ветеранам труда, труженикам тыла, гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации, малоимущим гражданам и другим категориям населения.

Вопросы предоставления участникам программы земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, расположенных на территории Алтайского края, регулируются Федеральным законом от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве». Земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, для ведения личного подсобного хозяйства предоставляются гражданам, которые зарегистрированы по месту жительства в сельских поселениях. Максимальный размер общей площади земельных участков, которые могут находиться одновременно на праве собственности и (или) ином праве у граждан, ведущих личное подсобное хозяйство, устанавливается в размере 0,5 га.

Управление Алтайского края по труду и занятости населения

Адрес: 656031, г. Барнаул, просп. Строителей, д. 29а

Тел.: (3852) 36-48-04

Адрес электронной почты: trud@depalt.alt.ru

Телефон горячей линии: (3852) 55-51-10

УФМС России по Алтайскому краю

Адрес: 656056, г. Барнаул, ул. М. Горького, д. 39

Тел.: (3852) 63-12-84, 63-19-36

Адрес электронной почты: updmak@rambler.ru

Телефон горячей линии: (3852) 66-54-11

КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ

(региональная программа переселения согласована распоряжением
Правительства Российской Федерации от 22 июля 2013 г. № 1283-р)

Краткое описание территории вселения

Территорией вселения является вся территория Красноярского края, за исключением территорий, имеющих в соответствии с действующим законодательством особый статус, а также муниципальных районов: Березовского, Шушенского, Таймырского, Долгано-Ненецкого.

Красноярский край – географический центр России, один из ее крупнейших регионов. Его площадь составляет более 2,3 млн кв. км (около 14% территории и 2-е место в России), численность населения – более 2,8 млн чел. Административно-территориальный центр Красноярского края – город Красноярск.

Благодаря богатому ресурсному потенциалу Красноярский край является одним из наиболее индустриально развитых регионов России и устойчиво входит в первую десятку субъектов Российской Федерации по объему валового регионального продукта. Сегодня он составляет более триллиона рублей.

Высок научный и образовательный потенциал: в городе Красноярске более 20 высших учебных заведений (включая иногородние филиалы), 23 средних специальных учебных заведения, численность студентов более 135 тыс. человек, 6 институтов в составе Красноярского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. В Красноярске создан Сибирский Федеральный университет.

Система профессионального образования на территории Красноярского края представлена всеми уровнями подготовки: начального, среднего и высшего профессионального образования, а также послевузовского (аспирантура и докторантура) и дополнительного профессионального образования (повышение квалификации и переподготовка рабочих и специалистов).

В системе профессионального образования на территории Красноярского края функционируют 66 учебных заведений начального профобразования, 55 учебных заведений среднего профобразования. Осуществляется подготовка по 214 профессиям и специальностям. По программам начального и среднего профобразования обучаются около 66 тыс. человек из числа молодежи. В качестве платных образовательных услуг учреждения начального и среднего профобразования ежегодно осуществляют профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации более 30 тыс. человек из числа взрослого населения.

Жилищное обустройство для соотечественников предполагается в два этапа. На этапе временного размещения на территориях вселения оказывается содействие по аренде жилья на вторичном рынке, предоставлению мест в общежитиях, гостиницах. На этапе постоянного размещения предполагается содействие жилищному обустройству в рамках действующих краевых целевых программ, в частности, содействие обеспечению жильем молодых семей, ветеранов, инвалидов, а также содействие приобретению жилья на вторичном рынке. Также возможно вовлечение ипотечного кредитования строительства (приобретения) жилья. Соотечественники, поступившие на работу в муниципальные учреждения, приобретают право на получение муниципального служебного жилья, поступившие на работу в краевые унитарные предприятия и учреждения приобретают право на получение жилых служебных помещений специализированного жилищного фонда.

Агентство труда и занятости населения Красноярского края

Адрес: 660021, г. Красноярск, ул. Дубровинского, д. 110

Тел.: (391) 221-98-27

Адрес электронной почты: work-azn24@mail.ru

Телефон горячей линии: 8 (391) 221-98-27

УФМС России по Красноярскому краю

Адрес: 660010, г. Красноярск, ул. Академика Вавилова, д. 45а

Тел.: (391) 201-41-71

Адрес электронной почты: sootech24@mail.ru

Телефон горячей линии: 8 (391) 245-96-27

КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

(региональная программа переселения согласована распоряжением
Правительства Российской Федерации от 20 июля 2013 г. № 1263-р)

Краткое описание территории вселения

В Кемеровской области прием соотечественников осуществляется на всей территории области.

Кемеровская область расположена на юго-востоке Западной Сибири и находится почти на равном

расстоянии от западных и восточных границ Российской Федерации.

Областной центр – город Кемерово. Наиболее крупные города – Кемерово и Новокузнецк, в каждом из них проживает свыше 500 тыс. человек.

Кемеровская область является крупнейшим производственным комплексом страны, обладает уникальными запасами разнообразных минеральных ресурсов, которые способны обеспечить сырьем промышленность на многие годы – месторождения золота, серебра, вольфрама, ртути, молибдена, кобальта, никеля.

В отраслевой структуре экономики региона преобладают отрасли традиционной индустрии: угольная промышленность, черная металлургия, химия.

Главным достоянием региона является Кузнецкий каменноугольный бассейн.

К основным приоритетам развития региона относятся следующие отрасли: угольная промышленность, добыча полезных ископаемых, металлургическая промышленность, машиностроение, химическая промышленность, развитие транспортной инфраструктуры, сельское хозяйство и производство продуктов питания. Для временного расселения участников Государственной программы и членов их семей имеется возможность использования гостиниц и найма жилья через агентства недвижимости. Для постоянного жилищного обустройства участникам Государственной программы предлагается принять участие в зависимости от уровня материальной обеспеченности в следующих направлениях жилищного обеспечения – предоставление жилья на условиях найма или покупка жилья.

Получение земельных участков для индивидуального жилищного строительства в соответствии с законом Кемеровской области от 18 июля 2002 г. № 56-ОЗ «О предоставлении и изъятии земельных участков на территории Кемеровской области».

На рынке труда востребованы специалисты в сфере строительства, медицины, продаж, а также рабочий персонал, профильные технические специалисты.

В Кемеровской области осуществляется поддержка малого бизнеса – это предоставление льготных займов, субсидирование половины страхового взноса по договорам страхования на реализацию инвестиционных проектов. Кроме того, предусмотрен кредитно-гарантийный механизм, который предлагает малому бизнесу кредитные ресурсы при недостаточности залогового обеспечения.

Кемеровская область является крупным образовательным центром, на ее территории работают 12 высших учебных заведений, в которых обучается около 80 тыс. студентов. Кроме того, осуществляют свою деятельность 68 средних профессиональных учебных заведений, в которых обучаются 43 тыс. учащихся.

Участникам Государственной программы и членам их семей наравне с гражданами Российской Федерации предоставляются гарантированные образовательные услуги: организация курсов повышения квалификации, подготовки, переподготовки в государственных образовательных учреждениях начального профессионального, среднего профессионального образования Кемеровской области.

Участники Государственной программы и члены их семей наравне с гражданами Российской Федерации имеют право на получение услуг дошкольного (при наличии мест) и общего образования.

В соответствии с условиями региональной программы переселения соотечественники имеют возможность получать весь перечень социальных, образовательных, медицинских и других услуг, оказываемых жителям Кемеровской области в рамках действующего федерального и регионального законодательства.

В рамках региональной программы переселения участникам Государственной программы и членам их семей будут предоставлены дополнительные гарантии в период до приобретения ими гражданства Российской Федерации, а именно: получение единовременного подъемного пособия на обустройство на новом месте жительства; компенсация расходов по договору найма (аренды) жилого помещения; получение услуг по профессиональному обучению (подготовке, переподготовке, повышению квалификации); содействие нострификации дипломов, аттестатов и других документов об образовании; оказание информационной, юридической и финансовой поддержки при организации собственного дела.

Департамент труда и занятости населения Кемеровской области

Адрес: 650060, г. Кемерово, пр. Ленина, д. 141г

Тел.: (3842) 53-98-33. 58-72-83

Адрес электронной почты: stepin@ako.ru.

УФМС России по Кемеровской области

Адрес: 650099, г. Кемерово, ул. Ноградская, д. 32

Тел.: (3842) 36-04-69, 36-14-51

Адрес электронной почты: n.stepanova@ufmsko.ru

Телефон горячей линии: 8 (384-2) 36-58-45

НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ

(региональная программа переселения согласована

распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 июля 2013 г. № 1267-р)

Краткое описание территории вселения

Региональной программой переселения территорией вселения для соотечественников определена вся Новосибирская область. Новосибирская область расположена в юго-восточной части Западно-Сибирской равнины, главным образом в междуречье Оби и Иртыша. Граничит с Казахстаном, Алтайским краем, Кемеровской, Омской и Томской областями. Главные реки – Обь и Омь. Территория Новосибирской области – 178,2 тыс. кв. км.

Протяжённость с запада на восток составляет 600 км, с севера на юг – более 400 км.

В сфере промышленного производства наиболее высокими темпами в Новосибирской области развивается производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (129,6%), металлургическое производство и производство готовых металлических изделий (128,2%), производство прочих неметаллических минеральных продуктов (112,1%), производство транспортных средств и оборудования (111,8%). Сегодня промышленность Новосибирской области представлена более чем 700 крупными и средними предприятиями, на которых занято более 180 тыс. человек.

Сельскохозяйственным производством занимаются 493 предприятия. В регионе разработаны и реализуются меры государственной поддержки, направленные на повышение финансовой устойчивости сельхозпроизводителей; техническое переоснащение сельскохозяйственного производства; развитие животноводства и растениеводства.

При государственной поддержке в области реализуется 27 крупных инвестиционных проектов, в т. ч. трёх крупных парковых проектов: Промышленно-логистического парка, Технопарка Новосибирского Академгородка и Биотехнопарка в наукограде Кольцово.

В Новосибирской области успешно реализуется приоритетный национальный проект «Здоровье», решаются масштабные задачи по модернизации здравоохранения, укреплению материально-технической базы медицинских учреждений. На территории области медицинская помощь оказывается в 131 государственном учреждении здравоохранения. В оказании медицинской помощи участвуют 12 федеральных медицинских клиник, медицинские организации частной формы собственности.

В Новосибирской области зарегистрировано около 150 тыс. субъектов малого и среднего предпринимательства (включая индивидуальных предпринимателей).

Наиболее востребованы квалифицированные рабочие в обрабатывающих производствах, строительстве и обслуживании: водители автомобиля, слесари (механосборочных работ, ремонтники, сантехники и т. п.), операторы (станков с числовым программным управлением, связи, персональных компьютеров и электромашин, автоматических линий и др.), машинисты (бульдозера, различных видов кранов, автовышки, компрессорных установок и др.), плотники, маляры, штукатуры, бетонщики, монтажники, электрогазосварщики, продавцы, повара и др.

Потребность в специалистах и служащих составляет 27,4% от общего числа вакансий. Среди должностей специалистов и служащих наиболее востребованы специалисты в области здравоохранения (врачи разных специализаций, средний медицинский персонал, фармацевты), инженеры (технологи, программисты, проектировщики, строители), специалисты сферы образования (воспитатель, учитель, преподаватель), менеджеры по различным направлениям (в торговле, рекламе, офис-менеджер), агенты по направлениям (торговый, страховой, рекламный, в сфере недвижимости), средний персонал для финансовой и торговой деятельности (бухгалтер, кассир, экономист).

Новосибирская область занимает лидирующие позиции по объёмам жилищного строительства среди регионов Сибирского федерального округа. Жилищный фонд области составляет 60 млн кв. м. общей площади, в т. ч. 47 млн кв. м. (78,3%) – в городах и посёлках городского типа. В среднем на одного жителя Новосибирской области приходится 22,2 м² общей площади.

На территории области реализуются программы по стимулированию развития жилищного строительства и обеспечения жильем молодых семей. Многодетным семьям бесплатно предоставляются земельные участки под индивидуальное строительство.

В Новосибирской области 1020 школ начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования, 28 учреждений начального профессионального образования, 48 самостоятельных государственных и муниципальных средних специальных учебных заведений, 3 филиала и 13 структурных подразделений высших учебных заведений, реализующих программы среднего профессионального

образования, а также 1 негосударственное среднее специальное учебное заведение и 3 структурных подразделения негосударственных высших учебных заведений, реализующих программы среднего профессионального образования. Обучение ведётся по 68 профессиям начального профессионального образования и по 70 специальностям среднего профессионального образования.

На территории области действует 38 высших учебных заведений и их филиалов. Общая численность обучающихся студентов – порядка 135 тыс. чел., в т. ч. свыше 4500 иностранных граждан. В образовательных учреждениях высшего профессионального образования реализуются программы послевузовского и дополнительного профессионального образования.

В Новосибирской области продолжает развиваться многоуровневая система отбора и поддержки талантливой молодежи. Оказывается организационная и финансовая поддержка проведения выездных курсов и летних школ, по итогам которых прошли обучение более 100 соотечественников. Оказывается государственная поддержка студентам из числа соотечественников, обучающихся в вузах Новосибирской области с оплатой стоимости обучения.

Министерство труда, занятости и трудовых ресурсов

Новосибирской области

Адрес: 630011, г. Новосибирск, ул. Ленина, 28

Тел.: (383) 334-09-21

Адрес электронной почты: irs@mintrud.nso.ru

УФМС России по Новосибирской области

Адрес: 630015, г. Новосибирск, пр. Дзержинского, 12/2

Тел.: (383) 232-60-09, 232-60-11, 232-60-12

Адрес электронной почты: mail@fms-nso.ru

Телефон горячей линии: (383) 279-20-89

ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

*(региональная программа переселения согласована распоряжением
Правительства Российской Федерации от 15 июля 2013 г. № 1234-р)*

Краткое описание территории вселения

Территорией вселения является вся территория Омской области.

Омская область расположена в междуречье Оби и Иртыша.

На западе и севере она граничит с Тюменской областью, на востоке – с Томской и Новосибирской областями, на юге и юго-западе – с Казахстаном.

Административным центром Омской области является город Омск.

Омская область – один из крупнейших промышленно-аграрных регионов Сибирского федерального округа. Ведущие позиции в структуре экономики Омской области занимает промышленность. В обрабатывающем секторе промышленного производства постоянно осуществляется ввод новых производств, модернизация и реконструкция производственных мощностей предприятий, внедрение новых технологий, что обеспечивает не только увеличение объемов выпуска продукции, но и повышение ее конкурентоспособности.

Омская область входит в число развитых аграрных районов Российской Федерации и наиболее развитых сельскохозяйственных регионов Сибирского федерального округа.

В среднесрочной перспективе развитие экономики Омской области предполагается в условиях активной реализации государственной политики, направленной на повышение инвестиционной привлекательности региона, широкого внедрения наукоемких технологий в производство, развития предпринимательской инициативы, качественного совершенствования факторов производства и их использования, увеличения уровня доходов населения.

На территории Омской области в соответствии с законодательством осуществляется назначение порядка 60 видов социальных выплат, из них 30 видов – выплаты, финансирование которых производится из бюджета Омской области.

На территории области сформирована и стабильно функционирует сеть государственных стационарных учреждений социального обслуживания.

Приоритетным направлением семейно-демографической политики в Омской области является поддержка многодетных семей. В качестве дополнительной меры поддержки указанных семей в Омской области предусмотрен областной материнский (семейный) капитал.

Система образования Омской области включает более двух тысяч образовательных организаций и

обеспечивает доступность образования детям, подросткам и молодежи. Численность учащихся и студентов, охваченных всеми видами обучения, превышает 280 тыс. человек.

На территории Омской области функционируют 872 государственные и муниципальные образовательные организации, реализующие основную общеобразовательную программу дошкольного образования, и 23 негосударственные организации.

Система профессионального образования Омской области включает в себя образовательные организации высшего и среднего профессионального образования.

Возможности трудоустройства соотечественников, прибывших в Омскую область на постоянное место жительства, распределяются по следующим направлениям трудоустройства:

1) на ранее забронированные вакансии; 2) на имеющиеся вакансии при условии обращения соотечественников в центры занятости населения.

В случае наличия у соотечественников недостаточного уровня квалификации или невозможности их трудоустройства по специальности планируется проведение мероприятий по профессиональному обучению участников Программы и членов их семей в целях повышения их конкурентоспособности на рынке труда.

Кроме того, участники Программы и члены их семей могут самостоятельно трудоустроиться посредством прямого обращения к работодателям.

Участники Программы могут также выступать в качестве индивидуальных предпринимателей, членов кооперативных организаций и крестьянских (фермерских) хозяйств.

Министерство труда и социального развития Омской области

Адрес: 644007, г. Омск, ул. Яковлева, 6

Тел.: (3812) 24-51-65

Адрес электронной почты: post@mintrud.omskportal.ru

Телефон горячей линии: 8 (3812) 25-53-82

УФМС России по Омской области

Адрес: 644009, г. Омск, ул. Лермонтова. 179 А

Тел.: (3812) 32-79-80

Адрес электронной почты: udm_omsk@mail.ru

Телефон горячей линии: (3812) 36-73-07

Владимир СОКОЛОВ

Тема: «Удивление перед иностранным языком – главное качество для переводчика»

Качества, необходимые для перевода иностранной литературы

Считается, для того чтобы переводить художественную литературу с иностранных языков, нужно обладать следующим набором качеств:

- 1) знание языка, с которого переводишь;
- 2) знание русского языка;
- 3) знание литературы, с которой переводишь;
- 4) знание русской литературы

Добавить в этот список кое-что можно и даже необходимо. А вот убавить нельзя ни йоты. Что, однако, не избавляет от зуда комментаторства по изложенным пунктам:

1. Такое свойство, как знание иностранного языка, то есть языка, с которого переводишь, кажется настолько неоспоримым, что в здравом уме и полной памяти даже смешно предположить, что кто-то этим будет заниматься. По крайней мере, не автор этой статьи. И все же нельзя воздержаться от соображения, что значение этого пункта очень сильно преувеличено и даже сознательно преувеличивается кастой окопавшихся и питающихся от перевода на русский язык как художественной, так и деловой литературы.

«Совершенное знание языка» – идеал труднодостижимый и даже невозможный для достижения. А вот стремиться к нему не только не нужно, но даже и вредно для умственного здоровья. Если кто не общался с профессиональными переводчиками, то это люди, не способные к пониманию самых элементарных вещей на родном языке, дерганые, потому что их умственные способности намного выше в их представлениях, чем то кажется окружающим. Посмотрите на них и решайте: а нужно ли быть такими, если таковы требования ремесла? Ответ однозначен: не нужно.

Необходимое, по крайней мере, на первых порах, знание иностранного языка может ограничиться 4000 слов, а еще лучше 10000. Больше – уже вредит. 4000 слов, вы понимаете, это не взятых наобум, а представляющих собой основной словарный фонд иностранного языка. Если он есть. А если его нет? Как это с латинским или киргизским языками? Насчет киргизского не знаю, а с латинским по этой причине мучений множество. К счастью, основные европейские языки давным-давно этот фонд выработали, и когда говорят, что финский – один из труднейших европейских языков, то дело не в его какой-то сверхтрудности, а как раз в отсутствии этого самого основного словарного фонда. По причине невыработанности, и только по этой. Сам по себе этот фонд есть, без этого никакой язык не может быть: просто малочисленность говорящего на языке населения не смогла достаточно сгношиться на прокорм филологов, которые бы этот фонд отобрали и увековечили. Кстати, как развивается культура в России, то мы, похоже, близки к потере своего основного словарного фонда.

К этим 4000 нужно добавить этак слов 200, характерных для среды или особенностей переводимого текста. Если вы переводите морской роман, то нужно знать дополнительно слов 200, а может, и 500, связанных с морем: названиями частей корабля, судовых работ, явлений моря...

Мы вовсе не собираемся давать пособие для изучающих иностранный язык. Все же следует заметить, что эти слова нужно знать во всех их формах. И знать не статистически, а динамически. Что толку смотреть в словарь для перевода, скажем, такой популярной латинской сентенции как *sic itur ad astra*, если слово *itur* вы ни с бодуна, ни на трезвую голову, даже и в очень подробном словаре не увидите? И что толку вызубрить его – «идти, ходить (строго говоря, «я иду»)», если в таком виде данное слово почти не встречается в латинских текстах, а если встречается, то совсем в других значениях, далеких и от ходьбы, и от бега, и от ползания на карачках?!

Neu, quam miserum est ab eo laedi, de quo non possis queri! – «как тяжело пострадать от того, на кого не можешь пожаловаться»

eo perventum est, ut multa hospitia habeas, nullas amicitias – «дело дошло до того, что у тебя куча знакомых, а друзей-то нет»

in eo proelio ducentos milites Caesar desideravit – «в этом сражении Цезарь лишился двухсот солдат»

И уж совсем не нужно знать грамматики, а если выучить ее в момент овладения языком, то желательно по окончании процесса обучения (школярского, ибо для себя учиться нужно всю жизнь), постараться ее забыть как дурной сон. Вещь эта, возможно, для лингвистики и очень важная, но для практического знания языка совершенно излишняя.

2. Гораздо важнее «знания» языка его понимание. А понимание лишь частично рождается из знания.

Гораздо больше из какого-то трудно обозначаемого свойства: удивления что ли чужим языком. «Мама, – из рассказа в «Пионерской правде» о школьнике после первого урока английского языка, – ты представляешь, по-английски “Петя”, оказывается, “Пит”. Ну и чудно». Вот эта ненасытная страсть к чудностям иностранного языка гораздо важнее школярского знания, которым так любят щеголять переводчики.

В латинском языке меня не устаёт поражать похожесть многих слов этого языка на русские слова. Причем похожесть с подковыкой. Заимствованное из латинского слова и не то же самое, каким оно было в латинском, и не другое:

maximus huius rei timor est cuius et varietas magna et apparatus terribilis est – «от того большой ужас, что снабжено более ужасными и разнообразными аппаратами (приспособлениями)»

in proximam cellam ducti sumus, in qua tres lecti strati erant et reliquus lautitiarum apparatus splendidissime expositus – «нас провели в следующую комнату, где были установлены три ложа (римляне любили есть полулежа) и весь стол был накрыт весьма пышно» (здесь *apparatus* – стол накрытый)

dixit causam illam more suo nullo apparatu, pure et dilucide – «он говорил об этом деле по своему обычаю, точно и ясно, без каких-либо прикрас»

3. То же можно сказать и о грамматических явлениях.

Adam dit au poète que la langue qu’il a parlée pendant sa vie était déjà oubliée à l’époque de l’édification de la Tour de Babel... Вот такая французская фраза. И, допустим, переводчик, как умная Маша переводит ее слово в слово: «Адам сказал поэту, что язык на котором... э-э... «на которой»... э-э «он» нет, наверное, все же «она говорит»...» Затруднение возникает из-за слова *a parlée*. Оно явно женского рода, о чем говорит окончание *e*, иначе бы было *a parlé*. Но кто здесь женщина? Немного помывавшись, можно догадаться, что женщина – это «язык», потому что если в русском языке это слово мужского рода, то во французском *la langue* – женского. Но в этом – несовпадении родов в разных языках – нет еще ничего необычного и своеобразного. Загвоздка в том, что говорит-то не язык, а говорит поэт: *il a parlée* – так дословно и переводится «он говорит». Не будем строить детективных загадок, ибо любой, хоть немного знающий французский язык вам скажет, что в придаточных предложениях или в таких, где прямое дополнение выражено местоимением (*il l’a parlée*), форма глагола согласуется не с подлежащим, а с прямым дополнением. Это как если бы мы по-русски сказали «он ее видела». Не знаю, как вам, а мне это кажется и удивительным и останавливающим внимание: ну это же надо до такого додуматься было этим французам?!

Хотя, вникнув чуть глубже, не можешь не восхищаться их грамматиками и лингвистами. Вообще, по части языкознания французы ребята хоть куда: и немцев с их тяжеловесными определениями, и уж тем более англичан, довольно невразумительных в этой науке, за пояс заткнут. В данном случае придаточное присоединяется союзом *que*, который здесь можно перевести «котором» или «которой». Но как всё же именно «котором» или «которой», ведь в отличие от русского у французов нет падежей. И вот они придумали навешивать признак рода на глагол, вернее, на причастие глагола и тем избегать двусмысленности. Ловко, ничего не скажешь:

Adam dit au soi que la langue qu’il s’est parlé.

В данном случае («Адам сказал себе на языке, на котором он разговаривал сам с собой») глагол (ну, допустим, «сказуемое»: *ох уж эти грамматики: всюду лезут со своими требованиями точных дефиниций*) снова согласуется, как ему и положено, с подлежащим. Я долго этого правила не мог освоить, тем более что в некоторых грамматиках оно просто опускается, будто понятное само собой. Зато, когда открыл его для себя, радости не было предела. Вот об этой радости открывания я и имею в виду как необходимым переводчику качестве. Иначе перевод с чужого языка с того вечными заковыками будет муторным паскудным занятием.

4. Но, пожалуй, самое чудное в иностранном языке – это способ выражения, совершенно не похожий на русский. Приведу примеры на этот раз из немецкого языка, не только для разнообразия, а потому что они у меня вот здесь, когда я набираю эту статью, под рукой.

Er hat Vernunft angenommen – дословно «он принял разум», хотя в таких случаях мы говорим «он образумился».

Ich habe ein gutes Wort für sie angelegt – дословно «я вложил за нее доброе слово», или, как говорим мы, «я замолвил за нее словечко».

А вот это выражение можно принять за метафору *Er ist unternehmenlüstig* – «он весело-предприимчив», хотя на самом деле это никакая не метафора, а самый стандартный заляпанный всеми немецкоговорящими оборот «он чрезвычайно предприимчив».

А вот еще один прямо-таки забавный пример. Er fuhr seinen Bruder an, der immer noch das lateinische Gebet murmelte – «Он стал кричать на своего брата, который все еще щебетал молитву на латинском».

Er fuhr seinen Bruder an можно перевести дословно: «он наехал, наткнулся на своего брата», а можно переносно: «он накричал, стал бранить своего брата».

Оба значения, прямое и переносное, слова anfahren в немецком – «наезжать» литературны, в русском же только первый, поэтому перевод «наехал на своего брата» может рассматриваться как просторечный, вульгарный.

Обсасывая эти особенности немецкого языка, их философ Хайдеггер пытается доискаться через язык смысла жизни. Размышляя о природе пространства и времени, он вдруг начинает мусолить такую фразу:

Es gibt Zeit или Es gibt Raum. Es gibt – это очень распространенный немецкий оборот, переводимый безличным предложением «имеется». Es gibt Leute, die gut zahlen – «есть (имеются, бывают на свете) люди, которые хорошо считают». Но es, которое в данном обороте само по себе ничего не значит, может означать также местоимение «оно» (или «она», «он» в зависимости от рода существительного, которое они заменяют и который – род – в немецком языке часто не совпадает с русским). Если посчитать его за местоимение, то перевод оборотов о времени и пространстве мог бы быть таким «оно дает время», «оно дает пространство». И вот Хайдеггер начинает строить философию и допытываться, кто или что кроется под этим «оно». Кто дает время? Кто дает пространство? Советский переводчик и исследователь Хайдеггера Бибахин поступил очень умно, снабдив перевод подробным языковым комментарием, а не пытаясь вогнать хайдеггеровскую мысль в точный ее русский адекват.

Ибо особенности выражения в чужом языке делают часто совершенно невозможным так называемый дословный перевод:

Caeci sunt oculi, cum animus alias res agit – «глаза слепы, когда душа делает другие вещи», смысл: если ты занят своими мыслями, ты не видишь того, что творится вокруг. Так мы говорим об углубленных в себя людях: идет, занят своим и ничего вокруг не замечает.

Cito culpam effugias, si incurrisse paenitet дословно: «быстро избежишь вины, если совершишь было тебе»: получается совсем коряво, ибо incurrisse здесь стоит в такой грамматической форме, какой в русском языке и нет; смысл сказанного, «если совершив проступок, ты быстро повинился, то избежишь наказания (повинную голову меч не сечет)».

Instructa inopia est in divitiis cupiditas – «жадность – это встроенный в богатство недостаток»; смысл «если человек жаден, то, даже будучи богатым, он не способен наслаждаться своим богатством».

Смысл разъяснить, конечно, можно, но при этом весь лаконизм, вся прелесть оборота пропадают. Вот это чувство непостижимой способности иностранного языка выражать мысли совсем иначе, чем они выражаются в русском гораздо больше стимулируют переводчика напрягаться иностранным языком, доискиваться точного смысла слов и выражений гораздо важнее, чем отвлеченное и какое угодно обширное знание. Как я заметил, плохие, но добросовестные переводчики пытаются не столько вникнуть в смысл подобных слов и выражений, расщепить их на составные части, сколько упорно ищут в словарях и грамматических учебниках некоего однозначного «правильного» перевода.

Продолжение следует.

Игорь ХОМЕЧКО

Тоби

Саныч уже и сам не помнил, сколько месяцев назад к нему прибудился этот нескладно большой и по-стариковски ворчливый пес, в умных, грустных глазах которого, казалось, сокрылась вся скорбь веками гонимого народа. Саныч, как обычно, разводил костер из натасканных за день веток, стараясь хоть чуточку согреться от осенней промозглой непогоды, от которой нисколько не спасала груда старого тряпья и рваных одеял посреди технологичных руин в незапамятное время начатого, да так и не достроенного здания, укоризненно и тщетно тянущего к нему свои элементы металлоконструкций, причудливо украшенные какими-то сорванцами. И вдруг прямо за своей спиной он услышал сердитое ворчание.

– Фу ты, напугал, етить тебя задери, – незлобиво, больше для порядка, ругнулся Саныч, обернувшись и увидев дрожащую от холода псину.

Он попытался погладить пса, но тот пугливо метнулся в дальний угол бетонной коробки и злобно затывкали.

– Ладно, ладно, да не трону я тебя, – успокаивающе бросил Саныч и протянул псу краюху черного хлеба, все, что осталось у него на ужин.

Пес, хоть и был голоден, жадно смотрел на хлеб, но не решался подойти к Санычу, и тому пришлось кинуть краюху в угол, где спряталась собака. Пес осторожно подошел к хлебу, обнюхал его со всех сторон, ухватил зубами и в несколько судорожных движений справился с предложенным ему угощением.

Так началось сближение Саныча с собакой, которую он окрестил Тоби: пытаясь подобрать ему имя, он выкрикивал разные клички, и при произнесении слова «Бобик» Санычу показалось, что псу это имя знакомо, он даже вильнул хвостом, тем не менее, не приближаясь к человеку. Но имя Бобик решительно не нравилось самому Санычу, и тогда он переделал его в Тоби – и псу привычно, и звучит более благородно.

Прошло немало времени, прежде чем Тоби стал доверять Санычу и они вместе коротали долгие зимние вечера, по ночам заползая в груду тряпья, служащую очень ненадежной в этой время года постелью, тесно прижимаясь друг к другу, чтобы не околеть от холода. Так и перезимовали зиму, а затем пришло благословенное лето, снова зима, снова лето, сколько их сменилось, Саныч уже сбился со счета.

Вся его жизнь теперь разделалась на «до Тоби» и «при Тоби», причем жизнь до Тоби была какой-то нереально далекой и чужой, память о ней давно изгладилась в его голове. Он бы и свою кликуху Саныч позабыл бы, как давно и благополучно позабыл свое настоящее имя и добомжацкую жизнь, да только все равно ежедневно приходилось вылезать из своего пристанища в вечном поиске хлеба насущного и поневоле общаться с другими себе подобными изгоями, которых он терпеть не мог. И тут снова выручал пес: однажды Санычу вознамерились намять бока трое очумелых, дышащих тошнотворным ацетоновым перегарищем сивухи искателей приключений, так Тоби выскочил из-за угла, мощным прыжком повалил на землю стоящего посередине жоака, а остальные, мигом протрезвев, сами разбежались кто куда, истошно вереща, что еще им покажут. Но после этого случая Саныча старались обходить стороной другие бомжи, чему тот был несказанно рад.

Саныч и сам не заметил, как привязался к собаке и искренне полюбил ее той бескорыстной, не требующей ничего взамен, не ищущей никакой корысти любовью. Он заботился о Тоби, старался оставлять ему лучшие кусочки трапезы, даже раздобыл, Бог его знает где, старый гребень с отломанными зубцами, которым старательно расчесывал свалявшуюся шерсть пса. И Тоби отвечал ему взаимностью: ведь у него, как и у Саныча, больше ничего не было на свете, он, привыкший к пинкам и издевательствам двуногих, сполна оценил заботу Саныча и ответил ему верной и преданной привязанностью. За свою долгую совместную жизнь они даже стали похожи по характеру, прекрасно изучив привычки каждого из них и инстинктивно стараясь подстроиться друг к другу.

Но в тот злополучный вечер их тихий, уютный мирок в один момент оказался разрушен. К ним в подвал вдруг забрела компания порядком подвыпивших подростков, почему-то решивших найти укромное местечко для любовных утех. Сколько таких компашек за эти годы забредало в здание, но ни одна из них до сих пор не добиралась до подвала. С истеричным гиком и визгами вломились они в помещение, мигом ставшее гораздо теснее обычного. Саныч не успел удержать Тоби, как пес стремглав кинулся на непро-

шенных гостей, схватив одного из них за ногу. Юнец с размаху ударил Тоби, пес инстинктивно дернулся назад, не отпуская своей добычи. Как-то особенно громко и отчетливо в наступившей тишине раздался треск разрываемой материи.

– Ах ты, б..., он мне джинсы порвал! – завопил юнец.

– Мочи его! – раздался дружный вопль в ответ, юнцы мигом обступили Тоби и начали методично избивать его чем под руку подвернется.

Саньч попытался было кинуться на подмогу, но получил мощную затрещину, откатившись в дальний угол подвала.

– Хватит! Остановитесь! Люди вы или нет? – тщетно пытался он воззвать к юнцам, упорно пытаясь подняться, преодолев слабость и головокружение, да вот беда, ноги никак не хотели держать его.

Тоби, поначалу взвизгивающий, теперь уже неподвижно лежал на полу, а юнцами овладел экстаз убийства: они с улюлюканьем и диким ржанием избивали уже неподвижного пса ногами, бутылками и ремнями.

– Б..., отомсти ему, Жека, он же тебе вещь испортил! – загоготала тощая полуобнаженная девица, до половины упакованная в кожу, и протянула пострадавшему юнцу невесть откуда взявшийся увесистый камень.

– Ща, это мы, б... мигом! – довольно расхохотался тот, схватил камень и, приловчившись, со всего размаху опустил его на морду Тоби. Камень пробил череп пса, забрызгав окружающих кровью.

– Твою мать, Жека, ты всех изгадил! – завопила девица, ухватив юнца, вновь было занесшего свой камень, за руку и резво потянув в сторону. – Все, валим на х... отсюда!

Они опрометью умчались восвояси, оставив на полу бездыханного Тоби в луже крови и брызгах мозгов. Саньч, рыдая, подполз к псу, крепко обняв его, пытаясь растормошить, не веря в произошедшее. Но чуда не произошло: в единственно уцелевшем остекленном глазе Тоби не было ни единой искорки жизни.

Саньч бережно поднял Тоби и понес его на улицу, где, осторожно опустив тело пса, стал копать ему могилу ветхой, заржавелой лопатой без черенка. Земля перед зданием была обильно приправлена щебенкой и камнями, поэтому плохо поддавалась лопате, но Саньч не останавливался, и через несколько часов могила была готова. В последний раз поглядев на Тоби, он опустил его в могилку и так же молча зарыл ее, водрузив в изголовье один из разбросанных по двору массивных булыжников.

Первым делом он сменил подвал, явственно напоминавший ему о случившемся. Да только это несколько не помогло, перед его глазами явственно стояла картина забываемой до смерти собаки. В каждом из людей ему мерещилось ухмыляющееся лицо юнца, в бесчисленный раз с размаху опускавшего свой камень. Саньч сохранил его, всюду нося с собой и, завидев человека, протягивал ему этот камень в своих судорожно сжатых ладонях, неизменно бормоча: «За что? За что?».

Прохожие, поначалу отпихивающие Саньча, постепенно привыкли к этому странному тихому сумасшедшему и лишь ускоряли свой шаг при его появлении, невольно стараясь избежать общения с Саньчем. Даже другие бомжи, и те старались не связываться с ним, может, потому что безутешное горе Саньча будило в них давно позабытое человеческое сочувствие.

Но вот в город, где жил Саньч, с рабочим визитом нагрянул Первый, решивший не упустить случая поднять свой рейтинг и пообщаться с простым народом. Кавалькада роскошных лимузинов медленно и степенно остановилась на площади у поспешно согнанной властями толпы людей. Из второй машины неспешно вылез Первый, обаятельно расточающий улыбки, приветственно машущий рукой собравшимся. По заведенному неведомо кем протоколу, перед тем, как произнести свою привычную, в тысячный раз повторяемую с незначительными вариациями речь, Первый стал пожимать руки тем, кому посчастливилось находиться в первых рядах. И тут появился Саньч.

Бормоча свое «За что?», протягивая камень расступающимся перед ним окружающим, он пробирался вперед, по направлению к Первому. При таком столпотворении народа ни охрана, ни полиция не могли пробиться к Саньчу, чтобы остановить его. И тут грянули роковые выстрелы: секьюрити, усмотрев в Саньче угрозу для Первого, а может – приняв его за террориста, открыли огонь на поражение. Пули швырнули его на землю, камень выпал из разжатой руки, покотившись по мостовой.

Толпа в панике кинулась врассыпную, секьюрити по заранее отработанному протоколу, прикрывая собой Первого, запихали его в лимузин, и кавалькада, оглашая воздух истошным воем сирен, набирая скорость, умчалась прочь от этого злополучного, мигом опустевшего места. И только Саньч неподвижно остался лежать на серой мостовой.

Штабист

Полковника Лежнева сослуживцы не любили за его излишний педантизм и служебное рвение. Он, всегда аккуратный, немногословный, вечно занятый какой-то, как всегда, очень срочной и архиважной работой, словно был ходячим укором всем тем, для кого служба сводилась к постоянным перекурам да бесконечным попойкам шумной компанией, во время которых, между делом, невзначай, в перерыве между очередной армейской байкой и сальным анекдотом, как правило, и решались все служебные вопросы в штабе округа. Несмотря на аккуратность и точность исполнения приказов, полковник постоянно раздражал начальство своей принципиальностью и решительным неумением закрывать глаза на периодически возникающие обстоятельства весьма деликатного свойства, расходящиеся с предписаниями устава и не совсем законные. А уж подчиненные, так те просто ненавидели его тихой, но лютой ненавистью, поскольку мимо его острого, наметанного глаза не проходило незамеченным ни одно нарушение. Доходило до того, что когда проходил слух, что полковник едет с проверкой, один или в составе очередной комиссии, в штабе округа немедленно выстраивалась целая очередь из смертельно бледных, заискивающих перед штабистами горе-командиров, пытающихся подношениями и связями любыми путями добиться того, чтобы вместо Лежнева назначили кого-нибудь другого.

От этого безотчетного панического ужаса перед Лежневым его окрестили Вепрем, хотя ничего свирепого, в общем-то, в полковнике не было: он никогда не выходил из себя, не крыл подчиненных замысловатым многоэтажным матом и разве что в исключительных случаях повышал голос. Но его тихая, монотонная речь внушала больший ужас, чем самый разнузданный и истеричный крик иных начальников. «Вот все остальные – люди как люди, ну, пошлют по-матушке, ну, в крайнем случае, дадут в морду – невелика беда, так тут же и отойдут, простят, их можно умаслить, выпить с ними, сводить в баньку, организовать девочек, – и в итоге будет желаемый результат, превосходный отчет в штабе. А Вепрь – это ведь и не человек даже, а какая-то безликая и очень опасная машина, наподобие гильотины. От него ведь ничто не спасет», – рассуждали подчиненные.

Злые языки поговаривали, что за свое неумное рвение, еще в самом начале его службы, пострадал не только сам полковник, но и вся его семья: когда подошла очередь заменяться из тихой и спокойной Германии, голубой мечты любого советского офицера, его загнали аж в Сарыозек, затерянный среди холмов казахского мелкосопочника на полпути между Алма-Атой и Талды-Курганом. И дело даже не в его удаленности и жутких перепадах температур (от сорокаградусной жары в тени летом до пятидесятиградусного мороза зимой), а в том, что в тот период в Сарыозеке, после договоренностей с американцами о сокращении стратегических вооружений, демонтировали ракеты с ядерными боеголовками. Естественно, что из-за обычного раздолбайства и извечного недостатка денег, хоть и выделяемых американцами, но стабильно оседающих в чьих-то неведомых бездонных карманах, на ракетном полигоне обходились самым минимумом мер предосторожности: ракеты кромсали прямо под открытым небом обычным автогенном. Неудивительно, что жена полковника, тихая красавица Варвара, заболела там раком и все последующие годы маялась бесчисленными операциями и химией. Дети Лежнева тоже постоянно болели самыми странными и диковинными болезнями, начиная с расстройства щитовидки в юном возрасте.

Карьера полковника была богатой своим разнообразием: Лежнев нигде не задерживался подолгу, он всегда и всюду приходился не ко двору, поэтому любое начальство обычно старалось любыми путями сплавить его, пусть даже – и с повышением по старому армейскому принципу: «гони зайца дальше». Естественно, на долю Лежнева выпадали все горячие точки и неудобные места службы, начиная от обеих чеченских кампаний и заканчивая службой в «забытом военном округе», как метко окрестили офицеры ЗаБВО – Забайкальский военный округ. И вот, наконец, он осел в штабе этого округа – сплавлять его было уже больше некуда, в самом деле, не в Москву же, в аппарат Министерства Обороны, его на генеральскую должность отправлять. Лежнева решили потерпеть до его увольнения по выслуге лет, первый командующий округом смирился и махнул рукой, а дальше полковник уже автоматически переходил по наследству все новым и новым командующим в качестве неприятного довеска, от которого никуда не денешься, приходится смириться и терпеть.

Это утро ничем не отличалось от других: ровно в 7.50 Лежнев, привычным жестом предъявив удостоверение дежурному, вошел в здание штаба округа. Полковник был пунктуален даже в мелочах и всегда был верен выбранному распорядку, ни на секунду не отклоняясь от него. Сослуживцы подтрунивали над ним, что по полковнику можно было сверять часы, но в этом подтрунивании была изрядная доля правды. Лежнев своей обычной пружинистой, энергичной походкой поднялся по широкой лестнице на второй этаж, поприветствовав по пути встретившихся ему офицеров, и без пяти восемь вошел в свой кабинет. А в 8.05 внезапно раздался выстрел.

Вбежавшие в кабинет офицеры увидели полковника на его неизменном месте, за рабочим столом, откинувшегося на спинку кресла. Пуля, аккуратно войдя в висок, прошла навывлет, оставив на выходе отверстие гораздо большего размера. Табельный «ПМ», выпав из руки, валялся на полу подле Лежнева. Перед смертью полковник аккуратно убрал все бумаги в сейф и ящики стола, и потому на обычно загроможденном бумагами и папками, а теперь – сиротливо пустынном столе сразу же бросалась в глаза одна-единственная бумага, на которой четким каллиграфическим почерком Лежнева была обычная в таких случаях фраза: «В моей смерти прошу никого не винить», с подписью, датой, и даже, что было очень характерно для покойника, временем ее написания.

Привычный распорядок работы штаба был безнадежно нарушен. Офицеры стояли притихшими группками, без обычных шуточек и взрывов веселья. Все, конечно же, обсуждали произошедшее. Большинство собравшихся злорадно, подленько и гаденько мстили теперь уже не страшному больше Вепрю:

– Да, ясное дело, проворовался полковник, как обычно это бывает, и был пойман за руку, ну и пришлось пустить себе пулю. А изображал из себя тут честного и неподкупного, ну и актер!

– Нет, говорю вам, тут тайная интрижка на стороне, как говорится, «шерше ля фам», без женщины тут не обошлось. А может, у него был роман с женой командующего, помните, их как-то видели в одном и том же магазине, они якобы делали там покупки, причем – в одно и то же время.

– Ерунда, не стал бы он из-за этого стреляться! Тут какой-то тщательно скрываемый тайный порок. Может быть, азартная игра? Проигрался в пух в казино, к примеру, чем не вариант, а?

– Да чего вы тут гадаете, наш Вепрь настолько ненавидел все и вся, что в итоге и себя самого возненавидел. Вспомните, сколько в нем было гонору и фанаберии. От ненависти он застрелился, точно говорю, от ненависти.

– Да нет, крыша у него поехала от работы. Есть такая болезнь, гораздо хуже алкоголизма – трудоголизм. Переработался, вот крышу и сорвало.

– А говорят, он в Чечне лично ходил в бой. Наверняка не одного «чеха» там завалил. Может, кровь на руках спать не давала?

– Слушайте, мужики, а может, он был тайным наркоманом? Я слышал, наркоманы водку не пьют, не нужно это им. Вспомните, ведь он не пил с нами никогда, что очень странно для здорового мужика во цвете лет. Вот галюники и словил, вполне ведь может быть.

Начальник штаба, как и полагается в таких случаях, отрядил пару офицеров домой к Лежневу, чтобы сообщить родным о смерти полковника. Через пару часов они вернулись в штаб, бледные и притихшие. Ни слова не говоря собравшимся группкам, они сразу прошли в кабинет начальника штаба.

– Товарищ генерал-лейтенант, разрешите доложить. Жена товарища полковника... – как-то странно запинаясь, начал пожилой майор и осекся, подбирая слова.

– Что жена? Да говори ты толком, не мычи, как телок! – прикрикнул на него начштаба.

– В общем, нет жены, товарищ генерал, – разом выдохнул майор.

– Как это нет жены? – изумился генерал. – Я и сам ее видел, и в его личном деле записано черным по белому. Куда же она подевалась?

– Схоронил он ее вчера. Умерла она. От рака умерла.

– Как это умерла? – возмутился начштаба, вскочив с кресла. – Почему мне ничего не доложили? Разгильдяйство! Безобразия! Тут черт знает что творится, а мне не докладывают!

– Так никто ничего не знал, товарищ генерал. Товарищ полковник ни с кем не делился.

– Ладно, шут вас задери, идите! Свободны! – гневно махнул рукой начштаба, выругался и стукнул кулаком по столу.

* * *

На похороны Лежнева явились практически все сотрудники штаба округа. Еще бы: ведь сам командующий собирался произнести прощальную речь над гробом! Теперь они неловко топтались вокруг зияющего черного провала ямы рядом со свежим могильным холмиком, с трех сторон стиснутых оградями, поневоле толкаясь на весьма ограниченном пространстве, инстинктивно стараясь держаться поближе к высокому начальству. Как бы соперничая друг с другом в актерском мастерстве, все прилежно нацепили маску скорби, а особо одаренные даже пустили суровую скупую мужскую слезу.

– Товарищи офицеры! – зычно заговорил командующий, взяв заранее приготовленный, услужливо протянутый адъютантом лист с речью. – Мы собрались здесь, чтобы проводить в последний путь образцового офицера, примерного семьянина, прекрасного товарища, полковника Лежнева Николая Василье-

вича. Из-за нелепой, трагической случайности мы все понесли тяжелую утрату.... Спи спокойно, дорогой товарищ, память о тебе навсегда останется в наших сердцах!

О жене полковника командующий так и не упомянул ни слова, то ли вообще не зная о ее смерти, то ли для того, чтобы не выйти за рамки устраивавшей всех официальной версии несчастного случая, неосторожного обращения с оружием, повлекшего за собой смерть...

Залпы прощального салюта почетного караула, слившись воедино, словно поставили жирную свинцовую точку в этом деле, предостерегая излишне любопытных от дальнейших ненужных вопросов.

Березка

Ну, здравствуй, старая! Давненько мы с тобой не виделись – свалила проклятухая грыжа, угодил в больницу, нашим-то эскулапам только дай кого-нибудь разрезать, вот до сих пор еще швы не сняли. Но я уже в строю, да, как обычно, несгибаемый, ты же знаешь, что у меня чертова работа, возглавлять бизнес, все равно что волчью стаю, не дай Господь ретивому молодняку, метящему на твоё место, заметить твою слабость – тут же накинутся и загрызут. Поэтому я первым делом в парк, на зарядку, и вот, к тебе завернул.

А ты все такая же, ничуть не меняешься, сколько я тебя знаю. Интересно, сколько тебе в пересчете на человеческий возраст? Должно быть, никак не меньше, чем мне, а ты знай себе, все кокетничаешь, приветливо машешь своими ветками, так и норовя обнять. Но-но, обниматься не будем, а то люди невесть что себе возомнят, скажут, вот старый дурак, настолько из ума выжил, что уже с березкой милуется. Да и костюм совсем новый, только купил за границей за тысячу евро, а ты, чего доброго, глядишь, еще порвешь его. Так что соблюдай пиетет, держись на расстоянии. Но я рад тебя видеть, старая, не представляешь, как по тебе соскучился в этом предбаннике морга – больничной палате, даже поговорить не с кем, меня, как всегда, уложили в VIP, а они все, как известно, одноместные. Да, впрочем, даже если бы случилось чудо и я оказался в обычной палате с простым народом, о чем мне с ними говорить? Вот и ждал с нетерпением встречи с тобой, выговориться, ты ведь, не в пример людям, благодарная слушательница, никогда не перебиваешь, никуда не спешишь, тебе неведомо лицемерие и ты не строишь дежурную улыбку, мысленно посылая меня куда подальше. Ха, у тебя-то, строго говоря, и лица-то нет.

Знаешь, меня пару раз навещали в больнице мои члены совета директоров, их здоровенные секьюрити мигом захламляли мою палату бесчисленными пакетами с продуктами, – смешно, можно подумать, я пожрать туда угодил! А сами они, холено-лощенные, непроизвольно морщась от больничных запахов, при этом строили такие радушные физиономии, что, если бы какой-нибудь политик проявил десятую долю их талантов, его бы, наверно, избрали президентом. Но я-то старый волк, меня не проведешь: каждый из них при этом прежде всего желал узнать, насколько серьезное у меня положение, скоро ли я отброшу коньки, освободив, наконец, такое желанное для них место.

А вот хрен им, а не мое место: хоть я уже давно мог бы преспокойно уйти на покой, денег ведь хватает, да из вредности своей не уйду, не дождутся, сволочи! Хотя знаешь, иногда думаешь, что когда-нибудь все равно придется уйти. И дикий страх меня всего пробирает: а что я буду делать-то на этом покое? Не привык я к нему, не умею. Это, наверно, все равно, как если еще живого тебя кладут в гроб и норовят забить крышку, а ты, задыхаясь, все пытаешься найти спасительную лазейку, вырваться, но нет, толстенные гвозди намертво держат на твою же беду добротное сработанное дерево.

Уже не помню, рассказывал ли я тебе про своего бату. Он у меня был жилистый и крепенький, всю жизнь трудился как пчелка, был кадровым офицером, уходил к подъему и возвращался из части уже за полночь, только чтобы хоть на пару часов провалиться в космическую пустоту сна без всяких там сновидений. Вышел он в запас, так еще работал, не сидел без дела, помню, прихожу к нему в гости, когда он не на работе, а он все время занят каким-нибудь делом, пилит, строгаёт, строит чего-то. И знаешь, держался молодцом, никто не давал ему его возраста. Но в один прекрасный день, как сейчас помню, он будто разом потерял всякий интерес к жизни, уволился с работы, говоря, что ему вполне хватит пенсии. И как только он выпал из обычного своего бешеного ритма – мигом расхворался и за полгода ушел от нас. Видела бы только ты его перед смертью: еще совсем недавно мощные, не боящиеся никакого труда, мозолистые руки, вдруг как-то в момент ссохлись, безжизненно одрябли, а его выразительные глаза, могущие прежде без всяких лишних слов приводить в движение вверенный ему батальон, выцвели, утратив не только свою былую силу, но и саму жизнь, напоминая глаза-пуговицы тряпичной куклы...

Нет, всегда этого боялся, уйду – и останется только ждать собственной смерти, как приговоренный в камере смертников, с паническим ужасом каждый день ожидая неминуемой казни и радуясь, что ему

удалось просуществовать еще один день, встретить еще один рассвет, не понимая того, что это ожидание в миллион раз страшнее и мучительнее самой казни. Что само это существование обуянного ужасом тела, вопящего каждой своей клеточкой «Жить! Жить!», давно перестало быть жизнью. Нет уж, лучше умереть за своим рабочим столом, посреди жаркой схватки с другими волками, умереть внезапно, не думая о смерти, чем быть в положении этого смертника.

Я, конечно, не подавал виду, что давно раскусил планы этих шакалят, навещавших меня, так же сладко улыбаясь им в ответ и всем своим видом показывая, что у меня все прекрасно, чем большинству из них наверняка испортил настроение на пару-тройку дней, лишив их привычного аппетита. Но, знаешь, на душе после каждого их визита становилось так мерзко и гадко, будто какой-нибудь пьяный в стельку разгильдяй-ассенизатор, перепутав ее с выгребной ямой, слил туда целую цистерну нечистот.

А вот из близких никого не было, увы. Дети, по телефону узнав, что все благополучно и я не умираю, предпочли не приезжать. Я их нисколько не осуждаю, нет, они все живут далеко, в других странах, у них тоже бизнес, они не сидят без дела, вечно в работе, моя закалка! Жаль только, что не пришла моя бывшая, может, думает, что после развода, когда ей с помощью своры адвокатов удалось оттяпать половину моего состояния, включая мой бывший особняк, ей уже ничего не светит в случае моей смерти. Глупо, да, девять лет уже прошло, а я все жду ее, надеюсь, что в один прекрасный день она одумается и вернется. Знаешь, поначалу после развода все знакомые загорелись идеей женить меня по-новой, под различными предложениями подсовывая мне новых и новых претендентов на роль счастливой невесты, несмотря на возраст, благодаря своему состоянию и спортивному образу жизни я всегда считался выгодной партией. Но вот ведь в чем вся закавыка: им был интересен не я сам, а лишь мой банковский счет. Я прекрасно чувствовал это, поначалу страшно злился, а потом просто принял это как данность, решительно отвергнув все планы моей новой женитьбы. Вот если бы моя бывшая одумалась и вернулась – все простил бы. Да только она гордая, сама не желает первой пойти на сближение, ну а я никак не могу переступить через себя самого, чтобы просить ее об этом. Я, конечно, с тех пор не раз видел ее, мы даже разговаривали, да и когда дети навещают нас, поневоле приходилось сталкиваться. Я даже давал себе зарок в следующий раз обязательно смочь попросить ее об этом, но неизменно в следующий, в сотый, в тысячный раз что-то останавливало меня. Я злился, ругал себя последними словами, но ничего не менялось. Даже сейчас не могу понять, что меня удерживает от этого. Ведь не страх, нет, глупо в моем положении чего-то бояться. И не гордость. Тогда что же? Да вот Бог его знает.

Хорошо тебе, старая – стоишь себе посреди таких же березок, о чем-то перешептываясь листвою в длинные и неспешные вечера. А вот я, не поверишь, но продал свой особняк – слишком уж тягостно было призраком бродить среди его бесчисленных комнат. Ощущаешь себя, будто в одиночной камере, пусть и самой комфортабельной и уютной, но какой-то липкой, дом, будто хищный спрут, тысячами присосок-щупалец пытается засосать в свое цепкое холодное каменное благополучие. И все это под мертвящее ледяное спокойствие деревьев жутковатого в своей пустынности сада. Брр, словно на кладбище, тишина и спокойствие. Не выдержал я, понимаешь, и сбежал в гостиницу, сняв там пентхауз. Все не так пусто, по коридорам люди шастают, сквозь открытые окна доносятся обрывки разговоров, музыка, даже брань иногда. По вечерам иногда усаживаюсь себе у открытого окна, выключаю свет и созерцаю людскую суетолю, не утихающую даже среди ночи.

На работе, конечно, посмеялись над очередной причудой старика, а злые языки не преминули в очередной раз облаять, упрекая в скаредности. Ну это они зря – никогда в жизни я не был скупым, живя по принципу, чем больше отдаешь, тем больше получаешь. Деньги никогда не были для меня самоцелью, но лишь степенью свободы и возможностей реализации задуманного. Да, впрочем, пусть себе лаются, мне-то от этого ни тепло, ни холодно.

Просто поразительно, сколько внимания уделяют люди тому, чтобы выглядеть в глазах себе подобных эдакими ангелочками. Начинается обычно с мелочей – сначала человек украдкой прячет в дальний угол шкафа рубашку, не понравившуюся друзьям и знакомым, потом заставляет себя бросить курить не потому, что он этого желает сам, а потому, что борьба с курением, потом заодно с другими нацепив смиренную личину, отправляется в церковь, потому как – мода. А заканчивается все тем, что человек в этой погоне за имиджем и стремлении угодить ближним теряет самого себя. И самое удивительное, что он не только не осознает всей нелепости и прискорбия своего положения, но еще и наслаждается этим. И откуда только берется в человеке это желание быть как все, уподобившись ближнему? Пусть новые туфли, плод бредовой фантазии укуренного в хлам модельера, жмут и натирают, зато ведь последний писк моды! Пусть в новой машине ездить гораздо менее комфортно и уютно, чем в старой, зато престиж!

Знаешь, почему во все времена побеждали и будут миллионы раз побеждать самые дикие и уродливые варианты тоталитаризма и диктатур, порождая полчища чудовищ-тиранов? Да потому, что они дают большинству то, в чем оно так страстно нуждается – чувство полного подобия ближним, называемое единством.

Ну вот, опять я разбрюзжался, наверное, старческое, годы берут свое. Ты извини меня, старая, опять утомил тебя, а ты и слова возразить не можешь. Но ты уж потерпи старика, кто, кроме тебя, его еще терпит.

Ох, и заболтался я с тобой, уже на целых 9 минут выбиваюсь из графика. Пора мне возвращаться к своей стае в офис. Надеюсь, тебя не спилят к нашей следующей встрече. Думал на досуге о такой возможности, хотел даже этот парк прикупить, да потом отказался: если куплю, все поневоле изменится, уже не будет душевных разговоров и общения на равных, ты ведь будешь принадлежать мне, став моей собственностью, а это мигом все испортит. Так что ты уж держись тут, старая, скрипи своими веточками и постарайся не дать в лапы охальникам, мечтающим растопить тобой баньку, договорились?

С Днем Победы!

Монументальный зал казался еще более помпезным и величественным от обилия важных, расфранченных по последнему писку моды гостей, вальяжно раскинувшихся в ласково обволакивающих их безразмерные тела кожаных креслах. Они были явно довольны оказанным им приемом и благосклонно взирали на происходящее вокруг священнодействие, о чем-то переговариваясь между собой.

Директор-распорядитель умиленно разглядывал длинные ряды публики, резко очерченные светом софитов. Да, тут было, чем гордиться: на праздник собрался весь цвет города во главе с самим примаром Денисовым! Он в тысячный раз с волнением пробегал по заветным рядам, но нет, все было в порядке, его сотрудники не ошиблись и рассадили VIP-гостей согласно чину, в строгом соответствии с установившейся десятилетиями очередностью. Еще раз убедившись, что все в сборе, директор-распорядитель заранее отрепетированным жестом картинно взмахнул своей холеной рукой.

Свет софитов медленно погас, и началось мероприятие. На огромном десятиметровом экране сцены стали мелькать кадры военной кинохроники, напоминая собравшимся о Той войне. Проектор в бешеном темпе, столь свойственном нынешнему суматошному веку, успешно отмотал 1418 дней за двадцать минут. Наконец-то можно было переходить к основной части мероприятия – торжественному вручению памятных знаков по случаю Дня Победы.

– Памятным знаком в честь шестьдесят девятой годовщины Великой Победы награждается примар муниципия Владимир Андреевич Денисов! – торжественно пророкотал ведущий и прочел подробный панегирик во славу примара.

«Уважают, черти», – довольно усмехнулся про себя примар, привычно взбираясь на сцену под оглушительные аплодисменты повскакивавшей со своих мест публики. Он прошествовал к микрофону и, в свойственной ему манере, проникновенно и внушительно произнес подготовленную речь. Но что-то было не так в зале. Денисов никак не мог понять, что же не так, оглядывая привычные лица городской богемы. И только спускаясь на свое почетное место в самом центре первого ряда, он, наконец, понял, в чем же все дело: в зале он не увидел ветеранов войны. «От, шельмец, наверно, наших старичков держит за кулисами, чтоб не портить впечатления внезапности от какого-нибудь сюрприза», – успокаивающе подумал про себя Денисов о директоре-распорядителе.

Но вручение памятных знаков продолжалось, а ветеранов все не было. Денисов уже начал беспокоиться, почему-то вдруг в момент ставшем неудобным. Он начал поглядывать на часы, рассеянно пропуская мимо своих ушей длинную череду награждений своих подчиненных и сотоварищей. Примар мучительно пытался понять, где же могут быть ветераны и уже в тысячный раз клял себя за то, что за этот месяц так и не нашел времени просмотреть заботливо принесенный ему в муаровой красной папке сценарий. Помнится, его тогда испугал сам размер сценария, подробно расписанный на более чем ста страницах, и он засунул его в нижний ящик своего письменного стола, рассудив, что наверняка до него сценарий не один раз просмотрели, утвердили и согласовали бесчисленные службы.

Тем временем мероприятие явно подходило к концу. Вот уже наградили всех спонсоров – олигархов местного разлива. Ну вот, так и есть, на сцене вновь засветился экран с традиционным финальным роликом «День Победы». А ветераны так и не появились.

Изо всех сил стараясь сохранить остатки спокойствия, Денисов медленно встал со своего кресла и подошел к директору-распорядителю.

– Виктор, где же ветераны? – спросил он ледяным тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

– Владимир Андреевич, так Вы же сами утвердили... – растерянно залепетал побелевший директор-распорядитель.

– Что я утвердил? – повысил голос примар.

– Ну, там же все было написано, – наконец собрался с силами Виктор. – Видите ли, ветераны не помещались в сценарий. Нам на мероприятие отводилось ровно два часа, а стольким людям нужно было вручить памятные знаки...

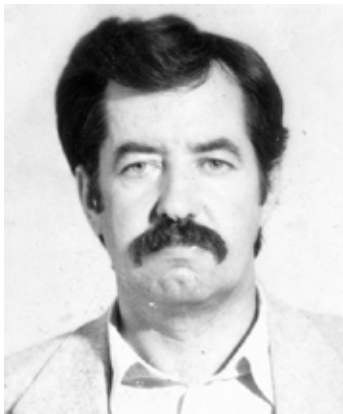
– Дурак! – коротко бросил ему Денисов, круто развернулся и заторопился к выходу. Следом за ним наперегонки рванулась почуявшая неладное свита и прочая богема.

Директор-распорядитель остался один в быстро опустевшем зале. Взгляд его как-то потух, левая рука судорожно вертела верхнюю пуговицу шикарного пиджака, правая царапала шею, пытаясь ослабить узел галстука.

– Как же так, Вы же сами утвердили, – словно испорченная грампластинка, лепетал он одну и ту же фразу. – Вы же сами... Как же так?

Иван ДУБ

Окончание. Начало в №12(2014) – №1(2015).

Сюрприз для Настеньки

Зимние каникулы

Напряженная студенческая жизнь снова навалилась на нас со всеми ее неотвратимыми атрибутами: учеба (в первую очередь!), читальный, спортивный и актовый залы, библиотека, кружки по интересам. Впрочем, особых неудобств я не испытывал – выросший почти в спартанских условиях, я быстро приспособился к новой обстановке и вскоре чувствовал себя в ней как рыба в воде. Даже расслаблялся время от времени, чего многие учащиеся, не поспевая за требованиями учебного заведения, не могли себе позволить.

А тут и зимние каникулы!

Неплохо бы поехать домой, навестить родителей, помочь им по хозяйству. Да и друзей хотелось увидеть, себя показать. Как-никак, я теперь не просто Ванька, который по утрам шагает с матерью на «норму», а учащийся сельскохозяйственного техникума!

Когда я двинулся на автобусную станцию, в воздухе мелькнуло несколько снежинок, затем повалило крупнее, гуще, и вскоре вокруг стало белым-бело. Я ехал домой по знакомой проселочной дороге и не узнавал окрестностей: словно в каком-нибудь заколдованном снежном царстве, холмы сравнялись с долинами, а деревья стояли как огромные белобородые великаны.

Дома меня встретили с большой радостью: отец усадил за стол, налил себе и мне по гранчаку самогона, мать (чего никогда не делала!) неловко приобняла меня, бабушка же несколько смутилась, потом вдруг протянула свою сморщенную ладошку и долго трясла мне руку, заглядывая в глаза. Но делу время, а потехе час! И вскоре я принялся за знакомые с детства занятия: убрать снег, накормить животных, а тут еще отец ремонт затеял – осенью от тяжести пшеницы, которую хранили на чердаке, обвалился в доме потолок, нужно было менять перекрытие.

Глафиру я повстречал через пару дней. Была она в аккуратном коротком тулупчике, блестящих полусапожках, роскошном пуховом платке. На фоне искрящегося чистого снега – королева, да и только! Снегурочка! Свежая, румяная, задорная... Заглядение!

Приблизившись, Глафира протянула мне руку (на улице никого не было) и, как всегда, весело улыбалась:

- Можешь поздравить меня, Ванюша! Ну же. Быстренько, милый!
- Поздравляю! – в тон ей охотно отозвался я. – Но с чем?
- И себя тоже! – скороговоркой продолжила она, ласково заглядывая мне в глаза.
- Себя? – удивился я.

Глафира отодвинулась от меня на шаг, словно хотела полюбоваться мной и, вдруг покраснев, потупила голову:

- Я беременна, Ванечка!

Мне было непонятно, почему она делится этим радостным событием именно со мной, и я растерянно промямлил:

- А я тут при чем?

Женщина как бы смутилась, но ненадолго. Снова в ее глазах вспыхнули светлячки. Она искренне расхохоталась. Да так захватывающе, что, не выдержав, рассмеялся и я.

- В самом деле... Ты тут, конечно, совершенно ни при чем...

И тут словно молния сверкнула у меня перед глазами: да ведь, да ведь... Недавние короткие летние ночи... Сеновал... Вот оно в чем дело! Впору за голову схватиться...

- И что? Что теперь делать?

Как бы успокаивая, Глафира положила мне руку на плечо:

- Да ты не переживай. От тебя ничего не потребуется... А я рожать буду!
- А Пашка?

– Что Пашка? Радуетя. Десять лет с ним прожила, не могла зачать, и вот... наконец-то.

Мы постояли еще некоторое время: она – спокойная, умиротворенная, я – несколько пришибленный; тут у соседней скрипнула калитка, и нам пришлось разойтись.

Педро, Мойдодыр и Мракобес Вовка

Как бы там ни было, зимними каникулами следовало распорядиться по-хозяйски, и я тут же кинулся в омут забав и развлечений. Став студентом техникума, я всё же оставался прежним деревенским оболтусом и лоботрясом, который не прочь повеселиться и набедокурить.

В один из выходных зимних вечеров повстречался мне Педро в обществе Мойдодыра и Мракобеса Вовки. Изобразив на своем подвижном лице безмерное уважение, бывший товарищ вежливо протянул мне руку. Мойдодыр с Мракобесом иронически поклонились.

– Ну что, студент, грызешь камень науки? – вкрадчиво начал Педро, подмигивая дружкам.

– Грызу, – миролюбиво ответил я, не очень-то желая вступать с ними в противоречия.

– Наверное, и по сто грамм уже не пьешь?! – продолжал накалять обстановку Педро.

Дружки угодливо захихикали.

– Почему же? – невозмутимо парировал я. – Пью!

– Ну а с песнями пройдешься с нами по селу? – поинтересовался Мракобес Вовка, который был голосистее всех и любил поорать так, чтобы услышали на другом конце села.

– Само собой, – усмехнулся я. – Чем я хуже других?

Друзья снова переглянулись. Видимо, тест, который они мне устроили, вполне их устраивал.

– Да ты, оказывается, остался человеком! – констатировал Васька Мойдодыр. – Совсем не изменился!

– Но должен вас предупредить, – несмотря на возможную трещину в наших отношениях, твердо молвил я, – если вы вздумаете направиться к Тамаре, я туда – ни ногой.

– Да нет, браток, к Тамаре дорога теперь заказана. Замуж выходит девушка, вот оно как. Кстати, о девушках...

Педро помедлил, видимо, с тем, чтобы огоршить меня, затем и брякнул:

– Ну как там Мила себя чувствует? Небось перетрахалась со всем техникумом?!

Несколько сбитый с толку и в то же время задетый так, будто меня самого оскорбили, я хотел съездить Педро по физиономии. Сдержался. Еще минуту назад мне самому хотелось потрепаться перед земляками о своих победах на любовном фронте, теперь – черта с два они услышат!

– А что Мила? – как ни в чем не бывало равнодушно сказал я. – У Милы всё в порядке. Учится. Что же касается твоих подозрений, Педро, тут я отвечу тебе так: к Миле, парень, не подступишься. Не из тех она девушек, чтобы позволить себе какие-нибудь вольности...

Педро фыркнул как лошадь.

– Так я тебе и поверил!

Я не стал возражать, так как разговор мог завести бог весть в какие дебри. Хорошо зная, что в такое время дружков интересуют дела драконовские, я незаметно свернул на другую тему:

– А что если заглянуть к Федьке Соколенко да перенести его дрова в другой конец огорода?

Упомянутый Федька, будучи членом группы народного контроля, как-то летом конфисковал у нас рыболовные принадлежности, так что возмездие, хоть с опозданием, но должно было наступить.

– В самом деле! – загорелись приятели. – А то совсем распустил руки. Позавчера предложил председателю закрыть клуб на ремонт...

Почти до утра вчетвером мы перемещали Федькину поленницу за баню, в сотне метров от дома; теперь, чтобы вернуть дрова на место, хозяину потребуется добрая неделя...

Настенька. Первый поцелуй

На следующий день, когда всё вокруг ярко блестело, а заснеженные поля искрились и плавильсь, с горки, что напротив колодца (я как раз наполнял второе ведро), почти сливаясь с настом, как солнечный зайчик, вдруг покатился легкий комок. Он становился всё больше и вскоре обрел очертания девичьей фигурки. Настенька! В пушистой белоснежной шубке, розово-белой шапочке и таких же сапожках, она напоминала собой одуванчик: с тех пор как мы не виделись, девочка превратилась в девушку!

Глянув на Настеньку вблизи, я чуть не ахнул! Такую красавицу можно увидеть разве что на обложке какого-нибудь модного журнала! Свеженькая, румянькая, стройная... Да что тут перечислять! Сердце у меня учащенно забилося.

– Надолго домой? – как ни в чем не бывало поинтересовалась Настенька. – У меня ведь тоже каникулы...

Я вспомнил, что она теперь училась в восьмом классе. А Настенька, не дожидаясь ответа, вдруг сказала:

– А у нас в клубе сегодня концерт. Артисты из района приезжают. Думаю, будет очень интересно!

Оказывается, по вечерам она уже в клуб ходила. Пока я тужился в поисках повода, чтобы навязаться ей в провожатые, Настенька снова показала свои белые ровненькие зубки и, невзирая на некоторую разницу в возрасте, как мальчика, запросто пригласила:

– Приходи. А может, там, в техникуме, ты уже насмотрелся разных концертов, и не станешь зря время терять.

– Отчего же?! – вскричал я торопливо. – Приду! Обязательно приду!

Понимая, что ею любят, Настенька улыбнулась такой ослепительной улыбкой, что на какой-то миг даже солнышко померкло. Она смело вступала в тот дивный период жизни, когда центр мироздания становился для нее привычным местом. Она уже готова была к тому, чтобы любить и быть любимой.

Наконец наступил долгожданный вечер. Мы сидим с Настенькой в нашем сельском клубе. В зале гаснет свет, на сцену выходят самодеятельные артисты, но я ничего не замечаю, вся моя сущность сосредоточена на единственной в мире сказочной фее, которая сидит рядом.

Мы делаем вид, что увлечены происходящим на сцене, но на самом деле нам нет никакого дела до спектакля. Мы слышим только собственное дыхание и стук сердец.

Смелея, я незаметно протягиваю руку и слегка касаюсь Настенькиной теплой ладошки. Сначала она настороженно убирает руку, потом потихоньку расслабляет свой напряженный локоток, – и всё это осторожно, безмолвно, словно не по нашему обоюдному желанию, а как-то само по себе, независимо от нас.

Теперь мы сидим, тесно прижавшись друг к другу, и не смеем глубоко дышать, чтобы не спугнуть то трепетное, невидимое и такое хрупкое, эфемерное, что вдруг соединило нас.

После концерта мы не спеша шли домой. Стояла светлая лунная ночь. В селе непривычная тишь, даже собаки перестали лаять. Мы с Настенькой стоим у ее калитки, девушка не спешит уходить. Я осторожно привлек Настеньку к себе и бережно, словно к драгоценному сосуду, прикоснулся губами к ее волосам. Настенька вздрогнула, потом улыбнулась, светлая слезинка медленно скатилась по юной щеке. Лишь на мгновение Настенька пребывала в растерянности. С непрошеной слезой на лице она вдруг опустила свою легкую руку мне на плечо и, закрыв глаза, нашла своими, не целованными еще губами мои горящие губы... Первый в ее жизни, по-настоящему взрослый, долгожданный поцелуй, видимо, потряс девушку. Она почувствовала, поверила в то, что созрела для большой любви, убедилась в том, что кому-то нравится, что красива, желанна, а значит, вправе рассчитывать на счастье...

Каникулы закончились

Каникулы – явление кратковременное, какими бы длинными они ни были! Мне и хотелось, и – если честно! – было страшновато возвращаться в техникум. С одной стороны, я соскучился по учебе, по кружкам, по спортзалу, в конце концов мне не хватало Андреича, с которым мы крепко сдружились. В то же время я опасался дальнейших развитий на амурном фронте... Как встретит меня Мила? А Катюша? Ведь рано или поздно наши пути пересекутся...

Втянутый матерью в поспешные сборы (а сало не забыл? А сахар взял? Да, банку с огурцами положила в рюкзак!), на некоторое время забываю о недвусмысленной ситуации, в которой очутился по воле обстоятельств. К поискам выхода возвращаюсь лишь в дороге, когда всё уже утрясено; в окошке автобуса проплывают заснеженные поля и долины, которые вскоре снова покроются зеленеющими побегами кукурузы и сахарной свеклы...

Андреич встретил меня с расprostертыми объятями. Как и я, он привез из своей деревни и сала, и чеснока, и брынзы и, конечно же, не забыл про банку самогона. На радостях (до занятий оставалась еще пара дней) мы хорошенько угостились. В тот вечер нам не хотелось никуда идти, и мы, развалившись на своих кроватях, рассказывали о том, как провели каникулы.

Дружеская попойка окончательно выветрила из моей головы все тревоги и сомнения относительно Милы, и я уснул безмятежным сном ребенка.

С Милой я столкнулся на следующий день на улице, отправившись в магазин за сигаретами. В рядной шубке, шапочке и сапогах, красивая и независимая, она шла мне навстречу, что-то отвечая молодому человеку, который старался ее опередить, а оказавшись впереди, преданно заглядывал в глаза. Приутихшая метель как бы шутя швыряла в лицо почти невидимый мелкий снег, и Мила грациозным жестом прикрывала глаза рукой в голубой рукавичке...

Увидев меня, она даже не смутилась. Более того. Она не обратила на меня никакого внимания, не говоря уже о том, чтобы поприветствовать. Уже проходя мимо меня, Мила огласила тихий морозный воз-

дух громким раскатистым смехом; может быть, таким образом она пыталась подавить в себе желание оглянуться, может, боялась, что кивнет головой... Кто знает!

А я еще долго стоял с опущенной головой на крепком морозе в полном недоумении.

С Катюшей же отношения дальше дружеских у нас пока не развивались. Хотя я частенько замечал, что Катюша всякий раз принаряжалась, перед тем как встретиться со мной. А то и губки подкрасит или румяны наведет. При этом она искоса взглядывала на меня: ну как, я тебе нравлюсь? В свою очередь и я старался блеснуть перед ней, в основном в спортзале. Она появлялась внезапно, тихонько устраивалась в каком-нибудь углу, чтобы никому не мешать. И я преображался. Становился активнее и смелее. Конечно же, меня подстегивал любящий девичий взгляд...

Глафира родила

Несмотря на загруженность в техникуме, мне удавалось примерно два раза в месяц побывать дома. Заканчивался март. Наступили погожие солнечные дни, и многие сельчане уже приступили к работам в своих огородах. В предыдущие годы, несмотря на возраст, наш огород обрабатывала бабушка, а тут она заболела. Так как отец с матерью в это время спешили закончить тюковку табачного листа, огородом пришлось заниматься мне.

Что ж. Дело привычное. Приехав в очередной раз домой, я прежде всего наострил штыковую лопату и, перекинувшись словом-другим с родителями, отправился в огород. Само собой, работы здесь невпроворот: и прошлогоднюю ботву убрать, и ветви плодовых деревьев обрезать, и мусор сжечь. Но бабушка просила для начала взрыхлить почву под лук и чеснок.

Стоит ли подробно рассказывать о том, как я взялся за лопату и воткнул ее в землю? Думаю, нет. Каждый из нас, так или иначе, держал в руках лопату, хотя, может, и владел ею с невысокой степенью мастерства. Мне же хочется подчеркнуть, что лично я распорядился этим нехитрым шанцевым инструментом более чем уверенно... Главное тут – иметь хорошее здоровье...

Когда я закончил (имеется в виду на сегодняшний день, так как работа в огороде не прекращается до осени), начало темнеть. Сразу же похолодало – всё-таки ранняя весна! – потянуло сырým ветерком, зашумели кроны деревьев, то тут, то там проклюнулись звезды... В маленьком окошке летней кухни, куда мы уже переселились на лето, загорелся огонек, значит, и родители закончили тюковать табак. Перед тем как взяться за дверную ручку, я вдруг услышал знакомое имя. Приостановившись в темных сенцах, прислушался.

– Родила, говоришь? – переспросил папаша.

– Уж тебе-то, как бригадиру, раньше других об этом положено знать, – ответила мать. – Еще позавчера...

– Выходит, родила Глафира, – задумчиво проговорил отец. – Мальчика, девочку?

– Да я и сама-то толком не знаю, – громыхая какой-то посудиною по столу, говорила мать.

Послышались тяжелые отцовские шаги по глиняному полу кухни: папаша любил походить, размышляя.

– Ну а Пашка? – спросил наконец он.

– Что Пашка? – не поняла мать.

– Ну... рад? Доволен?

– Еще бы. Заколел, вон, свинью. Родню собирать будет.

Отец сделал еще несколько шагов по кухне:

– И кем теперь заменить Глафиру? Кому звеньевой быть? Ума не приложу.

Торчать под дверью было нечего, и я вошел в помещение. Ну и удивились бы, наверное, родители, если б узнали, что стали дедушкой и бабушкой, а я – их сын – молодым отцом! Но не сообщать же им в конце-то концов о своих невинных юношеских проделках... Да и вряд ли поверили бы... Короче говоря, глянули отец с матерью так равнодушно в мою сторону, что мне даже обидно стало оттого, что они ни в чем меня не подозревают. Более того, немедленно опустили до повседневных, обыденных дел.

– Ну, что? – спросил папаша. – Закончил?

– Завтра с утра сможешь грузить тюки, – сказала мне мать. – Придется встать пораньше.

– Выспится, – успокоил отец. – Машина-то в восемь будет...

Но я их не слышал. Оглушенный сногшибательной новостью, присел за стол, не обратив даже внимания на гранчак с самогоном, протянутый отцовской рукой. Папаша с удивлением посмотрел на меня – когда это было, чтобы сын отказывался от выпивки?! – и я поспешил осушить тару. За счастье новорожденного! Пусть растет здоровым и крепким! Пусть будет удачлив!

Видимо, я был еще очень молод, чтобы в полной мере осознать то, что случилось, и через некоторое время успокоился; впрочем, не настолько, чтобы забыть обо всем...

Хотелось ли мне видеть младенца? Скорее всего, хотелось. Но разве я мог что-либо предпринять для того, чтобы осуществить свое желание? Порой обстоятельства бывают сильнее нас...

Девушка с веслом

Весна выдалась поспешной, суматошной и бурной, словно сорвалась с цепи. Еще вчера было ветрено и сыро, в парках еще темнел слежавшийся снег, а сегодня – глянь-ка! – уже сверкает солнышко, голу-беет небо, поют птички. И на душе становится теплее.

Однако весна наложила на нас двойные обязательства, ведь большинство учащихся техникума происходили из деревень, и теперь им приходилось и учиться, и почаще бывать дома, чтобы помочь родителям. И я не был исключением.

В районном универмаге я присмотрел для Настеньки сувенир: небольшая статуэтка, которая называлась «Девушка с веслом». Спортсменка чем-то неуловимо напоминала мою Настеньку: такая же стройненькая, грациозная, длинноногая. Может, потому-то, после долгих поисков, и остановился я на ней.

Приехав домой, стал дожидаться момента, чтобы подарить ее Настеньке. Но за домашними заботами такого случая не предоставлялось. Два или три раза Настенька мелькнула передо мной сквозь щель в заборе, однажды даже вышла с ведром к колодцу, но я что-то засомневался: а надо ли?

Как-то вечером, усевшись за стол, отец налил себе гранчак самогона, с минуту рассматривал его на свет, затем загадочно спросил у матери:

– Ну, что, мать, рискнем?

Мать неопределенно пожала плечами. Я настоужился.

– Если продать бычка, – продолжал отец, что-то прикидывая в уме, – да три-четыре мешка пшеницы, – оно и наберется...

– Наберется-то наберется, – слабо парировала мать, – но нужен ли он нам? Когда смотреть-то будем?

– Ну уж найдем время, – вскричал папаша. – Ты посмотри-ка, что вокруг делается! Какие события происходят! А мы сидим в своей деревне, как суслики в норе, и ни о чем не подозреваем...

Отец осуждающе посмотрел на нас с матерью и сделал суровое заключение:

– Нет, нет! Без телевизора нам никак!

«Рекорд-64»

В ту далекую пору, когда ни мобильных, ни Интернета не было, людей вполне устраивала обыкновенная радиоточка. В нашей семье имелся ещё и патефон. Радиосигналы шли по двум проводам, висевшим на столбе, и, стоило воткнуть вилку в розетку, как тут же из коробочки раздавался голос какого-нибудь невидимого комментатора. Таким образом мы держали связь с внешним миром.

О телевизоре мы знали лишь понаслышке. Ни у кого в селе телевизора не было. Отец мой – по тем временам человек передовой, любознательный – давно мечтал о «голубом экране» в доме. Не однажды в нашей семье заходили разговоры о приобретении телевизора, но решение вопроса откладывалось – то денег не было, то времени. А в универмаге райцентра телевизоры продавались. Правда, выбора не было. Назывались они «Рекорд-64».

И вот в один из моих приездов домой, едва я отворил дверь в летнюю кухню, в глаза мне бросился... Да, да. На столе стоял новехонький «Рекорд-64». Телевизор не работал, но вокруг него стояли отец, мать и бабушка и с глубокомысленным почтением взирали на темный экран. Мне тут же доложили, что к телевизору нужен стабилизатор, которого не оказалось в универмаге, но пообещали, что скоро завезут, затем необходимо установить антенну, прикупить метров двадцать-тридцать кабеля, пригласить из райцентра специалиста, который мог бы всё это смонтировать и запустить. В один из моих очередных приездов телевизионный экран уже горел ярким голубым пламенем...

Дня два мы созерцали всё подряд, практически не выключая наш черно-белый «Рекорд-64». А на третий день, прогулявшись по кухне, отец запустил пятерню в свои густые черные волосы:

– Негоже, братцы, скрывать от общественности свое приобретение. А остальные не люди, что ли? Давайте-ка расширим поле деятельности нашего телевизора: откроем двери для широкой публики!

Сказано – сделано!

Через полчаса наш «Рекорд-64» бы водружен во дворе на какие-то ящики; перед ним появилась

лавка, нашлось несколько деревянных чурбаков, – таким образом, кинотеатр под открытым небом был готов к приему первых зрителей. А их не пришлось долго упрашивать.

Как только стемнело, наш двор преобразился. Началась программа «Время», и какой-нибудь сельчанин, осторожно усаживаясь перед телевизором, прикладывал палец к губам: я тихо, мол, не помешаю, хотя черно-белому диктору на голубом экране это вовсе не мешало... Люди видели подобное чудо впервые и, огрубевшие на вечной колхозной работе, прокаленные солнцем и обдутые сырими весенними ветрами, переставали дышать, всматриваясь в мелькавшие картинки с восторгом, как дети...

Забыв о том, что надо поесть и помыться, накормить скотину, допоздна засиживались перед телевизором.

Глафира и Пашка

Как-то, незадолго до летних каникул, я приехал домой. По дороге мне повстречались Глафира с Пашкой. Глафира величественно катила синюю (значит, мальчик!) коляску, Пашка шествовал рядом, курил сигарету и методически сплевывал.

Увидев меня, Глафира ничуть не смутилась. Приветливо улыбнулась, приостановилась (у меня аж подкосились ноги), что-то поправила в коляске, спросила:

– Ну как, Ванюша, тяжело учиться? Небось труднее, чем пропалывать свеклу?

Не зная, отвечать по существу или отделаться каким-нибудь пустячным словом, я выдавил из себя:

– Привыкаю потихоньку.

– А мы вот гуляем, ребенку нужно бывать на свежем воздухе.

Пашка согласно набычил голову, закурил, далеко сплюнул. Мрачное лицо его выражало полное удовлетворение.

На Глафиру без восхищения невозможно было смотреть, материнство ее преобразило. Она стала еще красивее и женственнее, будто мадонна с какой-нибудь церковной иконы.

– А может, тебе хочется взглянуть на нашего ребенка? – неожиданно спросила Глафира, делая акцент на слове «нашего».

Пашка неодобрительно фыркнул, дернул плечом, бросил:

– Еще сглазит!

Глафира не заметила его недоброго взгляда:

– Вот какой он у нас!

Мальчик был крупненький, пухленький, круглолицый, с маленьким носиком. Он внимательно нахмурил черные бровки и улыбнулся.

– Весь в меня! – похвастался Пашка, щелкая перед личиком младенца своими узловатыми пальцами. Мы с Глафирой переглянулись.

– Похож! – вынужден был согласиться я, так как ничего другого в данной ситуации не скажешь.

Мы постояли еще несколько минут и разошлись.

Я брел вечерней улицей какой-то потерянный, сам не зная куда, и очутился на озере, где проводил летом всё своё свободное время. Присел. Задумался... Когда очнулся, с удивлением увидел, что рядом со мной сидит дядя Коля, с которым мы частенько рыбачили вместе. Он протянул мне сигарету. Мы закурили.

– Ты чего на рыбалку-то не ходишь? – спросил наконец дядя Коля.

– Учусь!

– А-а-а! – глубокомысленно заметил он.

Снова помолчали.

– Ну ладно, – сказал дядя Коля. – Я пошел. А ты, если захочешь порыбачить, – пожалуйста! Лодка, Ванюшка, на старом месте. Вон там, в камышах. В любое время можешь воспользоваться. Не забудь только вернуть ее.

Через минуту он исчез во тьме ночной, а я, вздохнув, закинул рюкзак за спину и поплелся домой.

Сюрприз для Настеньки

Я, конечно, хорошо помнил о том, где находилась дяди Колина лодка, так как не однажды ею пользовался. Рыбачить с лодки – одно удовольствие: ты можешь поплыть куда угодно, остановиться где-нибудь в укромном месте, затаиться, подождать. Вообще, красота, романтика! И тут мне пришла в голову мысль: было бы хорошо поплавать по озеру с Настенькой. Как-нибудь воскресным теплым днем, когда ярко светит солнышко, когда на озере тихо, а в кустарниках распевают птички...

Взволнованный и обрадованный, я стал караулить Настеньку. Вскоре случай подвернулся. Легкая, порывистая, заметно повзрослевшая, она выпорхнула к колодцу. Я сделал вид, что только подошел, и вместо своих наполнил Настенькины ведра. Слово за слово, разговорились. Настя окончила восемь классов и собиралась осенью идти в девятый. Средняя же школа находилась в райцентре. Значит, с сентября наши пути обязательно пересекутся.

Осмелев, я пригласил ее погулять, сказав, что ее ждет сюрприз.

– Я приду! – внимательно поглядев на меня, твердо сказала Настенька.

(Тут надо сказать, что, взволнованный и непоследовательный, в тот трепетный момент я совсем забыл о «Девушке с веслом...»)

О многом хотелось сказать... Но о чем конкретно? Быть может, о том, как однажды вложил букетик цветов в щелку ее калитки или как лунной ночью через открытое окно проник в ее комнату и долго любовался спокойно-безмятежным лицом. Мысли мои смешались.

И вот мы идем по берегу озера. Несмело взявшись за руки, уходим всё дальше от села, а я, видя приближающиеся камыши, в которых спрятана лодка, с видом чародея, из рук которого вот-вот выпорхнет голубь, беспричинно смеюсь и сулю Настеньке:

– Сейчас, сейчас! Вот сейчас и увидишь!

Оставив девушку на берегу, я лезу в воду, раздвигаю камыши, и вот... появляется лодка, почти индейская пирога. Настенька ахает, совсем по-детски хлопает в ладоши. Она в восторге! Я помогаю Настеньке залезть в лодку и берусь за весла.

На озере сегодня так тихо, что слышно почти за сотню метров, как вдруг серебристо блеснет и шлепнется в воду какой-нибудь карась. Придерживая подол платья, Настенька поглядывает налево и направо, и чувствую я, что ей нравится кататься на лодке.

Мы выплываем на середину озера, я делаю сильный гребок, и вижу, как из-под рук Настеньки белоснежно выглядывает краешек ее трусиков. В замешательстве я делаю еще один сильный взмах веслом...

Проследив за моим взглядом, Настенька пытается надежнее прикрыть себя; она стыдливо взглядывает на меня, почти умоляюще переплетает на коленях тонкие руки, и я... отказываюсь от своей глупой затеи. Чтобы успокоить девушку, бережно беру ее за плечи, усаживаю рядом с собой и даю в руки весло. По глазам Настеньки вижу, что она благодарна и счастлива...

Мракобес получает по шее

Педро с Мракобесом стали неразлучны: с тех пор как мы виделись в последний раз, кажется, так и ходят вдвоем. Педро любит, когда у него есть оруженосец, так сказать, Санчо Панса. На фоне Мракобеса он выглядит значительнее. Впрочем, встретились и разбежались... Ан нет. У них как будто есть ко мне дело.

– Ну что, студент, жив-здоров? – для начала интересуется Педро.

На такой вопрос можно и не отвечать, но я миролюбиво сообщаю землякам:

– Как видите. Что со мной сделается?! Даже счастлив, не в паршивую минуту будь сказано.

Видя, что меня не сбить с толку, приятели разочарованно переглядываются.

– Всё учишься? – в тон Педро спрашивает Мракобес.

– И даже неплохо, – опять парирую я, понимая, что своими ответами начинаю раздражать парней.

– Ну-ну, – неопределенно бросает Педро.

– Так-так, – не отстает от жоака Мракобес.

– Может, что-нибудь случилось? – направляю земляков в нужное русло.

– Да ничего, – закуривая, равнодушно говорит Педро. – Так, шли мимо...

Будучи плохим дипломатом, Вовка Мракобес всё же не выдерживает; чувствуется, что он крайне заинтересован в чем-то, ему очень хочется разобраться в перипетиях моей судьбы.

– Шли мимо... – повторяет он. – Да чего тут топтаться на месте? Дошли до нас слухи, студент, что ты с Настюхой путаешься...

Меня покорило тон Мракобеса, особенно грубое выражение. Что значит, «путаешься»? Слово-то какое... И вообще, какое ему дело до моей личной жизни? Кем приходится ему Настенька? Сестрой, которую надо оберегать? Любимой девушкой, которую он не хотел бы потерять? Педро с прежним равнодушием изучал спичечный коробок.

– Почему же обязательно «путаюсь»? – всё еще не желая портить отношений с ребятами, усмехаюсь я. – Встретился вот на днях... На лодке покатали...

– Да ты не бойся, бить не будем, – не унимался Мракобес. – Кто нам Настюха? Да никто ведь! Просто

любопытно очень... Как далеко зашли ваши отношения...

От неожиданности я глаза вытаращил: с Настенькой? А разве такое допустимо? Неужели о Настеньке можно так подумать? Чистое, светлое, почти святое существо, достойное лишь того, чтобы его на руках носить... Как у Мракобеса мог повернуться язык, чтобы выговорить подобные слова?

А Вовка, видя меня в замешательстве, весело подмигнул дружку: немало еще лохов, мол, бродит по белу свету!

– Ладно, ладно, девственник, ясно, что не трахал. Покраснел, как буряк... А чё с ней возиться, с Настюхой-то? Вот я бы на твоём месте...

И тут я не выдержал. Меня словно подменили: абсолютно не владея собой, я схватил Мракобеса за шиворот и так треснул по шее, что у того, кажется, искры из глаз посыпались... Он взвизгнул как щенок, вырвался и отбежал в сторону. Я думал, они вдвоем накинутся на меня, но Педро только сплюнул и отвернулся. Должно, и ему противно было слушать всё это, а тем более смотреть на то, как корячится Вовка Мракобес – трус и подлюка.

– Еще раз скажешь в адрес Настеньки корявое слово – искалечу! – глухо сказал я Мракобесу, уже несколько сожалея о том, что сорвался. – Ты понял, поддонок?

Вовка с надеждой повернулся к Педро: не видишь, мол, как приятеля обижают? Но Педро уже шагал в сторону тракторной бригады: на работу подался, что ли?

Тамара выходит замуж

У сельского совета припарковалось несколько мотоциклов с колясками. Сейчас их редко можно увидеть, а в дни моей молодости мотоцикл с коляской был престижным транспортом, основным средством передвижения на селе. Неподалёку стоят мужчины и женщины, бегают ребятишки.

Из переулка появляется Педро, в раздумье останавливается: идти по своим делам или же свернуть к сельсовету? Наконец принимает решение и двигается в мою сторону. Протягивает руку:

– Чего это народ-то толпится? Вроде праздника никакого...

– Сам не знаю, – отвечаю по существу, – пробежал вот мимо...

Педро на минуту задумывается, потом вспоминает:

– Да ведь это... Тамара сегодня расписывается!

– Тамара? – удивляюсь я, но Педро не успевает ответить.

Во всю ширь распахивается сельсоветская дверь, и на верхней ступеньке появляются жених и невеста.

Почтальонша Тамара – приземистая, кубообразная, и незнакомый нам пожилой мужчина – тоже невысокий, лысоватый, с загорелым лицом. Новобрачные на минуту-другую задерживаются на крыльце. Тамара обводит собравшихся пасмурным взглядом. Мужичок обреченно вздыхает: женится он, скорее всего, не по большой любви, а в силу житейских обстоятельств – не то жена померла, не то выгнали из дому...

Зачихали мотоциклы. Сейчас молодожены погрузятся в коляски и свадебный кортеж выедет на центральную улицу села, чтобы свернуть к почтовому отделению, которое одновременно служит Тамаре жильем, где, надо полагать, немногочисленные гости усядутся за праздничный стол.

Проходя мимо нас, Тамара смерила нас с Педро таким презрительным взглядом, что со стороны могло показаться, что когда-то мы очень сильно ее оскорбили.

Свадебный кортеж уже скрылся из виду, а мы с Педро еще долго стояли и молча прикидывали: в чем же виноваты мы перед Тамарой? Почесав затылок, Педро задумчиво озвучил нашу тождественную мысль:

– А мы-то тут при чем? – И добавил: – Видимо, она хотела выглядеть лучше, чем есть на самом деле...

Уже спустя годы, став взрослым человеком, я с удивлением удостоверился в том, что жизнь складывается так, что великие блудницы зачастую устраивают свои судьбы значительно лучше неподкупных праведниц. Почему так получается, одному богу известно.

Мила получила диплом

Последний день в техникуме перед летними каникулами. Чувства, надо сказать, прямо противоположные: с одной стороны – облегчение, удовлетворение от того, что всё идет хорошо, с другой – горечь расставания с Катюшей, с Андреичем.

Первый курс я окончил неплохо: стал успевать по всем дисциплинам. Дважды выступал за техникум на республиканских состязаниях по настольному теннису. Осенью отличился на уборке винограда: мы с Катюшей собрали около восьми тонн. Вообще, участвовал везде и всюду – кажется, здесь меня уважали... И вот первый курс позади, и душа рвется домой, к своим, к Настеньке.

Андреич попрощался со мной еще вчера. Подхватил свой рюкзак – и двинул домой, в соседнее село. Наверное, его тоже переполняли чувства, раз он так быстро, хлопнув меня по плечу, ретировался.

Выходя из общежития, я минуту-другую задерживаюсь на хорошо изученной, выщербленной верхней ступеньке. И вдруг... Будто давно уже поджидая меня, из-за высокого, в несколько обхватов тополя, про-израставшего в нашем дворе, вышла Мила. На лице ее блуждала знакомая мне улыбка. Мила театрально развела руками, словно удивляясь (и в то же время радуясь) моему появлению.

– Ну, привет! – развязно поздоровалась она, словно расстались мы только вчера (хотя прошло месяца полтора).

– Здравствуй! – сдержанно ответил я, хорошо помня, как Мила в обнимку с очередным кавалером прошла мимо, будто не заметила меня.

– И чего мы такие серьезные? – уже игриво продолжала Мила.

– Почему же серьезный?! – поневоле втягиваясь в разговор, парировал я. – Как всегда...

– А я вот диплом получила, – фамильярно подмигивая, сообщила Мила. – Финита ля комедия. Учеба – тю-тю...

– Поздравляю! – доброжелательно сказал я.

– Жду теперь распределения. Может, в ваш колхоз направят. Агрономы вам нужны?

Я неопределенно пожал плечами. Не я решаю. Мила тем временем решительно положила мне руку на плечо, и я увидел в ее глазах так знакомый мне призывный огонек:

– А что, Ванюшка, отметим событие? Дипломы-то ведь не каждый день получают... Возьмем пузырь водяры. Закатимся на целый день ко мне. Отдохнем на славу...

Мила жарко задышала. Яркие губки ее притягивали, белоснежные ровные зубы блестели... Вдруг перед моими глазами появилась Настенька, и я – отшатнулся. Мила тревожно оглянулась.

– Нет, Мила, – как можно спокойнее, но твердо сказал я, – не пойду. Нам, видишь ли, не по пути.

И, не глядя ей в глаза, как провинившийся школьник, поспешил убраться с дороги.

– Ненормальный! – крикнула она мне в спину, видимо, рассчитывая на ответную реакцию. Но я, не оборачиваясь, уже шагал к автобусной остановке.

Я дома

«Девушка с веслом» уже две недели пылилась в моем тайнике: между парадными джинсами и лакированными туфлями. Тщательно укутанная в байковую тряпочку. Дело в том, что именно в эти дни необходимо было подрегулировать и смазать комбайн, на котором в качестве помощника комбайнера мне вот-вот предстояло отправиться на пшеничные нивы. Теперь Настеньку я видел лишь мельком, да и то издали: с самого утра она также устремлялась в поле – началась вторая ломка табачного листа...

«Девушка с веслом» дождалась своего часа, а я – выбившийся из сил, пыльный и потный – еле доползал домой и, кое-как помывшись теплой водой из железной бочки, весь день простоявшей под палящим солнцем, падал на кровать без чувств, и короткая ночь пролетала для меня миготом. Утром нестерпимо болело всё тело, ни руки, ни ноги, как следует, не слушались, но необходимо было продолжать, и я возвращался к комбайну, всё еще не готовому к уборке. И всё же днем, разойдясь и разогревшись, я приходил в себя: молодость и крепкое здоровье не давали впадать в уныние...

Думал ли, будучи занятым с утра до ночи, я о Настеньке? Ежечасно. Ежеминутно. У меня до сих пор не выветрилась из памяти ни одна, даже самая мелкая деталь нашей лодочной прогулки по озеру. Стоило мне на секунду закрыть глаза, и я видел ее коленки, тщательно прикрываемые тонкими руками, беззащитную улыбку и... алые губки, и белые зубки... да зачем я буду всё перечислять?! Несомненно, я любил Настеньку!

В один из субботних дней Иван Иванович, комбайнер, выползая из промасленной спецовки, внимательно посмотрел на меня и прогудел:

– Ну вот, закончили... А ты, парнишка, молодец. Другой на твоём месте, наверное, давно бы сбежал, не выдержал...

Такая похвала, естественно, прибавила мне сил, и я решил во что бы то ни стало достойно отработать всю уборочную страду. Но трепаться, конечно, не стал, как ни в чем не бывало пожал плечами: не вижу, мол, ничего героического...

А потом началось нечто невообразимое; конечно же, Иван Иванович жалел меня, но спуску не давал. Да и я не мог вести себя иначе. Недели две, а то и больше, домой мы практически не ходили, не мылись, за исключением рук и лица, вставали в четыре утра, ложились поздно и спали в поле на какой-нибудь

скирде или же, не в силах добраться до нее, прямо под комбайном. Еду вывозили нам к месту работы на подводе. Не чувствуя вкуса пищи, мы наскоро проглатывали какой-нибудь борщ и тревожно поглядывали в небо: не сгущаются ли тучи? Не хлынет ли дождь? Одежда на нас поистлела... Но надо было спешить...

«Девушка с веслом» по-прежнему лежала между джинсами и лакированными штиблетами, ноя не отчаивался; я хорошо помнил о том, что осенью мы станем встречаться чаще (может, даже ежедневно), так как Настеньке тоже доведется учиться в районном центре. Значит, «Девушка с веслом» еще сыграет связующую роль в наших отношениях...

Конечно же, я мог улучшить минуту (скажем, ранним утром или поздним вечером) перекинуться с Настенькой словом-другим, но мне казалось неуместным крутить любовь в разгар уборочной страды, когда каждая секунда на счету. Как спортсмен-марафонец, который мудро распределяет свои силы на несколько десятков километров, я решил не спешить. В запасе у меня имелась целая жизнь, где можно было совершить много умного и глупого. С глупостей начинать не хотелось. Однако ждать у моря погоды было тоже не в моем характере.

И всё же Настенька не забывала обо мне. Однажды вечером, сидя в кузове автомобиля, возвращавшегося с колхозницами после работы в село, она высмотрела меня на косогоре, который мы заканчивали обкашивать уже в темноте, привстала, помахала мне рукой и улыбнулась: не вечно, мол, торчать нам в этом поле, будет и на нашей улице праздник!

Пыльный, обгоревший на солнце, уставший до чертиков, но вдруг возродившийся, сильный, с комбайна я проводил глазами скрывавшийся в пыли автомобиль: да, осень не за горами...

Владислав КУРАШ

Современный украинский писатель, лауреат Международного Фонда «Великий Странник – Молодежи» за 2013 год. Родился 9 июля 1974 года в г. Сумы. После окончания школы в разные годы работал продавцом, почтальоном, уборщиком в пивном баре, грузчиком на кондитерской фабрике. В 1994 году нанимается матросом на рыболовецкое судно, на котором плавал к берегам Африки, Латинской Америки, Японии и в северные моря. Впечатления, полученные во время плаваний, легли в основу многих его морских рассказов и повестей. В 2007 году в литературном альманахе «Дни славянской письменности в Украине» был напечатан его рассказ «Посмотри в глаза смерти». Сотрудничал с Всеукраинским национальным культурно-просветительским обществом «Русское собрание». В 2008 году в литературном журнале «Новая литература» был напечатан рассказ «Мечь».

За миллион к звёздам

Дорога в космос! Огромное счастье выпало мне – оказаться на её широком просторе, первому совершить полёт, о котором давно мечтали люди.

Ю.А.Гагарин

Наш крохотный и уютный мир со всех сторон на сотни световых лет окружён безжизненным пространством. Невозможно даже вообразить, как велика Вселенная. Она безгранична, бескрайна и неизмерима. Миллиарды галактик, звёзд и планет в этом мёртвом океане космических просторов. Погружённые в ионизованную плазму и вакуум, они так же мертвы, как и весь Космос.

И только наша Земля, одна единственная во Вселенной, благодаря атмосфере и своему месторасположению среди планет Солнечной системы, ряду других благоприятствующих факторов, стала островком и колыбелью уникальнейшей формы существования, называемой Жизнью.

На многих других планетах тоже есть атмосфера, но далеко не каждая обладает достаточным количеством воды и кислорода, столь необходимых для зарождения и развития живых организмов. На Земле всё это имеется в избытке.

Средняя жёлтая звезда, именуемая Солнцем, представляет собой гигантский газовый шар диаметром в полтора миллиона километров с раскалённым ядром в середине, в котором происходит непрерывный процесс ядерного синтеза, в результате чего выделяется громадное количество энергии. Эту энергию называют космическим излучением, или же солнечным ветром. Она смертоносна и губительна, но так же необходима для жизни, как вода и кислород. Парадокс. Проходя сквозь озоновый слой, как сквозь фильтр, она освобождается от убийственных ультрафиолетовых лучей и приносит на Землю тепло и свет, без которых жизнь невозможна.

Температура поверхности Солнца 5500°C. Этого предостаточно, чтобы испепелить Землю или любую другую планету. Но Земле пока не грозит подобная участь. Расстояние от Земли до Солнца сто пятьдесят миллионов километров. И это является определяющим фактором благоприятных климатических и погодных условий нашей планеты. А находишься они чуть ближе друг к другу, Земля была бы такой же раскалённой и мёртвой, как Меркурий или Венера, чуть дальше – была бы скована безжизненными льдами, как Нептун или Плутон.

По вселенским меркам Солнечная система совсем ещё молода. Ей всего лишь пять миллиардов лет. Земля и Солнце ровесники.

Пять миллиардов лет понадобилось Земле, чтобы в лучах солнечной энергии из циклопического газопылевого облака стать настоящим цветущим садом.

Однако всё имеет начало и конец. Через пять миллиардов лет Солнце израсходует свои запасы водорода и начнёт раздуваться, постепенно превращаясь в Красного Гиганта. Земля выгорит, океаны испарятся, а всё живое погибнет. Затем Солнце сожмётся и превратится сначала в Белого Карлика, а потом в потухшего мёртвого Чёрного Карлика. Не очень-то весёлая перспектива. Но до этого ещё ой как далеко. Поэтому не стоит вешать нос и да здравствует жизнь. Viva a vida, как говорят португальцы. У нас ещё есть время, чтобы что-то придумать и спасти наш крохотный и уютный мир.

Несмотря на гигантские размеры, с Земли звёзды кажутся маленькими светящимися точками. Всё небо усыпано звёздной пылью. Они так же стары, как и наш мир. Многие они повидали на своём веку, о многом могли бы рассказать, на многие тайны мироздания могли бы пролить свой бледный холодный свет. Нужно только научиться понимать их и тот мир, в котором мы живём, частицей которого мы являемся.

* * *

В морозном февральском небе звёзды полыхали серебряной россыпью. На какое-то мгновение Женя залюбовался этой сказочной красотой, мысленно устремляясь ввысь. В кармане зазвучал рингтон мобильного телефона.

– Говори, я слушаю, – недовольный тем, что его оторвали от такого чудесного зрелища, раздражённо сказал он в трубку. – Я ещё на заводе. Возле проходной. Через полчаса буду. Хорошо. Давай.

Женя засунул телефон обратно в карман, постоял ещё несколько минут возле проходной, разглядывая звёздное небо, и, поёживаясь и выдыхая в промёрзший воздух густые снопы белого клубящегося пара, направился на остановку. На остановке он заглянул в журнальный киоск.

– Что-нибудь о космосе и ракетостроении есть? – спросил Женя, поправляя съехавшую на бок кепку.

– «Астрономический вестник» и «Космическая техника», – ответила киоскёрша.

– Давайте. Сколько с меня? – сказал Женя и полез в карман за деньгами.

– Сорок семь пятьдесят, – подсчитала на калькуляторе киоскёрша.

Женя протянул ей помятую пятидесятигривенную купюру – у него не было привычки носить деньги в бумажнике. Киоскёрша стала рассматривать купюру на свет.

– Сегодня только напечатал, – пошутил Женя.

Шутка была заезженная и избитая, но как-то сама навернулась на язык.

– Всякие тут ходят, – недовольно буркнула киоскёрша. – Пятьдесят копеек найдёте?

Женя порылся в карманах.

– Нет.

– Тогда возьмите что-нибудь на сдачу.

– Что? – растерялся Женя, рассматривая яркую витрину киоска.

– Лотерейный билет. Выиграете миллион, – предложила киоскёрша.

– Миллион мне не помешал бы, – усмехнулся сам себе Женя, забирая свою покупку.

Он сунул журналы под мышку и снова посмотрел вверх. Небо понемногу затягивало чёрными глыбами туч. Начал сыпать крупный мокрый снег, сорвался неприятный промозглый ветерок, забираясь под лёгкую осеннюю куртку. В считанные минуты всё вокруг укрылось белоснежным покрывалом. На плечах и на кепке выросли снежные налёты. Женя струсил с себя липкий тающий снег. Подъехала пятнадцатая маршрутка. Сев в маршрутку, наполненную теплом и влагой, он открыл «Астрономический вестник» и ему на глаза попался лотерейный билет.

«Лото Миллионер», прочитал Женя на лотерейном билете. Минимальный гарантированный размер джек-пота 5 000 000 гривен.

Миллион долларов, прокалькулировал в уме Женя и оценивающе сложил губы трубочкой, но тут же скептически усмехнулся – бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Он моментально утратил интерес к лотерейному билету, но глаза сами, по инерции, ещё продолжали читать.

«Лото Миллионер» является государственной лотереей, организованной предприятием «Украинская Национальная Лотерея». Чтобы принять участие в розыгрыше, зачеркните по шесть номеров во всех игровых полях и зарегистрируйте заполненный лотерейный билет в любом терминале УНЛ.

В руке появилась шариковая ручка. Без особых раздумий Женя стал быстро зачёркивать номера. В каждом игровом поле по шесть номеров. И везде одна и та же комбинация цифр: два, семь, девять, тринадцать, четырнадцать, девятнадцать.

Закончив, Женя удовлетворённо улыбнулся. Удачная комбинация, промелькнуло у него в голове. Второго числа родилась сестра, седьмого – мать, девятого – я, тринадцатого – Женька, девятнадцатого – Богдан, четырнадцатого – день Святого Валентина. Ровно три года назад, в день Святого Валентина, они познакомились с Женькой. Как время летит, снова промелькнуло у него в голове. Кажется, будто только вчера это было.

Он перевернул лотерейный билет и на обратной стороне прочитал, что розыгрыши «Лото Миллионер» проходят каждую неделю, в субботу, на Первом национальном телерадиоканале. Для тех, кто пропустил

телетрансляцию розыгрыша, результаты публикуются в еженедельной газете «Зигзаг удачи». Джек-пот – сумму главного приза, 5 000 000 гривен, получает тот, кто отгадает все номера во всех игровых полях.

Окончательно потеряв интерес к лотерейному билету, он погрузился в чтение «Астрономического вестника» и, зачитавшись, чуть не прозевал свою остановку. Он встал возле рынка – ему нужно было сделать несколько покупок: подарок для Женьки и что-нибудь к праздничному столу. Не хорошо с пустыми руками являться на праздник. А праздник был самый что ни на есть настоящий, четырнадцатое февраля, день Святого Валентина, третья годовщина их с Женькой знакомства. Для Жени это много значило.

Только не так он хотел его отметить. Это была Женькина идея, собрать всех старых друзей и устроить весёлый сабантуй. Женя на неё сначала даже немного обиделся. В этот день он никого кроме Женьки не хотел видеть. Он ни с кем не хотел делить радость своего влюблённого сердца, которое принадлежало одной лишь ей и никому больше. Но долго обижаться на неё он не мог, потому что любил её с таким великодушием и пониманием, какие свойственны лишь благородным и одухотворённым людям. А потом, пораскинув мозгами, пришёл к выводу, что так будет даже лучше – сначала отметить праздник в весёлой шумной компании, а после вечеринки закатиться с Женькой на всю ночь к нему домой и оттопыриться там, как он шутя любил поговаривать, по полной программе.

Что Бог ни даёт, всё к лучшему. Значит, так и должно быть, размышлял Женя.

Когда он явился, сабантуй был уже в самом разгаре. В лицо пахло теплом, табачным дымом и приятными запахами праздничного стола с жарким и традиционным винегретом. Коридор наполнился людьми, и к нему потянулись руки.

- Старик, где ты ходишь? Одного тебя только ждём.
- Раздевайся скорей, без тебя никто за стол садиться не хочет.
- Евгеша, ты нас, наверное, голодом решил уморить.
- Мы уже думали, что ты где-нибудь возле пивного ларька заблудился.
- Да ему, чтобы заблудиться, цистерну пива выпить надо. Правда, Евгеша?

Женя не отвечал, а только улыбался. Ему нравилось быть в центре всеобщего внимания. Он наслаждался тёплой дружеской атмосферой.

В коридоре появился Богдан, его лучший друг и хозяин квартиры.

– Жентяй, ты настоящая свинья, – с укориной сказал он. – Женька места себе не находит, а ты шагаешься непонятно где. Если бы она была моей девушкой, я бы её на руках носил. Ох, и допросишься ты у меня как-нибудь на пряники. Вечно тебя ждать приходится.

Богдан не скупился в его адрес на крепкое словцо, а Жене, в свою очередь, доставляло удовольствие немного позлить своего лучшего друга. Это была своего рода игра, приятная им обоим.

В этот момент в глубине коридора мелькнуло Женькино лицо. Женя рванул за ней, но его удержали сильные дружеские объятия.

– Штрафную опоздавшему, – завопили все в один голос.

Жене помогли раздеться, передали на кухню шампанское и торт, купленные им на рынке, и потянули к столу. Он не сопротивлялся, лишь только отшучивался и оглядывался по сторонам, не понимая, куда делась Женька. Его сердце рвалось к ней и легонечко ныло от тоски и тревоги. Женю усадили за стол и поставили перед ним двухсотграммовый стакан водки.

– Пей, – ультимативно потребовали собутыльники.

За столом воцарилась мёртвая тишина. Женя взял стакан, заглянул в него, словно в колодец, и разом, в несколько глотков, осушил его.

– А теперь тост, – сказал он, вытерев губы рукавом.

Все так и охнули.

– Ты закуси сначала.

– Сначала тост, – отказался Женя.

Бокалы наполнили шампанским. Женя взял свой бокал и поднялся.

– Предлагаю выпить за красивых девчонок и сильных парней, за красоту и силу, за любовь и счастье.

Женя умел хорошо говорить и никогда не упускал возможности блеснуть своим талантом. Над столом зазвенели бокалы.

– А вот теперь можно и закусить, – сказал Женя, усаживаясь за стол. – Думали напугать стаканом водки? – самодовольно усмехнулся он. – Хотели взять на слабо? И не из такой посуды приходилось пить.

– А из такой не приходилось? – как змей-искуситель, крутя в руках хрустальную салатницу, задел за мужское самолюбие Богдан.

Женя посмотрел на салатницу.

– Из такой не приходилось, – покачал он головой.

– Что, слабо? – продолжал искушать змей-искуситель.

Женя ужасно хотел есть. Ему уже начинало поднадоедать это дурацкое позёрство. Он решил разом покончить со всеми издевательствами и подколками, от которых изрядно разило дешевизной и безвкусицей.

– А бутылку шампанского, по-гусарски, стоя на карнизе, слабо? – ответил он вопросом на вопрос.

Он знал, что Богдану не слабо, но до последнего надеялся на его благоразумие.

– А тебе слабо?

– Мне не слабо, – спокойно сказал Женя.

Он был уверен в себе.

– И мне не слабо, – улыбаясь, сказал Богдан.

Женя полез в карман и вывалил на стол жменю помятых купюр и мелочи – всё, что было.

– Заклад?

Богдан положил рядом свой толстый бумажник.

– Заклад.

Начали делать ставки.

– Ставлю на Евгешу.

– А я на Бодю.

На столе выросла гора денег. Принесли шампанское, открыли окно. В комнату ворвался обжигающий морозный воздух. Женя схватил бутылку и запрыгнул на подоконник. Все разом ухнули. Держась за раму, он стал одними пятками на скользкий покатый карниз и приложился к бутылке. Он не видел, как появилась Женька, он уже ничего не замечал, в тот момент он о ней не думал. Он сделал последний мучительный глоток и, посмотрев вниз, с головокружительной десятиэтажной высоты, ловким кошачьим движением спрыгнул с подоконника на пол. Его немного качнуло, и на мгновение всё поплыло перед глазами. Спустя мгновение он снова владел собой. Он обвёл взглядом комнату, но Женьки нигде не увидел. Богдан был уже на карнизе. Раздался глухой металлический хлопок. Краем глаза Женя заметил, как Богдан сильно качнулся и забалансировал на скользком карнизе. Всеобщее напряжение достигло апогея. Богдан с трудом удержал равновесие, выпрямился и допил шампанское. Спрыгнув с окна, он с вызовом посмотрел на Женю.

– Тебе этого не достаточно? – удивился Женя.

В его глазах читалось: «Ну как ты мне уже надоел со своими школьными выходками».

В глазах Богдана читалось: «Это всё, на что ты способен?»

– Ну, Бодяка, держись, сейчас я тебя раздавлю, – в сердцах, прорычал Женя, засучивая рукава.

Все увидели его мощные атлетические предплечья. Богдан понял Женю с полуслова и неподдельно обрадовался.

– Ага, старая рохля, ещё посмотрим, кто кого раздавит, – задорно воскликнул он и тоже стал засучивать рукава. – Освободите стол, – скомандовал он по-хозяйски.

Посуду убрали в сторону, поставили табуреты, Женя с Богданом сели друг напротив друга. Руки сомкнулись в стальном замке, секунданты проверили захват, и в воцарившейся тишине началась схватка. Багровея и обливаясь потом, до скрежета стиснув зубы, пожирая друг друга глазами: один с вызовом и насмешкой, другой со злостью и раздражением, они слились в одно каменное изваяние.

Богдан не был таким атлетом, как Женя, и казался в два раза меньше. Но его длинная как плеть рука, жилистая, словно у мула, не уступала Жениной в силе ни на йоту. За всё время борьбы их руки ни разу не шевельнулись, ни разу не качнулись в ту или иную сторону – ни на чьей стороне не было перевеса.

– Ребята, кончайте, победила дружба.

Но единоборцы не сдавались.

– Всё, хватит, надоело.

Не сговариваясь, на них навалились со всех сторон. Возле стола образовалась весёлая свалка. Это сильно разрядило обстановку. Все хохотали и возились на полу.

– Пожмите руки, – потребовали от горе-единоборцев.

Они с радостью пожали друг другу руки и крепко по-мужски обнялись. Они были настоящими друзьями. Такие друзья редкость в наше время. О таких обычно говорят: «За друга готов и на нож, и под пулю».

Наконец все уселись за стол, поставили дымящееся жаркое. Рядом возвышалась нетронутая гора денег.

– Кому же достанется банк?

- Победила дружба.
- А что будем делать с деньгами?
- Пропьём.

Все единодушно поддержали это предложение.

- Мужикам пиво, а девчонкам шампанское.

Не долго пришлось искать охотников сгонять за пивом и шампанским. Богдан сказал тост – он тоже умел красиво говорить – выпили, принялись за жаркое.

– Налетайте на винегрет, – предлагал Богдан, передавая по рукам огромное блюдо с бурячным салатом. – Это моя мама сделала.

Сосредоточившись на своих тарелках, все усердно работали вилками и ножами. Тишину нарушал лишь включенный телевизор.

– Ну-ка, ну-ка, сделайте чуть погромче, – заинтересовавшись трансляцией, попросил Женя. – Да тише вы, дайте послушать.

Он привстал над столом, чтобы видеть экран телевизора. В тишине зазвучал густой баритон телевизионного диктора:

... при поддержке Европейского космического агентства EADS на космодроме Байконур ведётся подготовка к осуществлению первых коммерческих космических полётов на универсальных пилотируемых многоразовых аэрокосмических аппаратах типа «Буран». Всего за полмиллиона долларов любой желающий сможет стать космическим туристом и совершить полуторачасовое путешествие в космос. Специально для ТСН Сергей Володин с космодрома Байконур.

- Выключай, – скомандовал Женя.

Он опустился на своё место и с самым отрешённым видом стал уплетать винегрет и жаркое.

- Никак в космос собрался, Евгеша?
- Угу, – буркнул тот, не отрываясь от тарелки.
- А где же ты полмиллиона-то возьмешь?
- Может, на заводе заработаешь?

Прокатился лёгкий издевательский смешок. Женя дожевывал и совсем простодушно ответил:

- В лотерею выиграю.

Смешок усилился.

- Где мои журналы? Подайте их сюда.

Ему подали журналы. Он открыл «Астрономический вестник» и показал всем зарегистрированный лотерейный билет – на рынке он случайно наткнулся на ларёк УНЛ, где и зарегистрировал его.

– Читайте, – он ткнул пальцем в билет. – Минимальный гарантированный размер джек-пота 5 000 000 гривен, то есть миллион долларов, – прокомментировал Женя во всеуслышание. – Как раз хватит и на меня, и на Женю. Мы вместе полетим.

Все от души расхохотались.

- И ты надеешься выиграть джек-пот?
- И я его выиграю. Я везучий.

Это ещё больше рассмешило присутствовавших.

– Кого вы слушаете?! – сквозь смех сказал Богдан. – Если он выиграет джек-пот, он и копейки не потратит. Всё в банк сложит, на депозит. И будет, как царь Кощей, над своим золотом чахнуть, а космос в телескоп рассматривать – так дешево. И никуда не полетит.

- Спорим, полечу? – положил на стол свою руку ладонью вверх Женя.

– На что? – продолжая смеяться, спросил Богдан.

– На джек-пот, – спокойно сказал Женя. – Если выиграю и не полечу, джек-пот твой. А если полечу, твой «форд-фокус» металлик с климат- и круиз-контролем и с коробкой-автомат за двадцать штук евро – мой.

Богдан на мгновение заколебался. Один лишь Женя заметил это. Он хорошо знал своего лучшего друга и ожидал подобной реакции. Богдан колебался недолго. Самолюбие взяло верх. Амбиции – злейший враг здравого смысла.

- Спорим, – решительно накрыл он своей рукой Женину руку. – Все свидетели, – объявил Богдан.

Все одобрительно закивали головами.

– Евгеша, тебе проще самому ракету сконструировать, чем на джек-пот надеяться, – снова начали подтрунивать над Женей.

- Смейтесь, смейтесь, когда-нибудь обязательно сконструирую, – отшучивался Женя.

- Вот тогда-то в космос и полетишь.
- И в космос я обязательно полечу.
- А нас с собой возьмёшь? – не унимались злые языки.
- Вас не возьму. Рождённый ползать летать не сможет.
- Интересно было бы посмотреть на твою ракету.
- Это зрелище не для слабохарактерных.
- Конечно, ведь он свою ракету из пивных бутылок сделает. А летать она будет только на чистом спирте.
- Что вы понимаете в ракетостроении?! – Женя со звоном бросил нож и вилку на пустую тарелку.

Нельзя сказать, что он не любил часок-другой за бутылочкой и хорошей закуской потреться в кругу старых друзей, но пустой болтовни он на дух не переносил, тем более когда начинали умничать на счёт того, в чём совершенно не разбирались. Он встал из-за стола и с видом крайнего раздражения вышел из комнаты. Голод он утолил, поэтому за столом ему больше делать было нечего. Он снова устремился всеми своими мыслями к Женьке, и сердце его затрепетало.

Женька сидела на кухне одна, в клубах табачного дыма, с сигаретой во рту. Она курила лишь тогда, когда у неё было дурное настроение. Женя отлично знал, чем чревато подобное настроение. Он забрал у неё сигарету и открыл форточку, впуская в кухню свежий морозный воздух. Женька даже не пошевелилась, даже не повернула в его сторону голову, словно не замечала его. Женя сел рядом с ней и почувствовал, как каждая его клеточка наполняется радостью, восторгом и любовью.

– Ты меня не любишь, – уставившись себе под ноги, сказала Женька.

– С чего ты взяла? – удивился Женя. – Это не правда. И ты сама знаешь, что я тебя люблю. Я тебя сильно люблю. Так сильно я никого и никогда не любил.

Женька посмотрела на часы.

– Ты здесь уже полтора часа и только сейчас обо мне вспомнил. Твои дружки-горлопаны тебе, наверно, дороже.

– Нет, ты моё самое драгоценное сокровище. Дороже тебя у меня никого нет.

– Раньше ты таким не был. Из кожи вон лез, чтобы мне понравиться. И тебе это удалось. А теперь ты меня только расстраиваешь.

Её голос дрогнул, по щеке скользнула слеза.

– Я и не думал тебя расстраивать. Ну что ты, зайчонок, пожалуйста, перестань.

В такие минуты Женя чувствовал себя виноватым. Он не любил слёз и сам не на шутку расстраивался.

Он обнял Женьку и стал целовать её роскошные каштановые волосы. Женька чуть не подпрыгнула от удовольствия. Она добилась своего, но ей хотелось ещё немного помучить Женю. Уткнувшись носиком в его грубый рыбацкий свитер с высоким воротом, она притворно всхлипывала, вздрагивая всем телом.

– Ты не забыл, какой сегодня день? – сквозь притворные слёзы спросила Женька.

Он отлично помнил, какой сегодня день. Ещё бы он забыл. Как такое можно забыть? Три года назад в этот день они познакомились. Говорят, любви с первого взгляда не бывает. Ложь. Женя полюбил её с первого взгляда. Раз и навсегда, на всю жизнь. Он всё делал раз и навсегда. Такой у него был характер. За это Женька и полюбила его. Ей нравились настоящие сильные мужчины. Женя был словно из кремня высечен – сильный и надёжный. За таким и на край света пошла бы. А пошла бы? Пока об этом разговора не было.

– Постой, я же тебе подарок приготовил, – спохватился Женя.

Он пошёл в коридор и вернулся с большим свёртком из пёстрой упаковочной бумаги, перетянутым накрест широкой розовой лентой с красиво выложенным бантом. У Женьки загорелись глаза. Она сорвала ленту и по-варварски, с детской нетерпеливостью буквально раскромсала на клочья свёрток. Там был симпатичный плюшевый зайчика.

– Зайчонок, это тебе, – ласково сказал Женя.

Женька обеими руками прижала плюшевого зайчика к лицу и, закрыв глаза, с наслаждением вдыхала аромат нового синтетического волокна.

– Посмотри, какой он симпатяга, – сказал Женя.

– Да, симпатяга, – согласилась Женька.

Не выпуская зайца из рук, она бросилась к Жене на шею и от души расцеловала его.

– Как же я тебя люблю! – откинув всякое притворство, воскликнула она вне себя от счастья.

– Я тебя тоже, зайчонок.

Женя хотел подхватить её на руки и закружить до беспамятства. Им помешали курильщики. Кухня снова наполнилась едким табачным дымом. Появился Богдан с гитарой.

- Жентяй, сбацай нам что-нибудь, – попросил он по-дружески.
- Я уже забыл, как и гитару в руках держать, – стал отказываться Женя.
- Да брось ты ломаться. Сбацай, как друга прошу, – настаивал Богдан.

Женя нехотя взял гитару, смахнул с неё пыль и небрежно, со знанием дела ударил пальцами по расстроенным струнам.

- Давненько на ней не играли, – заключил Женя.
- Последний раз на мой день рождения, – сказал Богдан. – Ты же тогда и играл.

Одну за другой Женя стал подстраивать струны. Все с любопытством наблюдали за его колдовством. Кухня битком набилась желающими попеть и послушать. Наконец гитара зазвучала ровным мелодичным перебором.

- Давай нашу, – попросил Богдан.

Женя перешёл на рваный бой и начал:

*Когда на сердце тяжесть и холодно в груди,
К ступеням Эрмитажа ты в сумерках приди.*

Все дружно хором подхватили:

*Держать его махину не мёд со стороны,
Напряжены их спины, колени сведены.
Их свет дневной не радует, им ночью не до сна,
Их красоту снарядами уродует война.*

- Молодец, Жентяй, – искренне по-дружески похвалил его Богдан. – Давай ещё раз эту же.
 - Ребята, давайте лучше споём про оленя, – потребовали девчонки.
 - Про какого ещё оленя?
- И девчонки, не сговариваясь, запели:

*Вернись ко мне, олень,
По моему хотению,
Умчи меня, олень,
В свою страну олению.*

Женя сходу подобрал нехитрую мелодию и стал подыгрывать девчонкам.

*Где сосны рвутся в небо,
Где быть живёт и небыль,
Умчи меня туда, лесной олень.*

- А может, про самолёты споём? – предложил Богдан, когда девчонки допели.
- Конечно, про самолёты, – поддержали его все единодушно.
- Заводи своё караоке.

Все весело хлынули в комнату. Отодвинули стол к окну. Девчонки и парни разделились и, взявшись в цепи, встали друг напротив друга. Богдан включил караоке. Когда заиграла музыка, цепи ожили и в такт музыке начали приближаться друг к другу и, едва коснувшись, как волны, откатывать назад.

И наконец дружно грянули:

*Мы, друзья, перелётные птицы,
Только дом наш лишь тем не хорош,
На земле не успеешь жениться,
Ну а в небе жены не найдёшь.*

Девчонки:

Почему?

Парни:

*Да потому что мы пилоты,
Небо наш, небо наш родимый дом,
Первым делом, первым делом самолёты.*

Девчонки:

Ну а девушки?

Парни:

А девушки потом.

Пропев остальные куплеты, разгорячившись от движения и близости друг к другу, все, довольные и возбуждённые, повалились на диван и кресла.

Сабантуй удался на славу.

– Да, что Бог ни даёт, всё к лучшему, – рассуждал Женя, стоя возле окна в своей холостяцкой однокомнатной квартире.

– Что ты говоришь? – не расслышала Женька.

Она лежала на разложенном диване совсем голая и неприкрытая. В темноте её смуглая, как у кубинки, кожа отливала чёрно-красной медью. Её роскошные каштановые волосы были разбросаны по подушке. Рядом с ней лежал плюшевый зайчика.

– Я говорю, весёленький сегодня получился сабантуй, – повысив голос, сказал Женя.

Он смотрел на небо. Небо прояснилось и теперь полыхало огненной россыпью звёзд.

– Ты только посмотри на эту красоту, – восхищённо сказал Женя.

Он подошёл к телескопу и заглянул в окуляр. Женька, растянувшись на диване, сладко дремала. Она не хотела нарушать приятное умиротворение и покой.

– Ты лучше сам посмотри. Я всё равно в этом ничего не понимаю, – сквозь полудрёму ответила она.

– Такую красоту словами не опишешь, – продолжал восхищаться Женя. – Всё небо как на ладони.

Женька нехотя приоткрыла глаза и посмотрела на Женю. Он стоял, согнувшись, возле телескопа. В мерцании ночного неба на его обнажённом атлетическом теле был виден каждый мускул. Женьке нравились настоящие сильные мужчины. Она улыбнулась и снова погрузилась в приятную полудрёму.

– Сегодня звёзды пылают как никогда, – заметил Женя, не отрываясь от телескопа. – Особенно ярко горит Альдерамин из созвездия Цефея.

– Для меня все звёзды одинаковы, – потягиваясь, сказала Женька.

– Ну ты даёшь. Даже невооружённым глазом видно, какие они разные. У каждой из них своя история, своя жизнь, своя судьба, свой характер. Нужно быть настоящим слепцом, чтобы не отличить ту же Вега из созвездия Лиры от Алголя из созвездия Персея или от Полярной звезды из Малой Медведицы. Или же хвост Дракона от крыла Лебеда. Они такие же разные, как ночь и день, как чёрное и белое, как инь и янь.

– Красивые названия у звёзд. Они что-то значат? – спросила Женька.

– Многие из них заимствованы из древнегреческой мифологии. Вот, например, Кастор из созвездия Близнецов. Эта звезда названа именем героя, участвовавшего в походе аргонатов, предательски убитого его близким другом. Когда смотришь на звёзды в телескоп, кажется, до них можно рукой достать. На самом же деле они очень далеки от нас. Кстати, ты знаешь, что планеты тоже светят? Вернее, отражают свет звёзд. К примеру, Луна. Она отражает свет Солнца и при этом нагревается до ста тридцати градусов. Представляешь?

Женька ничего не ответила.

– Тебе не интересно? – спросил Женя.

– Ты как ребёнок, придумал себе развлечение и рассматриваешь свои звёздочки в телескоп, – с раздражением ответила Женька.

– Ничего ты не понимаешь, – парировал Женя. – Ладно, нужно работать.

Он сел за письменный стол и включил настольную лампу. Электрический свет бритвой полоснул по глазам. Женька болезненно сожмурилась и отвернулась к стене.

– Выключи свет, – запротестовала она.

- Потерпи, зайчонок, мне нужно работать.
- Женя раскрыл свои записи и стал их просматривать.
- Понимаешь, зайчонок, я уже почти всё рассчитал. Осталось только перепроверить последние формулы. Если цифры сойдутся, значит, расчёты верные.
- Кому нужны твои расчёты?! Только электричество зря жжёшь.
- Ошибаешься, без этих расчётов ни одна ракета далеко не улетит.
- Летают же. И без твоих расчётов прекрасно обходятся.
- Верно, летают, – согласился Женя. – Только как? Не дальше земной орбиты, и то с трудом. А вся проблема в двигателях. Слабые мощностя у ракетных двигателей. Нужна революция в ракетном двигателестроении. И я эту революцию сделаю.
- Не много ли ты на себя берёшь?
- Кто-то же должен это сделать. Иначе мы никогда не доберёмся до других галактик.
- Зачем тебе другие галактики? Тебе, что, на Земле плохо?
- Ты, я вижу, совершенно ничего не понимаешь, – Женя отложил свои записи и повернулся к Женьке.
- Сейчас я тебе всё объясню. Через пять миллиардов лет Солнце увеличится и испепелит Землю. И жизни больше не будет. Это необратимый процесс. Поэтому нам нужны летательные аппараты, на которых можно будет эвакуировать и людей, и всё культурное наследие человечества на какую-нибудь другую подходящую для жизни планету.
- Ты, наверное, сумасшедший, – совсем уж раздражённо сказала Женька. – Вместо того чтобы делом заниматься, всякой ерундой себе голову забиваешь.
- Знаешь, сколько заплатят за такое изобретение?
- Ты думаешь, у тебя что-то получится?
- Я просто уверен. У меня нет другого выхода. Я всё поставил на карту. Я должен идти до конца. У меня предчувствие. Я обязательно добьюсь успеха. Я и на завод-то пошёл только из-за того, чтобы меня не дёргали и не мешали спокойно думать.
- Гоняешься за какими-то призрачными мечтами. А обо мне совершенно не думаешь. Я уже забыла, когда последний раз в ресторане была. На твою зарплату сильно не разгуляешься. Брал бы лучше пример со своего друга Богдана. И квартиру купил, и машину новую, и денег полные карманы.
- И у меня всё будет. Когда-нибудь я весь мир положу к твоим ногам.
- Не нужен мне весь мир. Мне хочется нормального человеческого счастья. И ни когда-нибудь, а сейчас, пока я молодая, – вспылила Женька.
- Тебе со мной плохо, зайчонок?
- Женя сел рядом с ней на диван и стал перебирать её роскошные каштановые волосы. Женька повернулась к нему лицом, прячась за ним от нестерпимого электрического света.
- Нет, не плохо. Но ты меня пугаешь. Порой мне кажется, что ты просто неудачник и я с тобой становлюсь такой же неудачницей, как и ты.
- Эти слова были криком души. Женя не обратил на них особого внимания. Он смотрел на её роскошные волосы, на её длинное худое тело и чувствовал, как в нём пробуждается желание. Он потянул Женьку к себе, но она ловко вывернулась из его рук.
- Не трогай меня, – с обидой выпалила она. – Я еду домой.
- Она вскочила с дивана и начала собираться. Её лицо с крупными выразительными чертами, большими глазами, слегка вздёрнутым носом и пухлыми губками перекошилось от злости.
- Ты же говорила, что останешься до утра.
- Я передумала.
- Женя наблюдал, как она одевается, собирая разбросанные по комнате вещи.
- Вызови такси, – попросила Женька.
- Женя по телефону заказал такси.
- Я буду за тебя молиться, – сказал он Женьке, положив трубку телефона.
- Кому? – с насмешкой и раздражением спросила Женька.
- Богу, – не обращая внимания на её раздражённый тон, спокойно ответил Женя.
- Бога нет, – хлестанула сплеча Женька. – Ты же сам мне рассказывал о теории эволюционного развития.
- Это совершенно разные вещи. Человеку нельзя без Бога. Бог – это всё самое лучшее, что у нас есть, это наша духовность. Если бы не было Бога, мы бы не были людьми. Животные инстинкты сожрали бы нас и превратили бы в мерзких тварей. Тварей и среди людей достаточно. Я не хочу быть тварью. Я

человек. Таким меня создал Бог по Своему образу и подобию. Тварью стать проще простого. Сложнее оставаться человеком. А без Бога это невозможно. Без Бога обязательно рано или поздно станешь тварью. Поэтому человеку без Бога нельзя. Бог нужен нам. Просто необходим. Он есть, только не каждый открывает Ему своё сердце. Потому что многие так же, как и ты, ошибочно думают, что Его нет. Я буду молиться за тебя.

Зазвенел телефон.

– Это такси, – заторопилась Женька.

– Может, останешься?

– Нет, я еду домой.

– Постой, я дам тебе денег.

– Не надо, у меня есть.

Схватив пальто и сумку, не попрощавшись, Женька вылетела из квартиры. Впопыхах она забыла о своём подарке и вспомнила о зайке только в такси, но возвращаться за ним уже не захотела. Её душили обида и злоба.

Стоя у окна, Женя наблюдал, как она села в такси, как зажглись габаритные огни и фары, как машина тронулась и исчезла в темноте переулка. Потом он посмотрел выше, на голые чёрные, припорошённые снегом ветви деревьев, за которыми виднелась белая плоскость затянутого льдом озера Чеха с возвышающимися над ним зданиями университетских общежитий и упирающимся в самое небо многоэтажным Центром Госстандартов. Небо светилось звёздным заревом. Женя перевёл взгляд на небо.

Да, Альдерамин сегодня горит особенно ярко, подумал Женя. И всё небо пылает, как будто его подожгли. Ну что ты, брат Альдерамин? Как ты там поживаешь, в глубинах мирового пространства? Когда-нибудь я до тебя доберусь. Когда-нибудь мы потолкуем с тобой с глазу на глаз. Нам есть, о чём поговорить. Сколько неразгаданных тайн и загадок ты прячешь от меня за толщей световых лет?! Не смейся, близок тот час, когда я до тебя доберусь. Ты говоришь, Вселенная мне не по зубам? Ошибаешься. Вселенная – мой дом. И я здесь хозяин, а не ты. Потому что я человек, а ты всего лишь газовый шар. Таких, как ты, миллиарды во Вселенной. Придёт время, и я обуздаю твою смертоносную энергию и заставлю работать на себя. Ты ещё увидишь, как оживёт Вселенная, как расцветут пышными садами мёртвые космические просторы. И тогда ты узнаешь, кто во Вселенной хозяин. Вот так-то, брат Альдерамин. Уж очень ярко ты сегодня горишь. Вижу, настроение у тебя хорошее. Радуйся, веселись, наша встреча не за горами.

Жене показалось на мгновение, вокруг звезды появился и тут же исчез еле заметный радужный ореол.

Ага, ты меня слышишь, обрадовался Женя. Я знал, что ты меня слышишь. Когда-нибудь мы с тобой обязательно встретимся. Передай это всем. Пусть вся Вселенная знает об этом.

Женя частенько разговаривал со звёздами. Для него они были как живые. Он знал их все до одной и безошибочно мог определить их месторасположение на небе. Он учился понимать их далёкие беззвучные голоса. Он чувствовал постоянную неразрывную связь с ними. Он наблюдал за ними в свой телескоп и ощущал себя неотделимой существенной частью этого громадного, великого, почти совсем непознанного мира. Он мог часами наблюдать за звёздным небом.

– Всё, хватит, нужно работать, – сказал сам себе Женя.

Он давно был одержим идеей создать ракетный двигатель. Уже пять лет он работал над этим. Детская мечта стать космонавтом теперь воплощалась на бумаге в виде расчётов и формул. Для этого ему пришлось самостоятельно осваивать термодинамику, ядерную физику, радиоэлектронику и ряд других специальных дисциплин. Колоссальный труд был проделан им за последние годы. Его упорству и твёрдости мог позавидовать всякий. Он сам закалял себя ежедневными изнуряющими аскетическими занятиями. Он заставлял себя трудиться, и это приносило заметные результаты. Медленно, но уверенно он продвигался вперёд, пытаясь постичь непостижимое, пытаясь объять необъятное, пытаясь расширить предел человеческих познаний и возможностей. Он страстно хотел полететь в космос и делал для этого всё возможное. Он работал над фотонным ракетным двигателем.

– Я обязательно создам его, когда-нибудь я обязательно полечу в космос, – сказал сам себе Женя.

Он твёрдо верил в то, что сказал, и в этом был залог его успеха. Он отошёл от окна и заметил на диване зайку.

– Оставила тебя твоя хозяйка, косой, – обратился к нему Женя. – Так торопилась, что даже не вспомнила о тебе. Не обижайся на неё, косой, она хорошая и добрая. Это я виноват во всём. Разозлил её своей нерасторопностью. Вот она тебя впопыхах и забыла. Дубина я дубина неотёсанная, не умею я, видно, с женщинами обращаться. Не вешай нос, косой. Вернётся ещё за тобой твоя хозяйка. А мне нужно работать.

Хочешь, пойдём со мной. И тебе не скучно будет, и мне веселей. Без труда, косой, и рыбку из пруда не вытащишь. Слышал об этом? Так что будем трудиться. Знаю, что отдыхать лучше. Но под лежащий камень, косой, вода не течёт. Поэтому нужно заставлять себя трудиться. А иначе ничего не добьёшься. Бери пример с меня, косой. Думаешь, я не устал? Ещё как устал. Думаешь, мне не хочется вот так вот поваляться на диване и отдохнуть? Ещё как хочется. Но я заставляю себя и тружусь. Ты спросишь, что мне это даёт? Когда получается – великое удовлетворение, когда нет – душевные муки. Но не муки отчаяния и безнадежности, а муки творчества, в которых рождается открытие. Это приятные муки. Пойдём, косой, и рассвет уже скоро, а мы с тобой ничего ещё не сделали. Видно, поспать у нас с тобой сегодня не получится.

Он взял заиньку и посадил его на письменный стол рядом с настольной лампой. Работы было непочатый край. Стоило только заглянуть в расчёты и записи.

За окном уже начинало светать. Звёзды меркли и растворялись в проясняющемся утреннем небе. Мороз крепчал и потрескивал, словно поленья в печурке. Прилетели синички, заглянули в окно. Цок-цок, коготками по карнизу, цок-цок, клювиками по стеклу. На гвозде, вбитом с наружной стороны в оконную раму, был надет большой кусок свежего сала. Кушайте, синички-сестрички. Для вас это самое лучшее лакомство в лютые морозы. Потерпите чуть-чуть. Уже не долго осталось. Всего две недели.

А через две недели началась весна. Февральские холода сменились промозглой мартовской слякотью. Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Март есть март.

Март и должен быть таким – промозглым и слякотным, размышлял Женя, стоя на городском пустыре, расположенном на самой окраине. За пустырём начинались дачные посёлки. Он ждал Женьку.

С одной стороны пустырь огибала река, поросшая ивняком и кустарником, с другой – высоко насыпанная объездная дорога. Вдали за рекой виднелись шиферные крыши дачных домиков. Над дорогой нависала серая дымка, в которой время от времени мелькали забрызганные грязью автомобили.

Посреди пустыря рос огромный пятнадцатиметровый стройный, как парус, белый тополь с широким серо-зелёным стволом в два обхвата и мощными змеевидными корневищами, уходящими глубоко в землю. Ещё недавно здесь была шумная тополиная роща. Летом, на выходных, сюда съезжались со всего города отдохнуть, покупаться, поваляться на травке в тени. Женя и сам ни раз отдыхал здесь – сначала с родителями, когда был ещё маленьким, а потом и с друзьями.

Несколько лет назад на этом месте решили построить новый жилищный массив. Рощу выкорчевали бульдозерами, деревья распилили и вывезли – на том всё строительство и кончилось. Так появился городской пустырь, весь вывороченный и перепаханный, точно после бомбёжки.

Не понятно, каким чудом уцелел этот тополь. Пятнадцатиметровым красавцем возвышался он теперь над грязным замусоренным пустырём, и в его голых и чёрных от холода и влаги ветвях с воем и скрежетом путался и рвался разгулявшийся на воле ветер.

Женя подошёл к тополю и провёл ладонью по шершавому стволу. Тополь рос на небольшом взгорке, с этого места хорошо просматривалась вся дорога. Женя посмотрел на дорогу, потом на часы. Женька сильно опаздывала. Он стал прохаживаться возле тополя, потирая окоченевшие от холода руки, время от времени поглядывая то на дорогу, то на часы. Наконец подъехал автобус, и из него вышла Женька. Он сразу её узнал по розовому берету и плащичку.

Когда автобус отъехал, Женька окинула взглядом пустырь и увидела Женю. Она спустилась по насыпи вниз и, выбирая дорогу, направилась к нему. Ветер безжалостно трепал и приподымал её розовый плащик, обнажая стройные ножки в чёрных капроновых чулках. Одной рукой она придерживала плащ, другой – берет, из-под которого густыми локонами выбивались роскошные каштановые волосы. Женя быстро пошёл ей навстречу. Женька даже не взглянула на него, когда он подошёл. Она была чересчур серьёзна и неприветлива. Женя попытался её обнять, но она отстранилась.

– Я уже думал, что ты не приедешь, – сказал Женя, пытаюсь разгадать, что кроется под её нахмуренным личиком. – Почему ты захотела встретиться именно здесь? На пустыре так ветрено. А ты легко одета. Тебе не холодно?

– Нет, мне не холодно.

– Мы давно не виделись. Я за тобой соскучился.

Они не виделись всего три дня. Для Жени это был огромный срок. Женька ничего не ответила, лишь сказала:

– Пойдём к реке.

Они неспеша направились к зарослям ивняка, за которыми пряталась река, обходя прихваченную морозом грязь и покрытые тонкой ледяной коркой лужи. Они шли молча. Женька – впереди, сосредото-

точно уставившись себе под ноги, Женя – чуть сзади, растерянно глядя по сторонам, испытывая неосознанное чувство вины.

Стая потревоженных ворон с шумом и карканьем поднялась в тяжёлое свинцовое небо. Немного покружив над рекой, не желая покидать насиженных мест, птицы снова опустились в заросли ивняка. Возле реки кое-где ещё лежал снег. Река казалась мёртвой. Рыхлый, с чёрными зияющими промоинами, лёд крепко сковывал берега. Чтобы разрядить обстановку, Женя слепил снежку и с силой запустил её. Снежка шлёпнулась прямо в промоину, подняв ослепительный фонтан брызг.

– В самое яблочко, – обрадовался Женя, пряча в карманы обожжённые снегом руки.

Он украдкой посмотрел на Женьку – ни один мускул не дрогнул на её лице, она была непробиваема. Новый приступ неосознанного чувства вины нахлынул на Женю. Он ненавидел подобную неопределённость. Уж лучше бы она наорала на него или набросилась с кулаками – что угодно, только не это безжизненное молчание. Он не находил себе места и как провинившийся школьник стоял рядом с ней в невыносимом ожидании. А она словно не замечала его, долго смотрела на рыхлый потрескавшийся лёд реки, на ледяную кашу в промоинах, на еле заметное движение воды подо льдом. Видно было, что и у неё на душе не ладно. Женя знал это наверняка и с обречённостью приговорённого готовился к самому худшему. Ему больно было смотреть на неё.

– Не мучай себя, – не выдержал Женя.

Женька метнула на него искромётный взгляд. Она задышалась от ярости.

– Ты твёрдо решил? – преодолевая чудовищный барьер, спросила она.

– Да, – не задумываясь, ответил Женя. – Слово камень упал с плеч.

Казалось, Женька ждала этого «да», была готова к тому, что Женя ответит именно так. В тот же миг вся накопившаяся в ней ярость, освобождая её, вырвалась наружу.

– Тогда прощай, – быстро и совершенно бесстрастно сказала она и, резко повернувшись и ничего больше не сказав, пошла назад, к объездной дороге. Она сказала это так, точно ударила топором.

В мгновение ока одним невероятным движением Женя преградил ей дорогу.

– Постой, – сказал он, схватив её за руку.

– Нам не о чем больше разговаривать. Всё кончено.

Она с трудом высвободилась и попыталась пройти, но Женя не отступал.

– А как же я?

– Мне наплевать на тебя.

– Не ври. Я знаю, ты меня любишь. И я тебя люблю и не смогу без тебя.

– Ты любишь самого себя и свой космос. И никто тебе больше не нужен.

– Мне нужна ты. Я хочу на тебе жениться. Хочу, чтобы мы жили вместе, хочу, чтобы у нас были дети.

– Я и сама раньше этого хотела. Но теперь всё кончено.

– Из-за денег?

– Не в деньгах дело.

– Из-за этого проклятого миллиона?

– Я повторяю, не в миллионе дело.

– А в чём же тогда?

– Дело в тебе. Этот миллион, твой единственный шанс вырваться из серой обыденности и никчёмного существования. Второго такого шанса у тебя никогда не будет.

– Ты считаешь, что с миллионом моя жизнь станет лучше?

– По крайней мере, безбедной и счастливой, если тратить деньги с умом.

– За деньги счастье не купишь.

– А разве это не счастье, когда те, кого ты любишь, ни в чём не нуждаются? Или ты думаешь, что сможешь обеспечить семью на свою мизерную зарплату?

– Живут же как-то люди.

– Не живут, а прозябают? Ты хочешь, чтобы и твои дети прозябали?

– Нет.

– Тогда шевели мозгами.

– Я понимаю, куда ты клонишь.

– Я не клоню, а пытаюсь тебе объяснить.

– Но почему ты не хочешь понять меня?

– Ты эгоист. Ты думаешь только о себе.

– Ты отнимаешь у меня мечту.
– Сам решай, что тебе дороже: семья или какая-то мечта. Впрочем, ты уже всё решил. Поэтому прощай. Лети, куда хочешь, хоть к козлу на рога.
– Ты полетишь со мной?
– Нет.
– Почему?
– Я тебе уже говорила.
– Скажи ещё раз.
– Хорошо, скажу, – не в силах больше сохранять спокойствие взорвалась Женька. – Я живу здесь, на Земле, и мне наплевать на твои звёзды и на твой космос, и на то, что будет через пять миллиардов лет. И я не хочу прозябать, как все остальные. Я хочу жить и радоваться жизни. И мне нужен нормальный муж, который будет любить меня, а не свои звёзды. Понял?

Женька была вне себя от ярости. Она с силой оттолкнула Женю в сторону и быстро пошла к объездной дороге. Всё произошло настолько неожиданно, что Женя не удержался на ногах и, как подкошенный, грохнулся навзничь в грязный подтаявший снег.

Он не стал догонять и останавливать Женьку. Он лежал на холодном мокром снегу и наблюдал за тем, как она шла через пустырь, не выбирая дороги, напрямик по грязи и лужам. Отчаянный ветер безжалостно трепал её розовый плащик и два раза срывал с головы берет. Она поднимала его с земли и, отряхнув, снова надевала на голову. Женя чуть не расплакался от обиды и бессилия.

Когда Женька добралась до насыпи, подъехал автобус. Она села в него, и автобус исчез в серой газовой дымке, обволакивавшей дорогу. Только тогда Женя встал со снега и пошёл вслед за ней к объездной дороге.

Две недели прошло с тех пор, как он выиграл джек-пот в «Лото Миллионер». Он единственный угадал все номера во всех игровых полях и стал победителем финального розыгрыша. Теперь на его счету в Сбербанке лежало пять миллионов гривен, что в долларовом эквиваленте составляло приблизительно миллион долларов.

Ему невероятно повезло – в один миг неожиданно для себя и для всех остальных он стал человеком состоятельным и обеспеченным. Казалось бы, его жизнь должна была полностью перемениться. Любой другой на его месте, не задумываясь, ушёл бы с завода, капитал вложил бы в какой-нибудь выгодный бизнес, на дивиденды построил бы шикарный особняк на берегу Псла, окружил бы себя королевским комфортом и стал бы жить припеваючи.

Ничего подобного в его жизни не произошло и не намечалось. С завода уходить он пока не собирался, хотя и не исключал такой возможности, и ни о каком бизнесе вообще не думал. Что же касается материальных благ, то для него они не представляли особой ценности. За последние годы он приучил себя обходиться лишь самым необходимым, считая, что излишества только развращают человека и делают его слабым. А слабым ему никак нельзя было быть. Иначе он просто не выдержал бы.

Но это не значит, что он был чёрствым сухарём, чуждым всему человеческому. Он был нормальным современным парнем, ничем не хуже других. И, как многие, тоже хотел и жизненного уюта, и комфорта. Поэтому, конечно же, без лёгкой эйфории дело не обошлось. Деньги свалились ему, что называется, как ком на голову. И, разумеется, (а иначе и быть не могло) вскружили ему голову. Но ненадолго. Эйфория быстро прошла, уступив место здравому смыслу и расчёту (хотя Женька назвала это безумием и сумасшествием). Но на Женю её заявление не произвело особого впечатления. У него было своё мнение по поводу того, как распорядиться деньгами, и для того, чтобы изменить его, нужны были более веские основания. У Женьки имелось их предостаточно. Но Женя был твёрд, как скала (а Женька сказала ему, что он просто упёртый осёл). В конце концов коса нашла на камень. Они круто разругались и остались каждый при своём, так ничего друг другу и не доказав.

Последний их разговор на пустыре не внёс никакой ясности в их отношения (они наотрез отказывались понимать друг друга), лишь только усугубил сложившуюся ситуацию, незаметно подталкивая их к критической черте неминуемого окончательного разрыва. Они чувствовали это и каждый по-своему глубоко переживали, потому что любили друг друга по-настоящему.

И тем не менее никто не уступал. Женька до бешенства и умопомрачения злилась на Женю и обижалась. Конечно же, ведь он обманул все её надежды и ожидания самым подлым и предательским способом. Она не хотела его больше видеть и знать. А он, как на зло, не оставлял её в покое. Звонил через каждые полчаса, назначал новые встречи и свидания, подкарауливал у подъезда.

Дальнейшие переговоры не принесли желаемых результатов. Но Женя не отчаивался. С упорством стенобитного орудия он продолжал крушить Женькины бастионы. А Женька больше не могла выносить его форсированную осаду. Она издёргалась и устала и была похожа на выжатый лимон. Эта нервотрёпка вымотала из неё всю душу.

Так продолжалось до тех пор, пока в один прекрасный день она просто не исчезла. На самом же деле она поехала погостить к своей подруге по университету в Житомир. А родителей упросила ничего не говорить Жене, чтобы, ни дай Бог, он не придумал её разыскивать. Поэтому им пришлось, краснея и запинаясь, выдумывать какую-то нелепую и неправдоподобную историю и врать ему (а врать они не умели).

Женя сразу всё понял и оставил их в покое. А через пару дней позвонил Богдан, и у них был долгий и неприятный разговор, и разговор этот касался Женьки. Жене не понравилось, как Богдан разговаривал с ним, и он подумал, что это Женька попросила его поговорить. Богдан явно что-то знал, но до конца не договаривал. Жене это показалось подозрительным. Он не хотел обвинять своего лучшего друга в нечистоплотности или двойной игре, но других объяснений он не находил. Предательство друга для него было не менее страшным ударом, чем разрыв с любимой девушкой. Но это ещё нужно было доказать. А чтобы доказать это, требовались неопровержимые улики.

Он нагрязнул с обыском домой к Богдану, но никаких улик там не обнаружил. Интересно, что он ожидал там увидеть? Единственное, что ему оставалось – раскрыть перед Богданом все свои карты. Снова был долгий и неприятный разговор со взаимными обвинениями и упрёками, который закончился ничем. Позиция Богдана была тверда и однозначна, он был на стороне Женьки и не скрывал этого и опять-таки чего-то не договаривал. Это больше всего бесило и раздражало Женю. Из-за этого-то они и сцепились и чуть было не подрались. Женя так ничего и не добился и ни с чем ушёл восвояси, взбешённый и раздражённый поведением своего лучшего друга. Они расстались врагами. Между ними пролегла пропасть непонимания и непримиримых противоречий.

Некоторое время после этого они не виделись. За это время Женя дважды съездил в Москву, в недавно открывшийся там офис Европейского космического агентства EADS. Заключил с агентством договор на осуществление коммерческого полёта в космос на борту пилотируемого космического аппарата «Ariane», созданного на базе многоцветного аэрокосмического аппарата «Буран». Прошёл предварительное медицинское обследование в космическом центре и внёс предоплату за полёт. Он был первым клиентом агентства, в связи с этим ему сделали презентационную скидку, снизив стоимость оплаты на пятьдесят процентов. Женя хоть и был безразличен к деньгам, но такая экономия его только порадовала.

На оставшиеся деньги в будущем он планировал построить небольшую исследовательскую лабораторию и прикупить кое-какое оборудование и материалы, которые понадобятся ему для создания, отладки и испытаний его детища – фотонного ракетного двигателя.

Космический аппарат «Ariane», на котором Жене предстояло совершить полёт в космос, был рассчитан на экипаж, состоящий из двух пилотов и четырёх пассажиров. Прежде чем совершить полёт, все члены экипажа должны были пройти курс подготовки в знаменитом Звёздном городке, где в своё время готовились все советские и российские космонавты, начиная от Юрия Гагарина и заканчивая нашими современниками.

Комплектация экипажа была тщательной и неторопливой. Не всякий желающий мог полететь в космос. Отбор кандидатов основывался прежде всего на результатах медицинской комиссии и психофизиологических тестов. Женя, слава Богу, на здоровье не жаловался. Он без труда прошёл комиссию, сдал все тесты и первым был зачислен в экипаж. Теперь ему оставалось лишь ждать окончательного укомплектования экипажа и вызова в Москву.

Тем временем объявилась Женька. Начался второй семестр, и она приехала на занятия. Женя попытался встретиться с ней и поговорить, но из этого ничего не вышло. Везде, где бы она ни бывала, её неотступно сопровождал Богдан, ограждая от Жениных посягательств и нападков. Между ними снова произошла сцепка. На этот раз Женя не церемонился в выражениях и высказал прямо в глаза всё, что он думает. Богдан тоже не стал церемониться и ответил тем же с не меньшей хлёткостью и откровением. До драки дело, конечно же, не дошло, но наговорили они вполне достаточно, чтобы воспылать лютой испепеляющей ненавистью и желанием уничтожить друг друга. Так и было. Это желание не давало покоя и жгло изнутри, толкая их на решительный поступок, к неминуемой развязке.

Развязка оказалась неожиданной. Как-то вечером, спустя несколько дней, когда Женя вернулся с работы и уже собирался засесть за свои расчёты и записи, позвонил Богдан.

– Я внизу, у подъезда. Спустись, нужно поговорить, – сказал он в трубку.

Женя накинул куртку и пулей сбежал вниз. Богдан был на своём «форде». Перегнувшись через со-

седнее сидение, он открыл Жене дверь.

– Садись, – сказал он, не поздоровавшись и не протянув руки.

Женя сел в «форд» и захлопнул за собой дверь.

– Прокатимся? – предложил Богдан. – Пристёгиваться не надо. – Остановил он Женю, когда тот потянулся за ремнём безопасности.

Женя ничего не ответил, лишь отпустил ремень, который под действием скрытого пружинного механизма вернулся на своё место, и положил руки на колени. Богдан завёл машину, и они поехали.

Сделав огромный круг по городу, они выехали на Петропавловскую и оттуда спустились вниз, к Харьковскому мосту. Всю дорогу они молчали – никто не проронил ни слова. Богдан включил аудиосистему. В салоне было тепло и комфортно. Женю незаметно разморило. Он начал клевать носом.

На перекрёстке Харьковской и Героев Сталинграда, когда Богдан совершал левый поворот, машина неожиданно заглохла на встречной полосе. Прямо на них из сумеречного полумрака на бешеной скорости неслись две ослепительно пылающие фары, за которыми вырисовывался еле различимый силуэт грузового автомобиля.

Судорожно вцепившись в сидение, не в силах оторвать взгляд от приближающегося зарева, Женя смог выдать из себя лишь нечленораздельный глухой стон. Раздался истошный визг тормозов. Женя закрыл глаза и приготовился к самому худшему. В этот момент «форд» вздрогнул, ожил и сорвался с места.

Когда Женя открыл глаза, они уже ехали по Героев Сталинграда в направлении проспекта Шевченко. Он посмотрел на Богдана. Тот добродушно улыбнулся ему. За видимым добродушием читалась скрытая издёвка.

– Наложил в штаны? – улыбаясь, спросил Богдан.

– Наложил, – вспыхнув звериной злобой, процедил сквозь зубы Женя и отвернулся к окну.

С проспекта они повернули на Троицкую, с Троицкой – к Псельским баням. Возле бань развернулись и поехали вниз к реке, в направлении Старой колыбы. За колыбой начиналась грунтовая дорога, которая тянулась вдоль берега до усадьбы Харитоненко.

Они остановились возле Обкомовского пляжа и вышли из машины. На пляже никого не было – пляж был пустынным и голым. У воды стояли лавочки и раздевалки. Они неспеша направились туда. Наконец Богдан остановился и спросил:

– Ну, как тебе моя машина?

– Нормальная, – без особого восторга ответил Женя.

– Она твоя. Ты её выиграл, – сказал Богдан и небрежно, с вызовом, швырнул ключи от машины прямо Жене в лицо.

И в тот же миг, что было силы, засадил ему с левой в ухо. Удар был настолько неожиданным и ошеломительным, что Женя едва не потерял сознание. В глазах потемнело, брызнули искры, но на ногах он устоял.

Придя в себя, он, как разъярённый тигр, бросился на Богдана, и начался настоящий мордобой. Они лупили друг друга не разбирая, наотмашь, куда попало, вкладывая в удары всю свою силу, злобу и ненависть. Драка длилась недолго – всего лишь несколько минут. Но за это время они отделали друг друга так, что и родная мать не узнала бы. Лица мгновенно опухли от многочисленных ссадин и рассечений и стали похожи на одно сплошное кровавое месиво, разбитые кулаки были все в крови. Всё болело и ныло. На теле не было ни одного живого места. Выдохшись и обессилив, они повалились на землю.

Богдан нашарил на земле ключи и сунул их Жене. Женя с трудом отвёл его руку в сторону. Богдан начал сопротивляться. Между ними завязалась вялая борьба кто кого, которая закончилась ничем.

– Машина твоя, ты выиграл спор, – сказал Богдан, с трудом шевеля опухшими кровотокающими губами.

Он попытался встать, но Женя удержал его, навалившись всем телом ему на ноги.

– Отдай Женьку, – сказал он, не отпуская Богдана.

– Раньше думать надо было. Теперь уже поздно. Она к тебе не вернётся, – отпихиваясь руками и ногами, прорычал Богдан.

– Хочешь откупиться от меня машиной? – прорычал в ответ Женя.

– Ты её честно выиграл. А Женьку оставь в покое.

– Не оставлю.

– Оставишь.

Они одновременно потянулись друг к другу и, сцепившись, покатались в воду. Холодная вода быстро привела их в чувство. Богдан с трудом оторвался от Жени, встал и, пошатываясь, пошёл с пляжа. Женя тоже встал, подобрал с земли ключи и швырнул их Богдану в спину.

– Мне Женька нужна, а не твоя машина, – рявкнул он в сердцах.

Богдан остановился и поднял ключи.

– Как знаешь. Моё дело предложить, твоё – отказаться, – сказал он, садясь в машину. – А Женьку лучше не трож. Я тебе за неё горло перегрызу.

Женя снова хотел ринуться на него с кулаками, но изнеможённое тело больше не слушалось его. Он оступился и неуклюже шлёпнулся в воду, уткнувшись носом в мокрый холодный песок. Это позабавило Богдана. Он злорадно расхохотался, завёл машину и укатил с пляжа.

Женя получил хороший урок. До отъезда в Москву он отлёживался и зализывал раны. Он был разбит и растоптан. Ему не хотелось жить. В Москву он уезжал с тяжёлым камнем на сердце.

Впрочем, хандра прошла быстро. Бурная жизнь Звёздного городка сразу же затянула его в свой головокружительный водоворот событий и новых впечатлений, отставив в сторону, на второй план, все проблемы, переживания и угрызения совести. На них просто не хватало времени.

Подготовительный курс был рассчитан на месяц. За месяц нужно было овладеть всеми необходимыми теоретическими знаниями и практическими навыками обращения с оборудованием и аппаратурой космического корабля. График был очень плотным. Занятия начинались с раннего утра и заканчивались поздно вечером.

Физкультура и спорт были основой, на которую нанизывалось всё остальное. Большое внимание уделялось гимнастике, играм с мячом, прыжкам в воду с трамплина и вышки, плаванию, упражнениям на турнике и брусьях, занятиям на батуте, способствующим выработке навыка свободного владения телом в пространстве, повышающим способность организма переносить длительные физические нагрузки.

В некоторой мере эту цель преследовали и прыжки с парашютом, которые проводились на Чкаловском аэродроме. Упражнения на центрифуге предназначались для подготовки организма к огромнейшим перенагрузкам, возникающим на старте космического корабля и во время его спуска. Вибростенд имитировал вибрацию корабля во время работы ракетных двигателей. Термокамера – высокие температуры, которые могут возникнуть в случае аварии или повреждения корпуса корабля.

Привыкание к состоянию невесомости производилось во время полётов на скоростных реактивных самолётах. Сурдокамера служила для укрепления нервно-психической стойкости организма на случай обрыва связи с Землёй.

В перерывах между тренировками преподавалась теория. Теоретический курс охватывал широкий круг дисциплин, среди которых были и астрономия, и геофизика, и космическая медицина, и основы ракетной и космической техники, словом, всё то, что Женя знал не хуже многих профессоров. Лекции читали ведущие специалисты, конструктора, научные сотрудники и технические разработчики из Московского авиационного института, Института военной медицины, из МГТУ имени Баумана и Реактивного научно-исследовательского института. На Женю сразу же обратили внимание и заинтересовались его разработками, которые тот предусмотрительно привёз с собой.

Всю последнюю неделю занимались на стенде-тренажёре, макете кабины космического корабля. Обживали её, привыкали к каждому датчику, к каждой кнопке, отработывали все необходимые в полёте движения, доводили их до автоматизма и совершенства.

Пассажирская кабина, герметичная и изолированная от кабины пилотов, на случай аварии была оборудована автономными системами катапультирования, ручного управления, ориентации, приземления, терморегуляции, кондиционирования воздуха и регулировки давления.

Много времени уделялось работе с аппаратурой контроля и управления, тренировкам по налаживанию связи с Землёй при помощи разных радиоканалов.

Кабина была достаточно просторной, чтобы позволить космическим туристам в полной мере насладиться состоянием невесомости. Огромные окна-иллюминаторы, сделанные из сверхсовременного жаропрочного стекла, предоставляли возможность широкого панорамного обзора.

Кресла космонавтов были установлены под углом, который позволял максимально снизить все перегрузки во время взлёта и посадки корабля. В кресла были вмонтированы ременные и парашютные системы, катапультные и пиротехнические устройства и всё необходимое для вынужденной посадки – аварийный запас еды, воды и снаряжения, радиостанция для связи и пеленгации. В каждом кресле находились система вентиляции скафандра и парашютное кислородное устройство.

Последние занятия проводились в полной экипировке космонавта, состоящей из тёплого мягкого комбинезона с вмонтированными в него лёгкими удобными датчиками, способными передавать через радиоканалы на Землю физиологические параметры организма – биотоки сердца, колебания пульса сосудистой стенки, дыхательные движения грудной клетки. Защитного скафандра со встроенными устройствами

вентиляции, терморегуляции и регулировки давления, обеспечивающими жизнедеятельность организма даже в случае разгерметизации кабины корабля. Эластичного облегающего шлемофона с устройством радиосвязи, и гермошлема, похожего на шлем пилота, с огромными солнцезащитными очками.

Месяц пролетел, как один день. С космодрома получили сообщение, что подготовка комплекса корабля успешно завершена и корабль готов к пуску. На заседании комиссии специалистов назначили дату полёта, и в тот же день все члены экипажа, группа медиков и инструкторов вылетели спецрейсом на космодром.

Тренировочные занятия на космодроме продолжались в том же ритме, что и в Звёздном городке. Лишь в предполётный день космонавтам дали полный отдых. Вечером, после ужина, перед сном, им прикрепили датчики регистрации физиологических функций организма, подобные тем, что прикрепляли во время тренировок. Потом померили кровяное давление, температуру, пульс и объявили отбой.

Подъём был в пять тридцать. После физзарядки и утреннего туалета – завтрак. После завтрака – медицинский осмотр и проверка записей приборов контроля физиологических функций организма, на основании чего был составлен медицинский протокол. И только после этого космонавтов начали экипировать. Проверка устройств, смонтированных в комбинезон, скафандр и шлемофон была тщательнейшей и заняла немало времени.

В восемь подали специально оборудованный автобус. Кресла в автобусе напоминали кресла кабины космического корабля. Они были подключены к источникам кислородного и электрического питания и оборудованы устройствами вентиляции скафандра.

Утро было тихим и погожим. В чистом голубом небе, почти над самой линией горизонта, серебрилось восходящее солнце. Лёгкий прохладный ветерок весело гулял по широкой бескрайней степи, окружающей космодром, тормоша и пригибая к земле серую пожухлую прошлогоднюю траву. В воздухе ощущался запах весны.

Сидя в удобном комфортном кресле, Женя всю дорогу до стартовой площадки смотрел в окно и думал о своём. Он думал о Женьке. Не было и дня, чтобы он о ней не думал. Уже прошло больше месяца с тех пор, как они виделись в последний раз. Он сильно скучал и хотел поскорее встретиться, чтобы упасть перед ней на колени, чтобы рассказать, как он любит её, чтобы вымалывать у неё прощения. Былые обиды давно уже перемололись в его огромном любящем сердце, осталось лишь неизгладимое чувство вины за то, что вёл себя как последний кретин и осёл, за то, что отрёкся от неё, за то, что променял на бесплотные идеалы.

Вот и получил по заслугам, рассуждал Женя, глядя в окно. Потому она и ушла к Богдану. А что ей оставалось делать? Кто бы ещё защитил её от такого кретина, как я. А Богдан поступил как настоящий мужчина. Я бы на его месте поступил бы так же.

Рядом, в соседнем кресле, в полной экипировке космонавта, тихонько посапывал Масайоси Сон, японский миллиардер, председатель совета директоров компании Softbank, прямой потомок племени айну, пришедшего в Ниппон (так он называл свою родину) с Азиатского континента 2200 лет назад, член императорской семьи (свою родословную он исчислял с эпохи Хэйан, от самого императора Каму), истинный самурай (он жил по суровому кодексу воинской чести – бусидо, на родине считался непревзойдённым мастером техники буддийской медитации – дзен и боевых искусств воина, чему долгие годы обучался в буддийских монастырях). Он был очень образован, имел дипломы Оксфорда и Сорбонны, знал многие языки, в совершенстве владел английским, не плохо объяснялся по-русски. В свои пятьдесят четыре он был здоров и крепок как богатырь. Полёт в космос он рассматривал как одну из ступеней внутреннего саморазвития, воспитания и совершенствования духа, познания себя через познание мира. Его мировоззрение строилось на религиозной философии буддизма. При всём при этом он был очень прогрессивным человеком и интересным собеседником.

Напротив, через проход, в таких же удобных креслах, в скафандрах и гермошлемах, сидели Люба Коровка (выдающаяся белорусская тяжелоатлетка, абсолютная чемпионка Европы, неоднократная победительница чемпионатов мира, золотая призёрша олимпиады в Пекине, обладательница многих мировых рекордов) и Лёня Сидоров, самый обычный российский олигарх, четвёртый в списке богатейших людей России, нефтегазовый магнат, владелец контрольного пакета акций «Россибгаз», хозяин трёх алюминиевых заводов (дальше можно не продолжать).

Все они были людьми разными, но, каждый по-своему, успешными. Может быть, это и объединяло их. За месяц совместной жизни в Звёздном городке они сильно сдружились и стали по-настоящему сплочённым звёздным экипажем.

Между Лёней и Любой завязался лёгкий роман. Они оба были Жениными ровесниками, людьми мо-

лодыми, жизнерадостными и любвеобильными. Люба – мощная фигуристая атлетка, и Лёня – настоящий сибирский медведь, они были друг другу под стать. Всю дорогу до стартовой площадки они влюблённо ворковали, пересыпая воркование весёлым смехом и шутками.

Когда вдалеке показался белоснежный корпус космического корабля, они замолчали и приникли к окну. Женя легонько толкнул локтем Масайоси Сона в плечо. Тот моментально открыл глаза, как будто и не спал. Женя показал пальцем на виднеющийся вдалеке корабль. По мере приближения корабль увеличивался в своих размерах, возвышаясь над стартовой площадкой шестидесятиметровой громадиной.

Женя снова подумал о Женьке. А вдруг не простит? Мелькнула в его голове паническая мысль. А вдруг не захочет вернуться? Что тогда делать? Как тогда быть?

Подобные мысли терзали его всё последнее время. И от них ему становилось нехорошо и моторошно. Женя ощутил лёгкий упадок сил и болезненный наплыв апатии.

Конечно же, не простит, обречённо вздохнул Женя. Я бы не простил. Да и зачем я ей такой нужен. Она, наверное, обо мне уже и думать забыла.

Знал бы он, где она и о чём думает.

А ведь она была уже совсем рядом. Считанные километры оставались до космодрома. Она нервно поглядывала на часы и умоляла Богдана прибавить скорость. Стрелка спидометра зашкаливала за отметку сто шестьдесят. А ей казалось, что они ползут, как черепахи. При встречных порывах ветра «форд» вздрагивал и на мгновение отрывался от дорожного покрытия. По крайней мере, ей так казалось.

Как жаль, что нет крыльев, с досадой подумала Женька. Она торопилась, спешила, боялась опоздать, хотела успеть до старта увидеть Женю, сказать ему, что любит его, что не может без него, хотела просить у него прощения. А если не простит? Об этом она боялась и думать. Какой смысл вообще тогда жить.

Не сбрасывая скорости, они миновали Тюра-Там.

– Успеем, – спокойно и уверенно сказал Богдан.

Женька снова посмотрела на часы.

– До старта остаётся пятнадцать минут.

Она не находила себе места. Вся извелась и издёргалась. Было больно смотреть на неё.

С визгом и скрежетом, протянув метров пять юзом, они остановились на КПП №1. Дежурный проверил паспорта, визы, медицинские страховки, пропуска на космодром, потом позвонил начальнику караула. Пока они разговаривали, Женька вышла из забрызганного до неузнаваемости «форда» и стала прохаживаться туда-сюда, взад-вперёд, испуганно уставившись себе под ноги.

– Можете ехать, – отчеканил дежурный, возвращая Богдану документы. – На КПП №3 вас ожидает гид.

– Поехали, – моментально скомандовала Женька, усаживаясь на своё место.

Поднялся шлагбаум, и, резко рванув с места, они понеслись дальше.

– Не успеем, – нервно заёрзала Женька. – До старта остаётся семь минут.

– Успеем, – твёрдо сказал Богдан и прибавил скорость.

Из-за холмов выскочил город. Они пронеслись по улицам Байконура и снова вырвались на бескрайний простор равнины. КПП №2 был сразу за городом. Там их уже ждали. На КПП им поставили в пропусках отметки, и они понеслись дальше. Женька снова посмотрела на часы.

– Уже не успеем, – обречённо проговорила она. – До старта остаётся пять минут.

Богдан ничего не ответил. Большого из автомобиля он выжать не мог.

Готовый к полёту, белоснежный красавец-корабль, устремлённый носовым обтекателем в чистое голубое небо, купался в лучах восходящего солнца. Он был прикреплен к центральному блоку ракетносителя специальными пирозамками, при помощи которых на заданной высоте должен был отделиться от блока. С обеих сторон к ракетносителю такими же пирозамками были прикреплены четыре боковых блока первой ступени, каждый из которых оканчивался самым мощным в мире четырёхкамерным ЖРД, работающим на кислороде и углеводородном горючем. Огромные, низкорасположенные треугольные крылья корабля с массивными элевонами, в размахе достигающие пятидесяти метров, своим хищным видом напоминали крылья коршуна. В хвостовой части фюзеляжа были расположены балансировочный щиток и руль направления, который, разделяясь по задней кромке, при посадке выполнял ещё и роль воздушного тормоза.

На стартовой площадке наблюдалось заметное оживление. Вокруг корабля сновали люди в оранжевой униформе – персонал стартовой команды. Завершались последние приготовления.

Космонавтов встретили члены комиссии специалистов, руководители космодрома и стартовой команды, учёные, конструктора и технологи, принимавшие участие в разработке корабля. Следом за ними

привезли и пилотов, одетых в такие же скафандры и гермошлемы.

После короткой напутственной речи экипаж в составе двух пилотов и четырёх пассажиров поднялся в лифте на небольшую металлическую площадку, расположенную у входа в корабль. Космонавтов усадили в кресла и закрыли люки. Потянулись долгие минуты ожидания. Из огромных окон-иллюминаторов с шестидесятиметровой высоты был виден весь космодром как на ладони. Внизу, на стартовой площадке, копошились оранжевые люди-букашки. Наконец все погрузились в автобусы и уехали в направлении Центра управления полётами.

Когда стартовая площадка опустела, началось тестирование бортового оборудования. Заработал радиоузел, связывающий пассажирскую кабину с кабиной пилотов и с внешним миром.

В наушниках раздался приятный голос руководителя полётом:

– «Тополь», как меня слышите?

– «Заря», слышу отлично, – друг за другом, по очереди отрапортовали космонавты.

«Заря» и «Тополь» были их позывными.

– Приступить к проверке скафандров. «Тополь», как поняли?

– «Заря», вас понял. Приступить к проверке скафандра, – снова по очереди отрапортовали космонавты.

За чем последовало несколько лаконичных, хорошо отработанных движений.

– Проверку скафандра закончил, – тут же друг за другом доложили космонавты.

– Проверка УКВ.

Снова несколько лаконичных и хорошо отработанных движений.

– Проверку УКВ закончил.

– Отлично, ребята, теперь можно немного расслабиться.

Минутная пауза.

– «Тополь», как самочувствие и настроение?

– Самочувствие и настроение в норме. К старту готов, – зарпортовали космонавты.

– Объявлена тридцатиминутная готовность.

– Вас понял. Объявлена тридцатиминутная готовность.

– Проверка герметичности кабин закончена. Всё в норме, в полном порядке. Как поняли?

– Вас понял.

– Наблюдаем за вами по монитору. Всё нормально. У всех вид бодрый. Как меня слышите?

– Слышу хорошо. Самочувствие и настроение бодрое. К старту готов.

Обе кабины были оборудованы видеокамерами, связанными через спутник с огромным жидкокристаллическим монитором, находящимся в зале Центра управления полётами, что давало возможность вести постоянное наблюдение за космонавтами.

– Объявлена двадцатиминутная готовность.

– Вас понял. Объявлена двадцатиминутная готовность.

– Примите положение для регистрации физиологических функций.

– Положение для регистрации физиологических функций принял.

Все выполняемые команды и процедуры за месяц тренировок в Звёздном городке были заучены и отработаны до доскональности.

– Пульс, давление и дыхание в норме.

– Понял. Всё в норме.

– Объявлена пятнадцатиминутная готовность.

– Вас понял. Объявлена пятнадцатиминутная готовность.

– Закрывать гермошлемы. Докладывайте.

Щёлкнули створки гермошлемов. Приятно было наблюдать за чёткой, слаженной работой космонавтов.

– Докладываю. Гермошлем закрыт.

– Объявлена десятиминутная готовность.

– Вас понял. Объявлена десятиминутная готовность.

– Принять положение для регистрации физиологических функций.

– Положение для регистрации физиологических функций принял.

– Объявлена пятиминутная готовность.

– Вас понял. Объявлена пятиминутная готовность.

– Все функции в норме.

– Вас понял. Все функции в норме.

- Объявлена минутная готовность.
- Вас понял. Объявлена минутная готовность.
- К старту готовы? Доложить.
- Докладываю. К старту готов, – передалось цепочкой руководителю полёта.
- Отлично, – небольшая пауза. – Старт.

Раздался свист и нарастающий гул. Из-под ракетносителя вырвались густые клубы чёрного огненного дыма, заволакивая стартовую площадку и всё вокруг. Корабль задрожал всем корпусом и плавно оторвался от стартового устройства.

Каких-то несколько минут не хватило Женьке, чтобы успеть до взлёта увидеться с Женей. Когда корабль взлетел, они с Богданом пересекали КПП №3 и находились уже на полпути к стартовой площадке. Это была незабываемая картина. Весь горизонт окутался дымом, небо потускнело и на некоторое время стало бледно-розовым.

- Опоздали, – с надрывом воскликнула Женька и бессильно уронила голову на колени.

– Не огорчайтесь, отсюда вид не на много хуже, чем из Центра управления полётами, – сказала гид, не поняв истинной причины Женькиного огорчения. Это была молоденькая девочка лет двадцати. Она сидела на переднем сидении, рядом с Богданом, и указывала ему дорогу. – Здесь, налево, – обратилась она к Богдану. – Из Центра управления полётами вы сможете наблюдать за ходом всего полёта и за не менее живописным приземлением. – Затараторила она хорошо заученный текст. – Здесь, налево, – снова обратилась она к Богдану. – После приземления запланирована встреча с космонавтами и фуршет, на котором будут присутствовать члены комиссии специалистов, руководители космодрома и стартовой команды, учёные, конструктора и технологи, принимавшие участие в разработке космического аппарата, – снова затараторила она.

- Где запланирована встреча? – ожила Женька.

– Там же, в Центре управления полётами. Космонавтов привезут туда прямо с аэродрома, сразу же после приземления.

- Значит, поехали в Центр управления полётами, – скомандовала Женька.

- Мы туда и едем, – ответила гид. – Сейчас снова направо. Всё, приехали.

В первые секунды взлёта Женя ничего не ощущал. Но по мере набора высоты и скорости начали расти перенагрузки, и он почувствовал, как невидимая сила вдавликает его в кресло. Перенагрузки продолжали расти, наваливаясь на него многотонным грузом. Он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

В наушниках не смолкал голос руководителя полётом, отсчитывающий секунды взлёта: «Прошло десять секунд после взлёта. Прошло двадцать секунд после взлёта. Прошло сорок секунд после взлёта».

Наконец раздался глухой хлопок снаружи, и корабль заметно качнулся.

Руководитель полётом сообщил:

– Сто сорок шестая секунда полёта. Высота, пятьдесят километров. Отделение блоков первой ступени прошло успешно.

Перенагрузки продолжали расти. Корабль поднимался всё выше и выше. Земля катастрофически быстро удалялась. Голос в наушниках монотонно отсчитывал секунды взлёта. Когда произошло отделение основного блока ракетносителя, включились реактивные двигатели корабля. Спустя некоторое время Земля перестала удаляться, и перенагрузки исчезли.

Голос в наушниках сообщил:

– Четыреста семьдесят третья секунда полёта. Высота, сто десять километров. Разделение с основным блоком ракетносителя прошло успешно. Корабль достиг опорной орбиты. Примите мои поздравления. Можете отстегнуть ремни безопасности, чтобы насладиться состоянием невесомости и полюбоваться живописным видом Земли и звёздного неба. Давление в кабине – единица, влажность – шестьдесят пять процентов, температура – двадцать градусов. Приятного времяпрепровождения.

Щёлкнули замки ремней безопасности, и космонавты плавно отделились от своих кресел. Женя ощутил чудесную удивительную лёгкость во всём теле. Руки и ноги стали словно чужими – они ничего не весили. Ошеломлённые непривычным состоянием, все космонавты на мгновение зависли между потолком и полом. Первым пришёл в себя Женя. Он оттолкнулся ногами от своего кресла и плавно проплыл через всю кабину мимо остальных прямо к огромному окну-иллюминатору. Кабина мгновенно ожила. Началось хаотическое движение со всевозможными разворотами и кувырками.

Женя заглянул в иллюминатор, но ничего там не увидел. Огненное пылающее солнце до боли ослепило глаза. Тогда он опустил солнцезащитные очки, но и это не помогло. Лёгким движением он переместил-

ся к другому иллюминатору, на противоположную сторону кабины, и замер как замороженный. Чёрное-пречёрное небо было усыпано жемчугом сверкающих звёзд. А внизу переливалась всеми цветами радуги светлая шароподобная поверхность Земли, на которой чётко вырисовывались горные хребты, большие реки, лесные массивы, темноватые, еле блестящие пятна морей и океанов. От неё веяло чем-то родным и тёплым, таким же родным и тёплым, как от матери, как от любимой женщины.

Женя потянулся к ней в неосознанном порыве и стукнулся гермошлемом о стекло иллюминатора. Отсюда Земля казалась совсем крохотной, миниатюрной. Жене захотелось взять её в руки, прижать к своему огромному любящему сердцу. Он машинально повернулся в сторону противоположного иллюминатора, в котором пылало огненное ослепляющее солнце, и погрозил ему кулаком, заслоняя собой Землю от его испепеляющих лучей. Впечатление было очень глубоким. В тот момент он готов был на любую жертву, готов был отдать свою жизнь, готов был сгореть заживо в лучах безжалостного светила.

Он посмотрел на чёрное-пречёрное небо, усыпанное жемчугом сверкающих звёзд, и сразу же узнал всех своих старых знакомых. Теперь они были намного ближе, но по-прежнему также далеки и недосыгаемы.

Кажется, все на месте, окинув взглядом звёздное небо, пробормотал себе под нос Женя. Постой, а где же Альдерамин?

Он ещё раз окинул взглядом звёздное небо.

А, вот ты где. Что-то ты сегодня не так ярко светишь. Испугался? Вижу, испугался. А я тебя предупреждал. Придёт время, и ты будешь у меня вот здесь.

Женя демонстративно сжал кулак и ткнул им в стекло иллюминатора.

Только не делай вид, что не слышишь меня.

В тот же миг Альдерамин вспыхнул радужным ореолом и тут же померк.

Вот это совсем другой разговор, обрадовался Женя. Не за горами тот день, когда я до тебя доберусь. Так и знай.

Женя перевёл взгляд со звёздного неба на радужную поверхность Земли и залюбовался. От неё по-прежнему веяло теплом материнской ласки, согревающим, успокаивающим и умиротворяющим. Он подумал о Женьке, и его огромное любящее сердце чуть не разорвалось от нахлынувших чувств.

Он моментально утратил интерес к звёздам – его магнитом потянуло вниз, на Землю, к Женьке. Только теперь он понял, что Женька для него важнее всех звёзд на свете.

В наушниках раздался голос руководителя полётом:

– Занять свои места, приготовиться к спуску. Как поняли?

– Вас понял. Занять свои места, приготовиться к спуску, – передалось по цепочке.

В считанные секунды космонавты были уже в своих креслах.

– Доложить о готовности, – снова раздался в наушниках голос руководителя полётом.

– К спуску готов, – эхом прозвучало в ответ.

Включился тормозной импульс, корабль изменил курс, проваливаясь в бездонную пропасть. Началось головокружительное падение. Перенагрузки были сумасшедшими. Голос в наушниках отсчитывал последние секунды.

Ворвавшись в плотные слои атмосферы, корабль стал похож на пылающий факел. Это было потрясающее зрелище. На тридцатикилометровой высоте корабль вырвался из огненного плена, выполнил крутой боковой манёвр и благополучно приземлился на аэродроме «Юбилейный».

Полёт длился чуть больше часа. Всё это время Женька простояла в зале Центра управления полётами возле огромного, во всю стену, жидкокристаллического монитора, по которому велась прямая трансляция с борта корабля. А когда корабль приземлился и все двинулись к выходу встречать космонавтов, она тоже вместе со всеми двинулась к выходу, но её оттеснили в сторону, и она безуспешно пыталась пробиться сквозь толпу. Богдан не оставлял её ни на секунду (гид затерялась где-то среди людей), он следовал за ней по пятам, готовый по первому же зову придти на помощь.

Женя сразу увидел её в толпе людей и, ничуть не удивившись, стал отчаянно пробиваться к ней, не обращая ни на кого внимания. Ему так много нужно было сказать ей.

Его белоснежный скафандр то появлялся, то исчезал из виду. Потеряв всякую надежду прорваться, Женька с замиранием сердца следила за ним. Ей так много нужно было сказать ему. И, наконец, когда он добрался до неё и взял её за руки, вместо того, чтобы броситься к нему на шею, от счастья и радости она утратила дар речи и стояла, точно парализованная, преданно глядя в его голубые, как утреннее небо, глаза. То же самое произошло и с ним.

И в этот момент, когда они стояли, взявшись за руки, где-то в глубинах мирового пространства ог-

ненным шлейфом соскользнула с неба звезда – это было хорошее предзнаменование. Но они не видели этого. А тот, кто видел, не придавал этому особого значения. На том всё и кончилось. Но не у них. У них всё только ещё начиналось.

P.S. Пять миллиардов лет спустя

Галактика Млечный Путь

Созвездие Лебеда

Система Денеба

Планета Параисса

Андрей открыл глаза и посмотрел на часы. Было шесть часов утра. Начинало светать. В доме все ещё спали. Он встал, оделся и тихонько вышел во двор – так, чтобы не разбудить остальных.

Возле крыльца стояли удочки и наживка, приготовленные ещё с вечера. Из темноты двора появился Лорд, огромный добродушный ньюфаундленд. Виляя хвостом, он ткнулся мокрым шершавым носом Андрею в ногу и улёгся возле крыльца.

В воздухе пахло жасмином и свежескошенной травой. Утренняя прохлада приятно освежала и бодрила. Андрей погладил Лорда, проведя рукой по его густой длинной шерсти, постоял ещё немного возле крыльца, потягиваясь и глубоко вдыхая утренний прохладный воздух, наполненный ароматами лета. Потом накинул на плечи кофту, взял удочки и пошёл на пруд.

Дорога пролегла через поле, засеянное пшеницей и рожью, и небольшой сосновый бор. Вернее, это была не дорога, а тропинка, протоптанная рыбаками и фермерами. Сразу за бором был пруд. Он находился в низинке, окаймлённой зелёными холмами. Весь берег порос ивняком и осотом и лишь в одном месте был хороший песчаный пляж.

Андрей спустился к воде, закинул удочки и сел на песок. Над чёрной неподвижной поверхностью пруда повисла лёгкая полупрозрачная дымка тумана. Андрей судорожно поёжился – возле воды было холодновато. Он надел кофту, и всё своё внимание сосредоточил на поплавах. Полностью слившись с природой, поплавок долгое время оставались неподвижными.

Наконец один дрогнул и стремительно пошёл вбок, погружаясь в чёрную глубокую воду. Спустя мгновение он был уже на поверхности. Потом снова дрогнул, задёргался, как сумасшедший, и резко устремился вниз. Андрей легонько подсек, и удилище согнулось чуть ли не пополам, под напором отчаянного сопротивления. Борьба была недолгой. Понемногу отходя назад, то отпуская, то выбирая леску, он вытянул на берег приличного килограммового зеркального карпа.

Хороший улов, обрадовался Андрей. Он бросил карпа в садок, смотал удочки и пошёл домой. Когда он вернулся, уже совсем рассвело, и никто не спал. Он отдал карпа матери, а сам пошёл к себе в кабинет. Прежде чем сесть за работу, он вышел на балкон и посмотрел в чистое голубое небо. Это помогло ему сосредоточиться и настроиться на рабочий лад.

А что если увеличить зазор форсунок и немного уменьшить длину сопел? Вдруг посетила его неожиданная идея. Нужно просчитать.

Он направился к своему рабочему столу и принялся за расчёты. Вот уже третий год он работал над квантовым ракетным двигателем.

Три года прошло с тех пор, как он окончил университет и переехал из города в деревню. Ему нравилась тихая деревенская жизнь. Со временем он забрал к себе родителей и сестру с племянницей и завёл небольшое фермерское хозяйство, которым в основном занимался отец, а он всё свободное время посвящал работе над квантовым ракетным двигателем.

Город с его суматохой, бешеным ритмом и движением, лабиринтом загазованных улиц он не любил (хотя и вырос в городе) и старался бывать там как можно реже. Он задыхался там – город давил на него и угнетал. Всю необходимую для работы информацию он мог почерпнуть в Интернете, не выходя из своего кабинета. Фермерское хозяйство приносило хороший доход и вполне обеспечивало средствами к существованию.

Единственное, что связывало его с городом – это была Андриана. К ней он испытывал особые сентиментальные чувства, не сравнимые ни с чем. Она жила в городе с родителями, училась на заочном в университете и работала в Национальном агентстве научных космических исследований. Они виделись редко. Иногда он ездил к ней в город, но чаще она гостила у него в деревне. Их отношения очень подходили на дружеские, но все понимали, что это больше, чем дружба.

Андрей ничего не хотел загадывать наперёд, а во всём полагался на провидение и волю Божию. Он был отчаянным романтиком и мечтателем. Он с детской наивностью грезил о космических одиссеях и выдающихся открытиях, которые в скором будущем перевернут весь мир и предоставят человечеству новые неограниченные возможности. С завидным упорством он трудился над квантовым ракетным двигателем и верил в неминуемую удачу и успех.

Во многом, благодаря таким самоотверженным романтикам и мечтателям, как он, два миллиарда лет назад был изобретён фотонный ракетный двигатель. Имена большинства из них давно уже стёрты из памяти и не сохранились в истории.

Это было величайшее открытие. Оно ознаменовало революционный переворот в ракетостроении, новую эру освоения космоса, полностью изменило ход развития человеческой цивилизации и в конечном итоге привело к переселению с гибнущей Земли на Параиссу.

Не одна сотня тысячелетий ушла на создание космических кораблей нового поколения, способных совершать длительные космические перелёты, столько же – на поиски и исследования подходящих для переселения планет. Не меньше – на подготовку и планомерное заселение Параиссы. Геометеофизические характеристики этой планеты как нельзя лучше подходили для нормальной жизнедеятельности и функционирования живых организмов и практически ничем не отличались от земных.

Прежде чем начать заселение, на Параиссе был создан экспериментальный биотоп с образцами земной флоры и фауны, в который были помещены первые поселенцы. В течение нескольких тысячелетий за ними велось тщательное наблюдение. Параллельно с этим проводились работы по ландшафтному планированию и засажению земной флорой всей планеты.

На следующем этапе в различных климатических зонах были созданы национальные парки, куда поместили представителей земной фауны. И только после этого началось строительство городов и промышленных комплексов, что вызвало вторую (незначительную) волну переселения.

Когда жилищный и промышленный комплексы были готовы, началась тотальная эвакуация культурных ценностей и достижений человечества. Это повлекло за собой третью (тоже незначительную) волну переселения.

И, наконец, финальным этапом стало всеобщее глобальное и окончательное переселение землян на Параиссу.

С тех пор прошло больше двух миллиардов лет. За это время многое поменялось, люди стали совершенно другими, совсем не похожими на своих древних предшественников с планеты Земля. Технологический прогресс достиг неимовернейшего размаха. На этом фоне начали появляться новые этносы и народности со своей уникальной культурой и самобытными традициями, что, в свою очередь, оказало влияние и на всю мировую культуру в целом, трансформировав её до неузнаваемости, изменив облик всего человечества.

И нечему тут удивляться, а иначе и быть не могло, рассуждал Андрей в сгустившихся сумерках, наблюдая в окуляр своего телескопа, установленного у него на балконе, за звёздным небом. Это закон физики. Всё движется вперёд, и мы движемся тоже.

Он мог часами наблюдать за звёздным небом и размышлять на вечные темы. Он был отчаянным романтиком и мечтателем. Он, как и многие другие, грезил о космических одиссеях и выдающихся открытиях.

Андрей ОБОЛЕНСКИЙ

Родился и живет в Москве. Пишет прозу. Публиковался в журналах «Лампа и дымоход», «Новый берег», «Эдита Гельзен», «Поляна», «Великороссь» и др. Два рассказа вошли в шорт-лист последнего Волошинского конкурса. Предлагаемый рассказ нигде не опубликован.

Невероятное происшествие в городе Юго-Камске

— **А**нна, слушай внимательно, – закуривая московскую «Яву», степенно начал майор Лунин. – Разговор промеж нами состоится серьёзный, так что ты свои штучки ко мне применять и в мыслях не держи, всё быльём поросло. Ты...

Тут майор заметил, что разбитная Анюта, известная всем в маленьком Юго-Камске, выглядит совсем плохо; глаза красные, нарёванные, с лица аж похудела, не накрашена, бледна, одета и причесана небрежно.

«Чего это она убивается так сильно? – подумал Лунин, – неужто роман у неё с постояльцем был? А что ж, доктор с фельдшером, когда в морг увозили, оба сказали, что покойному года тридцать два-тридцать три. Почему бы Анюте шашни не развести? Мужик пришлый, не знает, какая Анька... неустойчивая на это дело. В одной квартире как ни крути жили».

Анюта и правда была слаба на передок, но это странным образом сочеталось у неё с необыкновенной набожностью. Она посещала все службы, регулярно исповедовалась. Отец Никифор привечал её за усердие в вере, но читал долгие нотации, накладывал жёсткие епитимьи, полагая душу не пропащей, а на слухи и сплетни обращать внимание считал недостойным сана.

Майор, когда-то раз и навсегда решивший, что знает женскую душу гораздо лучше, чем психологию вора в законе, подумал, что надо бы смягчить тон.

– Ты мне о постояльце своём расскажи, Анюта, – немедленно претворяя в жизнь пришедшую мысль, произнес он задушевно. – Всё как на духу расскажи, не для протокола, а для совести. Мы ведь с батей твоим кореша были, да и помнишь небось, что промеж нами случилось однажды. – Лунин, сказав это, смутился то ли от стыда, то ли от удовольствия. – Да, много времени с тех пор пролетело, прошумело крылами, как говорится. Но скажи мне, Анна, – голос майора нарочито посуровел, – ты это... амуры что ль крутила с постояльцем-то?

– Да какие амуры, Саш, – уныло проговорила Анюта, – он же не в себе был, малахольный. Я ему залу сдавала, а сама в двух смежных комнатах жила. Он меня к себе не пускал, хотя не запирали никогда. Картины всё рисовал. У меня не столовался, сколько ни предлагала, сам в магазин ходил. А потом... – Анькины глаза наполнились слезами.

– Ты, Анют, подробности припомни, – Лунин неожиданно для себя погладил женщину по волосам, но тут же отдернул руку, даже спрятал за спину. – Тут мелочи важны всякие. Человек всё ж таки помер, надо дознаться, какие причины.

– Не знаю, – всхлинула Анюта. – Он чужой в городе и знакомств ни с кем не водил, шастал туда-сюда, магазин – комната. Ну, в сортир ещё, – Анька покраснела.

– А ты расскажи мне, чего в показаниях не написала, – Лунин снова смягчил голос до полной бархатности, – ну, что важным не считаешь или утаила просто. Ведь утаила, знаю.

– Дак мелочи всякие, кому оно надобно...

– Ежели прошу, Анют, значит, надобно, – со значением произнес Лунин. – Так что?

– Ну, – с вызовом сказала Анька. – Не всё написала, да. В дурдом кому хочется, а протокол – бумага официальная, важная. А тебе расскажу, если записывать не будешь.

– Святой истинный крест, – Лунин хотел перекреститься, но подумал, что не стоит. – Слушаю, – майор запер дверь, достал из тумбы стола початый коньяк «Дербент» и два гранёных стакана. – Это чтоб глазки твои заблестели, – неожиданно игриво подмигнул он Анюте. – «А хороша была, чертовка...», – майор напругся и не позволил себе додумать мысль.

Анька проглотила коньяк, наморщила лоб, старательно припоминая.

– Он пришёл в среду вечером, как сейчас помню... Я никого не ждала, ещё удивилась; позвонил в звонок так коротко, неуверенно. Я открыла, – кого мне бояться. Сказал, что зовут его Игорь и... ну под-сказали ему добрые люди, что у меня можно комнату снять. А я обрадовалась, всем деньги надобны, да и мужиков я домой не вожу, чай помнишь. Я и обозначила ему три тыщи, ну в комнату пригласила сначала, показала. Он задумался, растерялся как будто, потом достал из кармана мешочек холщовый, развязал и горсть монет мне даёт, я и не видывала таких, тусклые, поистертые, тоненькие какие-то. Я возмутиться хотела, смотрю, – монеты пропали, а он пятитысячную в руке держит. Мне отдал, я хотела расписку написать, да он только рукой махнул. – «Бери, – говорит, – вижу, не обманешь меня, не такая ты».

– Ну, – заинтересованно проговорил Лунин, – а дальше что?

– Да ничего, – Анька пожала плечами. – Я редко его видела. А, вот что. Исчезал он иногда. То на час, то на три. В комнате шорохи, ходит, слышу, загляну, – а там никого. А минут через десять смотрю, – в ванную идёт.

– А как одевался?

– Да обычно. Джинса варёная, рубашки в клетку... шло ему, худой был. Бородёнка, хоть и жидкая, волосы немые вечно, а черты красивые. Всё вместе смотрелось здорово, по-городскому. Была б моложе, точно влюбилась бы, – Анька снова всхлипнула, – мальчонка ведь совсем. Непьющий, что ему в голову стукнуло.

– Знать бы, – вздохнул Лунин. – Ну а ещё что вспомнишь? Неужто не говорили вы совсем?

– Почему, говорили иногда. Чай изредка пили на кухне, ему чай нравился, иной раз по семь чашек выпивал, будто не пробовал никогда. А так.... Рисовал он в основном картины, маленькие совсем и побольше. Сцены из Нового Завета, ещё святых, но не иконы. Я однажды спросила: для кого он всё рисует, продаёт что ли? Дак он ответил, что для людей, потому что к слову глухи люди стали, а вот если нарисовать, то и задумается кто, глядишь. У человека внутри образ отпечатается, он и задумается, а слова теперь только вокруг летают, в душу если и попадут, то не останутся в ней, потому что зацепиться им не за что. Он для меня святую Улиту, мою покровительницу, нарисовал и подарил.

– А ведь ни одной не нашли, – задумчиво протянул Лунин, пропустив про Улиту. – Ящик только с красками да кисти.

– Я батюшке Никифору его картины отвозила, – неожиданно сказала Анька.

– Да ну, – закуривая очередную «Яву», удивился Лунин. – Зачем?

– Он сам попросил. Отвези, говорит, к батюшке, я слышал, храм сейчас ремонтируют, может, в храме и повесит, а нет, – так хоть дома. Я, говорит, с батюшкой не знаком, может не принять моего дара, а ты человек воцерковлённый, не откажет, примет. Скажи только, что тебе неизвестный принёс, не говори, что от раба божьего Игоря.

– И что? – заинтересованно спросил Лунин.

– Не спрашивай, – махнула рукой Анька. – Батюшка, ты его доброту знаешь, дар принял, часть в доме повесил, часть для храма припрятал. А потом...

– Ну!

– Позвонил мне батюшка через несколько дней, ну после того, как я картины ему привезла, строгим таким голосом, я даже не слышала никогда, чтоб он так говорил, повелел явиться утром назавтра. Я поехала, опоздала немного. К заборчику подошла, смотрю, – батюшка в церковном облачении костёр у дома складывает, поленьев из сарая принёс и складывает. Меня увидел, крестом себя осенил. – «Посмотри, что ты привезла мне, раба божья», – сурово так говорит, но в гневной его речи ехидство слышится, слаб человек-то, даже сан принявший. Я посмотрела на картины, – он их из дома вынес и у костра кучей сложил. Гляжу – Гефсиманский сад нарисован, вроде всё правильно, оливы, храм, народу толпа, а каждый винтовку со штыком или автомат держит. Все как один в форме; кто в военной, но больше в милицейской, а Иуда сбоку, в тени. Пиджак на нём малиновый и галстук цветастый. А на большой оливе справа – табличка: «Парк культуры и отдыха имени Горького». На другой картине – офис вроде или контора, в кресле кожаном Пилат сидит. Ноги на стол положил, подошвы рифлёные крупно так, чётко прорисованы. Христос спиной к нему, а у Пилата, как в комиксе детском, изо рта надпись пузырем: «Почём есть Истина?». Ещё одну посмотрела – толпа народа, кто в чём, бабы все в купальниках, лица злые, на

заднем плане машина какая-то с ракетами, в небе самолёты летают, горит что-то, а перед толпой в пыли мальчишка лежит, чернявый такой, араб или чечен, что ли. И по всей картине буковки разноцветные, яркие такие разбросаны, смотришь на них, а они во фразе «кто без греха?» сами собой и складываются. Ещё Христос в пустыне, – вылитый Игорь, только в джинсах, на капоте джипа сидит, с голыми плечами, в татуировках весь, а на майке написано... – Анька зарделась и замолчала.

– Что ж такое написано?

– «Fuck for funny» написано, я этот стишок со школы запомнила, хоть по-английски не бельмеса. Нас мальчишки дразнили.

– А ещё что видела? – не уточняя перевода, спросил Лунин.

– Ещё одну разглядела, – Игорь, голый почти, в венце терновом, только вместо шипов – пальцы человеческие с ногтями острыми, тонкими. Несёт крест по Красной площади, мимо Мавзолея, зимой, через каток, по льду прямо, а вокруг люди катаются, и детишки, и взрослые. А его никто и не замечает, будто и нет на холсте.

– Так ты ж говорила, что другие картины он рисовал...

– Да в том и дело, что другие, другие и возила, а как в эти превратились, кто же знает. Батюшка сказал, это нам обоим искушение послано.

– Чем же отца-то Никифора искусить можно? – спросил майор несколько насмешливо. – И почему вас на пару?

– Не сказал он. Только плеснул на дрова бензин из канистры, костёр запалил и говорит: – «Ты мне эту ересь привезла, ты её и жги». И стала я в костёр их кидать, а костёр-то тухнет. Батюшка ещё бензина подлил, снова занялось, потом огонь пропал, дым один остался, разноцветный, переливается, в нём вроде лики даже виднеются. Два часа мучились, насилиу попалили всё.

– И что же ты Игорю сказала?

– Как было, так и сказала.

– А он?

– Что он... Улыбнулся и сказал, что род лукавый и прелюбодейный ищет знамения.

– Загадочно...

– Ещё добавил, что время любить и время ненавидеть давно прошло. Плесень одна кругом.

– Ну и что же дальше было?

– Дальше ты знаешь. Я написала в показаниях.

– Ладно, – вздохнул Лунин. – Иди, что ли. Надо будет, – вызову.

– Саш, я тебе всё рассказала, скажи и ты мне... Ведь знаешь, что молчать буду. Могила.

– Что же сказать тебе, Аня, красавица моя?

– Зачем ты меня спрашивал? Что, мало у нас что ли вешаются? Закрыли дело, да и всё.

Лунин вздохнул.

– Ладно, скажу. Тело твоего Игоря исчезло.

– Как исчезло?

– Когда врач Васильев и фельдшер Сатин приехали в морг, они не обнаружили на носилках тела. И никто не знает, где оно. Не могло же выпасть из «Скорой» на ходу. И записку твой Игорь оставил, вот, прочти.

Майор вынул из ящика стола листок в клеточку, вырванный из школьной тетрадки. Анька развернула и прочитала:

«Мир исчерпал себя и подобен высохшему морю, я убедился в этом. Ложь стала правдой, правда тяжёлыми оковами, и нет в подлунном мире больше любви, фарисейство одно. Судьба моя содеять грех, увы, ибо исправить жертвой ничего нельзя, жертв не замечают. А вот грех притягателен. Таков теперь мир, таковы человеки».

Врач Васильев и фельдшер Сатин распивали после смены ритуальный пузырь.

– За здоровье, – дежурно произнёс Васильев.

– За то, чтобы вызовов не было, а зарплату платили, – хохотнул Сатин, вылив в горло полстакана водки и смачно закусив свежим, с больничного огорода, огурцом. – Кстати, док, ты помнишь того удавленника у твоей бывшей пассии? Ну, который пропал.

– Помню, конечно. А ничего ещё Анютка, да?

– Не об этом я, – отмахнулся Сатин. – Я всё время о нём думаю. Во-первых, куда он мог исчезнуть.

– Какая разница? Смерть мы констатировали, дальше не наше дело. Пусть милиция ищет. Ну, то есть полиция.

– Док, – задумчиво сказал Сатин, наливая. – Лунин тело ведь не осматривал, а ты с Анькой трепался, утешал всё, вообще не подошёл.

– А ты б не утешал что ли?

– Да не об этом я, – снова махнул рукой Сатин.

– Да о чем? Достал ты меня, можно сказать, бесповоротно.

– Я не первый день об этом думаю. Странностей много, вот и думаю.

Лицо хоть и синюшное было, но не отёчное, склеры без кровоизлияний...

– Ну, это возможно, если смерть быстрая. Смотря как петля ляжет и насколько веревка жёсткая. Тебе любой судмедэксперт скажет.

– А, – хитро улыбнулся Сатин, – но кто мне скажет, почему я не нашёл у него strangulationной борозды, а провисел он часа четыре. Вот не было её, хоть тресни.

– А что было? – равнодушно спросил Васильев.

– Аккуратное пулевое отверстие на затылке, будто с близкого расстояния стреляли, ну как в кино показывают, контрольный выстрел в голову. При таком выстреле лицо всегда поуродовано до неузнаваемости, сам знаешь. А у него – нет. Вообще. Будто выстрел игрушечный был.

– Лунину сообщил?

– На фиг надо. Я решил так, что пусть сами разбираются. А им и разбираться не пришлось. Вот такие дела, док.

Игорь СОЛОВЬЁВ

Журналист, писатель, публицист и специалист по связям с общественностью. Родился 5 января 1964 года в городе Кизел Пермской области. Высшее образование получил в Московском энергетическом институте. Окончил его в Казани в 1987 году по специальности «промышленная теплоэнергетика». Отслужил два года в Советской армии офицером Военно-воздушных сил. Печатается как журналист с 16 лет. Работал в штате 19 СМИ, публиковался в 29 газетах и 13 журналах. Прозу пишет с 20 лет. С мая 2009 года опубликовано 13 рассказов и шесть повестей в журналах «Идель» и «Мир безопасности», а также в газетах «Ваш советник», «Казанские ведомости», «Красная звезда» и «Страховая газета». Вышли две книги: «Район патрулирования» (2013) и «Сдвоенная цель» (2014). Лауреат литературных конкурсов: Лучшая байка «Сети однополчан» (2012), малой прозы «Белая скрижаль» (2012).

Совет шамана

Ренатов сидел на краю большого загородного пляжа, где стеной стояли разросшиеся ивы. Ветер налетал на их грустно висящие ветки, болтал их из стороны в сторону и усиливал эффект прохлады, которая казалась полной иллюзией в полуденный зной. Там в это время кувыркались, поднимая тучи пыли, загорелые до черной бронзоты мальчишки. Основная масса дачников и приезжих из города, накупавшись и напитавшись солнечной энергией, переместилась в тенёк тентов или деревьев. Другая часть, поев холодной окрошки, сладко посапывала в самых тёмных и прохладных закутках разнокалиберных домиков.

Он дремал, лицо его было в тени, а ноги приятно грело солнце. Особенно была чувствительна к теплу левая нога, на которой с внутренней стороны мощной икры была маленькая ямка. Мало того что он намёрзся с пацанами из марийского спецназа, когда штурмовали Грозный, так его ещё и зацепил осколок мины. Тогда он обрадовался, что ранение вышло лёгким, и почти сразу пошёл в бой. А теперь, и чем дальше, тем больше, нога мёрзла даже в прохладное лето. Ренатов удобнее примостился к стволу ивы и только приготовился хорошенько вздремнуть, как вдруг кто-то близко крикнул:

– Петрович?

«Показалось, – подумал Ренатов, – кто меня может здесь знать?»

– Ты чё, Петрович? – голос стал громче и настойчивее.

Он открыл глаза. Лица человека не было видно, мешало солнце. Он прикрыл глаза ладонью и немного отклонился вправо, чтобы посмотреть на кричавшего сбоку.

– Запар, ты, что ли? – Петрович убрал руку, встал и повернул мужчину, который был меньше его ростом и пожиже в плечах. – Ё-моё, какие люди! – Он с удовольствием пожал протянутую шершавую ладонь и обнял своего однополчанина.

– Сколько мы с тобой не виделись? Лет пятнадцать? Так, подожди, нет, двенадцать. Да-а-а. Да ты, брат, постарел!... – Zufar Бурганов, которого они в Чечне звали и Забор, и Захар, и Запар, и как только еще не коверкали имя, отошёл от Петровича и вздохнул. – Ты чё какой-то поникший? Чё-то случилось?

– Будешь тут поникший... – Семён Петрович Ренатов погладил свою трёхдневную щетину и зачем-то посмотрел на солнце. Оно было на месте. – Слушай, мы с тобой оба в таком, можно сказать, растрёпанном виде. Давай ко мне. Тут у меня дача недалече, а?

– Да я вообще-то хотел порыбальить... – Zufar задумчиво посмотрел на несвежий вид товарища, его помятые штаны, неряшливо завёрнутые до колен, голый загорелый торс с комками седых волос на груди и затёртую панаму, которая давным-давно была белой.

– Ну и отлично, вечером пойдём вместе! А сейчас какая дура в такую жарину будет брать! – Петрович быстро поднял с песка упавшую газету, которая накрывала его лицо, надел старые разношенные ботинки с обрезанными задниками, поправил головной убор и обнял боевого товарища за плечи.

– Запарушка, родной, ты не представляешь, как я скучал по парням и по тебе...

Так в обнимку они пошли по узкой тропинке между ивами и заборами дачных участков, шурша паке-

тами и громко ширкая по штакетнику и сетке «Рабица» удочками.

– Ну вот. Теперь ты понял, чем я занимаюсь?

Они сидели в тени щитового домика в обшарпанных и проваленных креслах, вытянув ноги на зелёной травке, которая приятно холодила ступни. Между ними стоял небольшой столик, на котором высилась запотевшая трёхлитровая банка кваса, только что вынутая Петровичем из холодильника. Он налил коричневой, терпко пахнущей жидкости себе и гостю в гранёные стаканы, сделал два маленьких глотка, помня ещё с детства наставления деда о том, что в жару нельзя пить холодную воду большими порциями.

– А-а-ах, крепка советска власть! – Зуфар поставил пустой стакан на стол и закурил. – Слушай, чё ты кладёшь туда? Перец, что ли? Чего молчишь?

– Да всего помаленьку, – ответил Ренатов. – Думаю я, дорогой Запарушка, думаю, чем могу согдиться в твоём детективном агентстве. Это ведь не зачистку делать и не заложников вызволять...

– Да уж, кулаками тут не помашешь. Знаешь, зато нужны концентрация и сообразительность. Без неё в нашем деле ничего не получится. Хотя я и сам в нём без году неделя.

– Ну хорошо. Накинь какой-нибудь пример твоей работы. Там, глядишь, и покумекаем. – Петрович посмотрел на друга, отогнал нескольких ос, слетевшихся на квасной аромат, и закрыл банку полиэтиленовой крышкой.

– Недавно мой шеф подписал договор на обслуживание одной страховой компании. Своей СБ у них нет, дорого, видишь ли! А тут как раз он и подкрался незаметно, сам понимаешь, кто. Страханули они «лендровер» дорожный, а он возьми и сгори. Ну и таперича надо выплачивать. Ты хоть знаешь, на сколько тянет такая швейная машинка? – Бурганов даже приподнялся в кресле, чтобы достичь желаемого эффекта от вопроса.

– «Лимона» три, не меньше? – повернулся к однополчанину Ренатов, немного прищурившись от сигаретного дыма и в который раз подивившись мелким конопушкам на лице Зуфара. «Странно, ну никак он не похож на представителя старинного тюркского народа. А меня, зараза, как поступил в училище, так потом всю жизнь и звали татаринном. Из-за чёрных волос, что ли?» Он провёл рукой по голове, обнаружив совсем мало жёсткой и седой поросли.

– Ну это ты, брат, загнул! Два с копейками. Нам обещали десять процентов, если докажем, что вино-ват владелец.

– Не хило тебе отвалится! – даже присвистнул Петрович.

– Если бы! Это ведь фирме, а мне премияшку, дай бог, штук десять отщипнут, и на том спасибо. Слушай! – Зуфар вдруг устремил взгляд, а затем и указательный палец на большую полуоткрытую теплицу, откуда слышалось постоянное жужжание пчёл. – Это у тебя огурец, что ли? И это в начале июня?

– Ну да. А что такого? У меня всегда так! – Семён Петрович встал, осторожно переступил через грядку клубники и засунул руку в колючую зелёную стену. А через пару секунд они уже с удовольствием хрумали свежий и душистый огурец.

Вечер совсем не торопился накрыть озеро и лес покрывалом сумерек. Камыш и осока чуть-чуть шелестели при едва уловимых порывах ветра, а воробьи с громким чириканьем устроили бешеные догонялки со стрекозами. Двое мужчин в одних плавках и панамах сидели на камнях практически посреди озера, образовавшегося на месте бывшего карьера, где когда-то добывали щебень. За двадцать лет из родников, дождей и снега образовалась приличная лужа, которую давно облюбовали купальщики и рыбаки. Из-за стены чахлах берёзок и невысоких каменных гряд слышались крики и визги смывающих трудовой пот дачников. Особенно балдела детвора, которая отрывалась по полной, благо, глубина водоёма не превышала двух метров. Но Ренатов знал, что постепенно шум затихнет, к тому же, когда начнёт клевать по-настоящему, ему вообще будет всё равно.

– Не поздно мы? – тихо спросил Бурганов. Он только что пристроил насадку на крючок и споласкивал руки от навоза, в большой куче которого они полчаса тому назад накопили замечательных красных червяков.

– Не-е-ет. Сейчас потихоньку начнёт, ты только не зевай. Тут ведь у нас живут и карась, и линь, и окунь, – скрипнул брезентовым стульчиком Петрович.

– Да брось, откуда он здесь? Окунь не любит стоячую воду! – Зуфар даже поднял вверх палец.

– А родники? Хорошо, что он хоть берёт редко, а то замучаешься потом его резать: хватает взаглот. Слушай, ты мне вот что скажи, – Ренатов решил переменить тему и немного подправил самодельную удочку, лежащую на пригнутых ветвях ивы. – Ты что-нибудь надыбал про внедорожник?

– В том и проблема, что практически ничего, – вздохнул Зуфар. Ему показалось, что маленький по-

плавок дёрнулся, и он вытащил снасть, но наживка по-прежнему тихо шевелилась на крючке. – Конечно, опросили хозяина, кстати, крутой мужик, из деловых. Говорит, что менял накануне масло и скорее всего не закрыл крышку, оно, мол, и выплеснулось на двигатель при езде.

– Детский лепет! – ответил Семён Петрович, не отрывая взгляд от поплавок, на который села стрекоза.

– Ежу понятно. Но беда в том, что машина сгорела во чистом поле, понимаешь?

Где-то за пятьдесят километров от города, недалеко от поворота на московскую трассу. Ты же знаешь, там, как назло, ни деревень, ни поста ГАИ.

– Съездил? – не успел проговорить Петрович, как поплавок повело вправо. Он дёрнул, почувствовал тяжесть на конце удилища, но потом кто-то там внизу отпустил, и удочка резко отлетела на него. – А-а-а! Сорвался! – он поправил червяка, чтобы не было видно жала, плюнул на него и снова забросил удилище, стараясь отвести леску от травы.

– Обижаешь, начальник! И съездил, и посмотрел всё вокруг. Ничего, только чёрное пятно на асфальте. Сам аппарат у фирмачей во дворе стоит. Действительно, эксперт сказал, что пожар начался в двигателе. – Он тоже дёрнул и, к своему удивлению, вытащил среднего белого карася.

– С почином тебя! Слушай, а если вообще не платить?

– Подожди, куда складывать? Ага, вот ведро! Можно, а если он пойдёт в суд? Чем мы докажем? Своими красивыми понятиями? Но главное, что срок подходит для выплаты. Вот и ломай голову! В общем, пошёл я к одному шаману, посоветоваться!

– Чего? – Ренатов от удивления чуть не упал, вовремя упёрся рукой в камень.

– Да нет, ты неправильно понял. Это просто бывалый мужик. В какой-то степени врач, а может, и экстрасенс. А по второму образованию психолог. Никаких там бубнов и камланий. Кстати, прошёл Афган, правда, не по военной линии, был советником заместителя министра финансов. В общем, тёртый товарищ, интересный, следит за здоровьем. Ему уже за шестьдесят, а выглядит моложе нас с тобой. Короче говоря, рассказал я ему историю...

– Ну и что он тебе насоветовал? – в этот момент красно-белый поплавок на удочке Петровича мелко мелко задрожал, он подсёк, и через пять волнительных секунд увлекательного вываживания на камне трепыхался крупный золотой карась. – Ух ты! Хорош, земляк, хорош! – Ренатов был возбуждён, он всей пятернёй старался удержать скользкую рыбу, которая изо всех пыталась вернуться в родную стихию.

– Держи-держи, сейчас помогу! – Зуфар поднёс ведро, и Петрович опустил туда добычу.

Бурганов вернулся на место и посмотрел на гусиное перо, оно дёрнулось и затихло.

– Он посоветовал съездить на место и там посидеть. Он это называет «проникнуть во время и место». А что, если нам с тобой провести рекогносцировку на местности? А? Как ты на это помотришь, старый комбатант?

Ренатов стряхнул капли воды с рук, посмотрел в ведро, где рыба подняла пузыри, и затаился сигаретой. Он думал некоторое время, глядя, как в метрах в десяти от них пересекало озеро, изящно изгибая блестящее чёрное тело, небольшой уж.

– А что? Давай попробуем, у костерка посидим, подумаем о смысле жизни. Может быть, что-нибудь да заметим... Тем более, насколько я понимаю, других идей в твою светлую голову не пришло?

В восемь часов вечера на следующий день они подъехали на стареньком «УАЗике» Зуфара к большому чёрному пятну на пятьдесят первом километре. Как только мотор заглох, степная тишина, нарушаемая лишь стрекотом кузнечиков, заполнила машину. Они, не сговариваясь, посидели несколько минут, а затем спустились с насыпи и огляделись. По правой стороне от неё тянулась цепочка опор связи, а ещё дальше, через поле, просматривалась какая-то растительность. Скорее всего, это были деревья и кустарник в низине у речушки, впадавшей через несколько поворотов в более крупную речку, которая, в свою очередь, разрезав небольшие холмы, вливалась в Волгу. Всё это Ренатов сфотографировал в памяти, изучая утром карту местности.

Они вытащили из автомобиля вещи, воду и ведёрко с шашлыком.

– Ну что, ты машину спусти вниз и разводи костёр, а я, пока светло, обойду окрестности, – сказал Петрович и придавил комара на шее. «Да, сейчас их мало, а ночью ребята накиннутся!» – подумал он.

– Давай! – махнул рукой Зуфар. – Только прихвати дровишек.

Ренатов поднялся на насыпь, огляделся и решил сначала продвинуться по левой стороне дороги к едва видневшимся строениям, над которыми стояла вышка. Он спустился с асфальта и пошёл мимо почерневших от времени деревянных столбов ЛЭП, прикреплённых к коротким бетонным «пасынкам» тол-

стой ржавой проволокой. Трава уже местами выгорела, а где-то ещё оставалась зелёной. Но она уже не была высокой. «Значит, кого-то здесь пасут, и, судя по тому, что я за двадцать минут не влип в коровьи «лепёшки», едят траву овцы!» – отметил про себя Ренатов. Вскоре он приблизился к невысокому старому забору, поверх которого шло несколько рядов перепутанной чёрной «колючки». Тут же стояла изрядно покосившаяся вышка. Но ещё больше удивило его то, что на ней стоял солдат с автоматом.

– Ты как оттуда не упадёшь, служивый?

Вместо ответа тот высунулся из-под козырька.

– Здорово.

Солдат кивнул.

– А где тут у вас начальство?

Часовой махнул в правую сторону. «Немой, что ли? Ладно хоть не выстрелил!» – подумал Ренатов, пробираясь сквозь высокую траву. «Даже траву не косят, одной искры достаточно, чтобы всё это запалить. Да-а-а, ну и служба!» – подытожил майор запаса и постучал в небольшие квадратные ворота. После третьего стука открылось узенькое окошко, издавшее такой громкий звук, что, наверно, его должен был услышать за дорогой Зуфар.

– Чё надо?

– День добрый! А начальство есть?

– Какое начальство?

– Обыкновенное, начальник объекта или кто там у вас?

– А зачем?

После пяти минут пререканий с загорелым носом и мутными глазами (только это виднелось в окошке) Петрович выяснил, что начальник караула старший прапорщик со смешной фамилией Холодец в воскресенье отдыхает и будет в понедельник к обеду.

«И на том спасибо!» – заключил Ренатов, ещё раз окинув взглядом вышку, забор и виднеющиеся за ним какие-то здания, больше похожие на склады. Дальше он пошёл к густым зарослям, пробрался через них к речке и умылся. Потом перешёл дорогу, то и дело пытаясь найти следы деятельности человека. Вскоре он подобрал большую сухую ветку и потащил её к стоянке.

Когда он подошёл к машине, костёр уже всюду горел, возле него лежало два сиденья из «УАЗика». Зуфар нанизывал на третий шампур небольшие куски маринованной свинины.

– Ну что, добрый молодец, нападут на нас сегодня басурмане али нет? – с улыбкой спросил он у Семёна.

– Сегодня нет, а вот завтра надо будет прихватить пару пузырей, а лучше четыре, и поехать в гости к вышке.

– Значит, добазарился. Молоток! А я думал, там всё заброшено. – Зуфар положил готовый шампур на мангал и взял другой.

– С виду так оно и есть. Слушай, что-то стало холодать, может, накатить в лёгкую? – Петрович протянул руки к огню.

– Возьми в машине и захвати теляги, они в багажнике.

Ренатов сходил к машине, взял бутылку и две телогрейки. Когда он вернулся из темноты к костру, то оказалось, что они не одни возле дороги. Со стороны степи возник маленького росточка старик со сморщенным лицом, на котором с трудом угадывались щелочки глаз. Он был одет в поношенный серый пиджак, грязно-чёрные штаны в остатках травы, на ногах были сношенные кирзачи, а голову его украшала засаленная кепка.

– Привет, дед! Ты как здесь? – не без удивления спросил его Петрович.

– Пасу овец, однако! – он слегка двинул головой в бок, показывая на невидимую в темноте отару. Там что-то зашумело, пролаяла собака. Ей коротко ответила пушистая лайка, сидевшая, как изваяние, возле ног хозяина и немигающе смотревшая на огонь.

– Выпьешь с нами, отец? – Петрович отвинтил пробку и налил полстакана.

– Если нальёшь, почему не выпить? – старик крикнул и посмотрел на то, как ловко Зуфар управлялся с мясом.

– Давай, будь здоров! – Семён передал чабану стакан. – Будем знакомы: меня зовут Петрович, а его Зуфар.

– Идыгей-ага! – старик смешно сморщил и без того изборождённый трещинками нос, выдохнул и отправил в рот вслед за водкой кусочек хлеба с колбасой. – Спасибо, ребята.

И снова он и его собака стали словно каменными. Лица их были направлены на горящие угли, а глаза отражали летящие во все стороны искры. Ренатову подумалось, что вот так сотни лет люди и собаки сидели и смотрели на огонь посреди бескрайней степи и... в сущности, ничего не изменилось.

Петрович заметил, как Зуфар, переворачивая шампур, подмигнул ему и повёл головой в сторону ночного гостя. Петрович тоже подмигнул и спросил деда:

– А далеко твоя деревня, уважаемый?

Через полчаса неторопливой беседы они уже знали, что Идыгей-ага сбежал несколько лет назад из Оша с невесткой и двумя внуками. Там, защищая их большой дом, погиб от автоматной очереди боевиков его сын, а перед самым отъездом умерла больная старуха. Вот так они оказались в саратовской степи, занимая в полузаброшенной деревне две комнатки в старом доме с другими беженцами из Киргизии.

Было видно, что дед соскучился по обществу: он с удовольствием рассказывал о своей жизни. А потом плавным переходом выложил всё, что видел несколько дней назад, когда отдыхал в тени холма около двух часов дня. Как остановилась машина и из неё вышли двое, как стали махать руками и какими-то предметами, похожими издали на ящики, а потом пошёл дым и огонь. Ему было жалко машины, он был обязательно прибежал и помог гасить пожар, но, как назло, прихватило больную ногу.

– А они не смогли. Они поливали на огонь, но его было много!

«Ну да, бензином и тушили!» – хмыкнул Петрович.

За столом в пустой комнате здания, которое занимала фирма, сидели друг напротив друга клиент, шеф детективного агентства и заместитель генерального директора страховой компании. Они слушали записанный на диктофон разговор Зуфара и Петровича с начкаром прапорщиком Холодцом и рядовым Тимохиным. Сам Ренатов стоял у окна, стараясь дышать в форточку, откуда хоть немного шло слабое дуновение воздуха. У него побаливал затылок после того, как они вчера с военными осушили по два пузырька водки и коньяка, а потом ещё выкушали литр разбавленного спирта.

Сухо щёлкнул выключатель диктофона, запись кончилась. Тучный, но ухоженный мужчина в дорогом костюме, галстук и рубашке, несмотря на жару, поднял на сидящих напротив свирепый взгляд, перевёл его на окно, потом снова оглядел двух мужчин:

– Нашли хрен знает кого?! – он с шумом встал и вышел из комнаты. За ним выбежал страховщик.

Детектив встал и с улыбкой подошёл к Ренатову:

– Ничего, пусть проветрится. Сейчас он ему ещё историю про пастуха расскажет.

– Подождите меня с Зуфаром на улице.

Через двадцать минут заявление было отозвано, а спустя ещё час в конторе агентства Семён Петрович сидел за красивым столом напротив белокурой секретарши и писал заявление о приёме на работу в должности инспектора.

– Молодцы! – сказал шеф, ставя визу. – Страховщики довольны. Они нам уже пару дел подкинули. Так что вам два дня на отдых и снова в борьбу.

Товарищи стояли на крыльце и закуривали.

– Ну что, надо к шаману твоему съездить, спасибо сказать. Как думаешь? – спросил Ренатов.

– А как же, только он и так всё уже знает! – усмехнулся Бурганов.

– Откуда? – удивился Семён, захлопывая дверку служебной «Нивы».

– Так он же шаман! – засмеялся Зуфар и нажал на газ.

Велосипедная жизнь

С велосипедами мне не везло. Их у меня всё время пытались украсть. Езда в разных местах привлекала внимание людей, особенно пацанов. Если у них не получалось доставить неприятности моему двухколёсному другу, то тогда доставалось мне.

Первый аппарат мне подарили родители, когда мне было шесть лет. Жили мы в центре рабочей окраины большого города, где периодически вдыхали дым или побочный продукт переработки химической промышленности. Но это не омрачало мою жизнь, украшенную героическими походами с клюшкой в руках по закоулкам нашего большого двора. По его сараям, дровяникам и садам, которые были в основном в заброшенном виде и спускались в речке Говнянке. Название такое она получила по причине того, что тот же химкомбинат периодически спускал отходы производства и в речку. Хотя, надо сказать, яблоки и вишня в садах были отменные, несмотря на ужасный запах, шедший от воды, протекающей в десятке метров ниже по склону.

Вот по этому склону я и прокатился в первый раз на своём «Ветерке». Был он небольшого размера,

для самых маленьких ездун-дошкольников. Шины у него были из сплошной резины, без подкачивания, а педали крутились без торможения. Сначала у меня не получалось держать равновесие, затем при помощи дяди, младшего брата мамы, часто посещавшего нас по причине своей неженатой свободы, я научился кататься. Я быстро скатывался в низ двора, конечно, не поспевая за педалями и утыкаясь в старый и местами гнилой забор. Радости моей не было предела!

Затем я научился подниматься по склону, уже вертя педалями, и тормозить рулём, когда сильно разогнался вниз. Конечно, падал, но было не больно. Земля гасила силу удара и не оставляла кровотокающих ссадин, в отличие от асфальта. Это райское покрытие было уложено в соседнем дворе, через забор от нашего. Других мест для катанья не было совсем, если не считать тротуара у оживлённой дороги. Туда я выезжал редко и только в присутствии родителей.

Мои вылазки в чужой двор можно назвать партизанскими. Я пытался быстро насладиться замечательной ездой, носясь с большой скоростью, понимая, что в любой момент могут появиться местные пацаны. Сначала они просили меня покататься, а потом, передавая «Ветерок» друг другу, забывали о правилах гостеприимства. В такие моменты я начинал реветь, а после тычков и оплеух ревел ещё громче. На шум выходили старшие и волевым образом передавали аппарат мне. И я, продолжая издавать хмыкающие звуки и заливая замечательный асфальт слезами, уходил восвояси. Зато накатавшись.

В последнее лето перед школой, осмелев и прокатившись по тротуару, я забежал в дом, чтобы пообедать, и оставил велосипед под большой бузиной, которая как часовой стояла в начале нашего двора и охмуряла своим сладковатым дурманом всех, кто входил к нам. В принципе, дворовая территория считалась безопасной, поскольку ворота закрывались на защёлку, открыть которую можно было, только зная устройство. Я уже несколько раз, не боясь за сохранность «Ветерка», оставлял его внизу. Ещё не доев, но почувствовав какую-то смутную тревогу, я выглянул в большое окно коридора и увидел, как взрослые тётя и дядя медленно уводят мой велосипед. Они неторопливо зашли во двор, оглянулись, увидели его, взяли его за руль и так же, не суетясь, вывели его за ворота, аккуратно закрыв щеколду.

Почему я не закричал, не позвал маму (отец был на работе), почему вообще не поднял тревогу? Не знаю. Наверно, меня смутило то, что они улыбались, а увидев меня, заулыбались ещё больше и даже помахали рукой. Я знал, что взрослые могут быть плохими. Меня этому учили родители и бабушка, мать отца, жившая в частном доме и делившая людей на жуликов и не жуликов. К тому времени в детском саду, зимой у меня утащили санки. Но я не мог понять, почему эти люди действовали тихо, без шума и улыбались мне. Я подумал, что, может быть, мой велосипед им нужен просто так, что они скоро его вернут?! Я подошёл к столу, и, видимо, мой заторможенный вид насторожил маму, и она спросила, почему я такой. Слеза выкатилась из глаз, и я сказал, что какие-то дяденька и тётенька увели мой «Ветерок». Мама бросилась к окну, потом выбежала во двор и на улицу. Никого уже не было. Когда она пришла, я ревел в голос, так и не одолев обед. Потом с её помощью перебрался на кровать и заснул. Вечером пришёл отец и выслушал мой рассказ за ужином. Он не дал разреветься мне снова и успокоил обещанием, которому я не поверил: «Ладно, сынок, не расстраивайся. Вот окончишь первый класс, и купим тебе настоящий велосипед!». Слишком заманчивой и неосуществимой показалась мне тогда эта мечта.

Но, как ни странно, она действительно материализовалась ровно в тот срок, как и обещал отец. Велосипед «Салют», сияющий полировкой и пахнущий свеженькой зелёной краской, почти настоящий, в том смысле, что он был чуть меньше взрослого и всё-таки считался подростковым, был вручён за отличное окончание первого класса. О чём свидетельствовала красная грамота с золотыми буквами. Моё катание поначалу не претерпело сильных изменений. Собственный двор был уже совсем мал, а соседский продолжал оставаться небезопасной зоной скрытых и быстрых перемещений. Правда, скорость моя возросла, и я стал чаще уходить от преследования также на год повзрослевших хулиганов. С другой стороны, у меня неожиданно появились союзники. Двум мальчишкам также приобрели «Салюты», и они превратились из преследователей в моих компаньонов. Мы устраивали соревнования, кто быстрее и шустрее преодолеет закоулки двора. Хотя случалось, что велосипед всё-таки узурпировали парни, и я стоял, постепенно наливаясь слезами. Но как я ни старался, плотина всё равно прорывалась, орошая моё лицо. Странно, но именно в этот момент мне становилось легче, и я смело тянул велосипед на себя. Но я уже не ревел и тем более не кричал. Расстроенный, мокрый от слёз и напряжения, я уходил с высоко поднятой головой.

Но ещё через год моя велосипедная судьба круто поменялась. Мы получили наконец-то благоустроенную квартиру в девятиэтажном доме, с ванной, где можно было сколько угодно чёлупаться, и лоджией, откуда можно было запускать самолётики. Скорее всего, мне пришлось бы теперь таскать велосипед

на четвёртый этаж. Но тут из Сибири в нашу сторону переехали мои бабушка и дедушка – родители мамы. Они купили дом в пригороде, и мой «Салют» переехал туда. Где зимовал в сарае, а потом без одыгу катал меня все летние каникулы.

Всё было бы ничего. Но и здесь, в посёлке обнаружили желающих покататься на чужих велосипедах. Пока я рассекал по своей улице, точнее, по её части, где меня уже знали, всё было без происшествий. Но стоило удалиться в её дальнюю часть или выехать на смежные улицы, то здесь можно было ждать нападений. В лучшем случае меня просто выгоняли наглые и злые парни, а в худшем – били в грудь и с удовольствием делали восьмёрки на колёсах. Я не понимал, почему это происходит? Чем я мешал своим проездом? Их злоба на чужаков казалась мне бессмысленной и жестокой.

Я перестал ездить в чужие края, сосредоточившись на своей улице и центре посёлка, который был одновременно и станционной площадью. Туда я подвозил на местный базарчик овощи и фрукты, которые продавала моя бабушка. Или же ездил в магазин за продуктами, в основном за хлебом. Его можно было быстро купить, а за другими продуктами надо было выстаивать очереди. Здесь-то меня и подкараулил белообрый молодой мужик, твёрдо решивший велосипед у меня отнять. Он ничего не говорил, не кричал и не матерился. За него говорил наглый взгляд и красноречивые наколки на руках и волосатой груди, которую едва скрывала явно несвежего вида майка.

– Пошёл вон, – он схватил руль одной рукой, а другой больно толкнул меня в грудь. Я не мог сопротивляться в полную силу, поскольку в одной руке держал буханку. Но моя правая рука вцепилась в раму. Это и спасло меня. Если бы я держал велосипед за руль, то, скорее всего, уголовнику (как я его прозвал) удалось бы вырвать велосипед, прокручивая руль. А он подумал, что дело сделано, и стал закидывать ногу на седло. Но тут я предъявил свой последний не убиенный козырь.

– Помогите, помогите! Отдайте велосипед! – заорал я во всю мощь своих лёгких с такой слезой в голосе, что тут же прибежали две привокзальные дворняжки и стали громко лаять. Пара бодреньких старушек уже выходила из магазина. А одинокий старичок выбредал с площади в проулок, где стоял старенький хлебный магазинчик. Старушки стали сразу срамить и позорить похитителя.

– У-у-у-у, вражина, что же ты, уголовная рожа, обижаешь паренька, – заголосили они.

– Эй, парень, ты, чаво, опять хочешь в санаторий? Ведь недавно оттудова вышел! – неожиданно громко пробасил дед.

Уголовник явно не ожидал такой общественной реакции, продолжая тянуть за руль, но хватка его явно ослабла. Я, что есть сил, дёрнул за раму обеими руками, засунув хлеб между ног. Попытка удалась. Три больших шага, и я впрыгнул в седло, пару раз крутанув во всю педали. Быстрее меня мог быть только ветер от проносающегося на всех парах курьерского поезда! Через три минуты бешеной езды я уже был дома.

Я не успел вытереть слёзы, и поэтому пришлось всё рассказать родителям и предкам. Мама решительно заявила, что надо идти на станцию и найти мужика.

– И что ты с ним сделаешь? – спокойный голос отца прозвучал диссонансом на фоне причитаний мамы и бабули.

– В милицию сдам! – резко ответила мама.

– Ага, ты сначала найди её. Делать им больше нечего! – отец воткнул в пень топор, которым только что рубил двора, и устало опустился на скамейку.

– Это он, змей. Ну да, с наколками. Вчера ко мне лез в магазин рано утром, стакан просил. А седни мне продавщица, Нюрка, сказала, что Петро откинулся, ну теперь шорох наведёт! – резюмировал уверенным голосом дедушка.

– Зачем таких лешаков выпускают. Пусть бы там и оставляли! – в тон ему воскликнула бабуля.

– Сегодня, Витя, на улицу ни ногой. И не реви, – подвела черту мама и ушла в дом.

Я всхлипнул, утёр нос, поставил велосипед к стене дома и ушёл в сад, чтобы там, в моём уголке, нареваться досыта.

С тех пор я стал кататься осторожнее и очень редко выезжал на станцию. Но мой «Салют» неожиданно стал востребованным моему дядьке. Его молодая жена ждала первенца, и неожиданно это произошло не в городе, а в посёлке. Роддом находился на приличном расстоянии от дома стариков в сосновой роще, на другом краю поселения. И, конечно, лучшим средством передвижения оказался мой велосипед. Я не без ревности смотрел, как дядька ловко возил передачи, здорово растрясывая мой велосипед на грунтовых дорогах и лесных тропинках. С другой стороны, я незаметно гордился тем, что мой аппарат понадобился для дела. И в тайне надеялся, что когда-нибудь это вернётся другой скоростью и весёлой дорогой.

И вернулось. Через некоторое время дядька приобрёл за рекой участок земли, построил дачку. А для удобства купил себе большой велосипед и после электрички рассекал до дачи на двухколёсном друге, который дожидался его у родителей. Естественно, мне было позволено прокатываться периодически, но осторожно и со вниманием. Дядька как-то один раз хотел сказать мне ещё что-то напутственное и серьёзное, но передумал после слов бабушки:

– Чай, на его-то лисапед без лишних разговоров ездил в больницу.

Однажды, когда дядька заночевал на своей даче, а я с родителями был в городе, и произошёл случай, поставивший крест на моих велосипедных путешествиях. В ту ночь собака пролаяла до утра, добросовестно отработывая свой кусок хлеба, а в это время из сарая спокойно утаскивали мой «Салют». Дед с бабушкой рассказали нам, что побоялись выйти. Глядя на мои глаза, заполненные до краёв грустной жидкостью, они предложили компенсировать потерю новым велосипедом. Но я отказался и всё-таки удержался, чтобы не реветь. Кто знает, может быть, в этот момент и закончилось моё детство.

А через год та же участь постигла и велосипед дядьки. Тоже ночью, и тоже надрывалась собака, и тоже старики побоялись выйти, а может, и не слышали...

Дедушка и бабушка давно умерли, а всё их движимое и недвижимое имущество досталось моему дяде, единственному сыну своих родителей кроме трёх дочерей. От того события у меня осталось только чувство растерянности, как тогда, когда у меня с улыбкой уводили мой «Ветерок». А дядька давно уже ездит на своей машине, поменяв после наследства уже четвёртый автомобиль. Благо, сейчас нет недостатка в моделях и можно выбрать самую красивую и блестящую машину. Я с тех пор не люблю ни велосипеды, ни автомобили, ни другую колёсную технику. Боюсь её. Боюсь кого-нибудь задавить, врезаться во что-нибудь и испортить жизнь себе и другим.

Анатолий ЗАКАЛАД

Родился в феврале 1937 года в г. Ташкенте. Окончил пединститут. В советское время руководил самостоятельным коллективом. Живет в Кишинёве.

Невыдуманные рассказы

Мишка Медведев

Мишка, двадцатидвухлетний блондин, гитарист и матершинник, больше всего на свете любил женщин и водку. Если обычные люди иногда страдали от лишневъпитого, то Мишка страдал от систематического недопития. Однажды в пивнушке он на спор в течение трех часов выпил три литра водки и замертво упал на пол, но зато выиграл ящик водки и наутро пошёл на работу. Девушки вешались на него пачками, но выбирал он их, подобно четвероногому: раздевал и обнюхивал претендентку. Если запах ему не нравился, то выпроваживал без объяснений. Так, жертвой «пахучести» стала семнадцатилетняя красавица Фрося. Мне с трудом удалось уговорить её пойти ко мне в гости. Мы выпили по стакану коньяка, и (о ужас!) я отключился. Такое уже было с моим знакомым таксистом, который пошёл в гости сразу к двум женщинам. Разозлённые феи заперли его амуницию на замок; она вспухла так, что он утром еле добрался до работы. Умелец-слесарь поставил его буквой «Г» над тисками, зажал замок и стал распиливать дужку. Через минуту дужка сильно разогрелась, и испытуемый стал орать. На крики сбегались любопытные и никак не могли понять, что происходит. Кто-то догадался принести стакан воды, и операция продолжилась, но когда она закончилась, то пересуды ещё долго веселили народ. Фрося поступила со мной гуманнее. Она уложила меня в постель, настойчиво поднимала моё настроение и подарила незабываемое удовольствие. После этого случая мне стрельнуло в чайник, что вся выпивка на земле не стоит одной Фроси, и с тех пор я не пью водки. А Мишка продолжал. Вскоре он женился, и у него родилась дочка. Через три года молодая жена взяла ребёнка и ушла от него навсегда. К молодому жеребцу зачастили паломницы с полными сумками. Мишка их катал: толстых и худых, блондинок и брюнеток, молодых и постарше. Постепенно поток жаждущих иссяк, и в тридцать лет наш герой перешёл на инвалидность. Не доедал, но допивал, а на тридцать шестом году ушёл из жизни. Жаль.

Невольный грех

Хорошо сложенная обаятельная двадцатитрёхлетняя Нина работала агрономом в молдавском селе и заочно училась в сельхозинституте. Проводив мужа на работу, а сына в садик, сама пошла на делянку, а ближе к обеду зашла к председателю колхоза. В его доме за накрытым столом сидело трое проверяющих из министерства. Вошедшую усадили за стол, и беседа продолжалась. То ли компания подобралась интересная, то ли коньяк был крепким, но через некоторое время у Нины закружилась голова, она извинилась и пошла домой. Не помнила, как молодой ревизор довёл её домой, раздел и оказался с ней в одной постели. Через пару часов Нина проснулась, с удивлением посмотрела на усатого нахала и спросила:

- Ты как здесь оказался?
- Тебя провожал.
- Ну хорошо, проводил, а зачем ко мне в постель залез?

– Так ты сама меня обнимала.

Выпроводив незваного гостя, Нина принялась готовить ужин, но всё валилось из рук. Она обхватила голову руками и долго неподвижно сидела на стуле. Грызла досада, и настроение было ужасным: для неё это была катастрофа. Когда пришёл муж, она с плачем кинулась к нему на шею и рассказала обо всём, что с ней приключилось. Сначала муж не поверил, но когда до него дошло, оттолкнул от себя жену и грязно выругался. От незаслуженной обиды Нина проплакала всю ночь. После случившегося что-то изменилось в сознании нашей героини, она поняла, что не любит своего мужа и работу, и жизнь для неё стала не интересной. Через девять месяцев она родила мальчика, похожего на неё и того усатого ревизора. Бытовая трясина засосала её основательно. Единственной отдушиной оставались поездки в Кишинёв на сессию. Тут Нина оттягивалась по полной: флиртовала с преподавателями, посещала рестораны и дискотеку. Обычно она останавливалась у моей соседки Ирэн, но на этот раз у той гостили кавказцы и Ирэн попросила меня принять на время студентку. На тот момент я был не последним композитором и у меня (иногда) любили собираться местные знаменитости: актёры, писатели, композиторы, музыканты... Мы обсуждали светские сплетни, фильмы и спектакли, пели песни под гитару и аккордеон. Обычно они приносили с собой выпивку, продукты, но всё это надо было разложить, подать-убрать-заменить, и тут мне пригодилась помощь моей квартирантки. Оставив на неё всю грязную работу, я завалился спать. Утром проснулся: рядом – она. Удивился, но не испугался. – Нина, на этом месте меня ублажала шестнадцатилетняя особа, но то было за деньги, а сейчас мне не понятно, какой интерес у молодой особы к пятидесятилетнему мужчине?

– Ты плохо представляешь себе идиотизм сельской жизни, изо дня в день одно и то же, а благодаря тебе я соприкоснулась с тем миром, который вижу в кино и по телевизору и о котором мечтаю. Ты – частичка этого влекущего меня мира, и я благодарна тебе за этот праздник. Напрасно я пытался убедить Нину, что у богемы свои драмы, комедии, трагедии и не всегда ля-мур-гламур-бонжур-абажур, но, наверное, я говорил не убедительно, и она осталась при своём мнении. На прощание я написал для неё четверостишие: «Не знаю, в чём твоя вина, ни перед кем не виновата. Вполне познала ты до дна, как тяжела она, расплата. Но только жизнь своё берёт и нам порой совсем неймётся. Ах, если знать бы наперёд, за что платить ещё придётся?» Нина грустно улыбнулась и спросила: «А сколько мне ещё нужно платить за невольный грех?»

Людка Кабанова

Восемнадцатилетняя королева красоты Кабанова приехала из Чебоксар. Освободившись от родительской опеки, она не сумела воспользоваться своей красотой и никак не могла выбрать лучшего из многочисленной толпы ухажёров. Когда забеременела и пропустила все сроки, пришла ко мне за помощью, обещая отблагодарить чем угодно. В то благодатное советское время я руководил коллективом художественной самодеятельности, и стоило бы только мне проявить интерес к артистке с сомнительной репутацией, я тотчас бы потерял всякое уважение окружающих. От благодарности Кабановой я отказался, помог ей безвозмездно. Но и после этого она не взялась за ум; с работы её уволили за прогулы, из общежития выселили, и она перешла на содержание к обеспеченным женатикам. Несколько раз я её видел в городе с разными ухажерами, а потом потерял из виду. Лет через пять я как-то с приятелями поехал на рыбалку. Стал забрасывать снасти, а они раскладывали на траве закуски и зацепили проходившую мимо особу: «Девушка, выходите за нас замуж». «Спасибо, я уже замужем». Голос мне показался знакомым, я обернулся и не сразу узнал в бывшей красавице Людку Кабанову. Передо мной стояла неряшливо одетая морщинистая женщина с хозяйственной сумкой в руках.

– Здравствуй, Люда. Ты тоже приехала на рыбалку?

– Нет, я здесь живу, вон в том доме, и несу банку вина своему мужу.

Пока мы беседовали, мои приятели, дурачась, прижались к моей собеседнице с двух сторон. Я шутливо наорал на них: «А ну уберите руки, пока не обновите её гардероб лучшими экземплярами!» «Мы согласны на все ваши условия. Когда можно будет пообщаться с вами, Люда?» «Сегодня вряд ли. Давайте увидимся здесь же через неделю». Она повернулась и

красивой походкой пошла за своей смертью. Какое-то неприятное чувство осталось от этой встречи, и я ехал в Кишинёв в плохом настроении. Недалеко от города увидел расплюснутую иномарку и покалеченных пассажиров. Ну какое мне дело до чужой иномарки? А всё равно жалко, ещё одна неприятность. Для полного кайфа не хватало ещё третьей, и она вскоре пришла: бешеный Людкин сожигатель воткнул ей во влагалище кухонный нож и разрезал до горла. Ну какое мне дело до знакомой шалавы? Но почему-то жаль оборванную молодую жизнь. Очень. Такой уж у меня дурацкий характер.

А была ли любовь?

Есть на Кубани богатая станица Белореченская, со своим бытом, культурой и достопримечательностями. И жила в той станице обыкновенная четырнадцатилетняя девочка Лида, которая до умопомрачения влюбилась в местного красавца-Лёньку и всячески пыталась обратить его внимание на себя. Но всё было напрасно: Лёньку постоянно окружали многочисленные невесты. Когда ей исполнилось пятнадцать, он на лодке перевёз её на другой берег Кубани, обесчестил и оставил. Лида долго плакала от обиды, но любить не перестала. Вскоре Лёнька из-за амурных дел загремел в тюрьму на шесть лет, и многие забыли про него, но только не Лида. Она плакала, грезила и надеялась, когда он вернётся, для неё наступит прекрасная пора любви. И этот день наступил, её любовь и смысл жизни вернулся из колонии. Пьянствовал, нигде не работал, но и это не смущало Лиду, она была уверена, что сделает из него хорошего мужа. Встретилась с ним, поговорила и перешла жить в его дом. Шесть лет безумного ожидания любви и три месяца горького разочарования понадобилось ей, чтобы проклясть свою глупость, возненавидеть не только Лёньку, но и весь мужской пол на свете. В Кишинёве сороколетняя Лида жила в общежитии. Ни с кем не встречалась и не дружила. А недалеко от неё один мент застал свою жену с любовником. Стрелял на крыше по убегающим из табельного пистолета, но не попал. Он целый год уговаривал Лиду переехать к нему. Она с большой неохотой согласилась, и они уехали в село.

Георгий КАЮРОВ

проект осуществляется при поддержке компании Orange

Продолжение. Начало в № 1.

Жёлтый император

Глава вторая

Тень генерала за спиной

Матвей выскочил из общежития и быстрым шагом направился к остановке троллейбуса. Он сдал успешно сессию и теперь готовился к отъезду на Тянь-Шань. Бегал по магазинам за продуктами, сходил в клуб к альпинистам и подправил своё снаряжение, подлатал палатку и запасся сухим горючим и бензином для примуса «Шмель». По дороге ему дважды перерезала дорогу чёрная «волга», проезжая почти впритык. Во второй раз, едва не угодив под её колёса, молодой человек отвесил крепкое словцо в адрес водителя-недотёпы. Машина тут же остановилась, и из неё вышли двое в штатском.

– Как ваше имя?

– Ездить надо правильно! – разозлился Матвей. – Имя моё подавай! Здесь пешая зона. Студенческий городок.

– Я задал вопрос. Имя?

– Не ваше дело, – огрызнулся Матвей, собираясь обойти незнакомцев, но те преградили дорогу.

– Николай, – посмотрел на коллегу второй мужчина, – бери его. Не сомневайся, это он.

– Матвей Шпагин? – его коллега не спешил «брать» молодого человека.

– Да, это я. А что случилось? – Матвей настороженно переводил взгляд с одного мужчины на другого. – Что вам надо?

– За вами прислали машину, – спокойным тоном пояснил мужчина.

– Кто прислал? – Матвей не спешил, оценивая перспективы побега.

– Вам лучше проехать с нами, – другому мужчине удалось, своим видом, показать – он догадался, на какие планы надеется молодой человек. – Или струсил?

– Почему струсил? – с вызовом выпалил Матвей.

– Тогда поехали, – прищурившись, предложил мужчина.

– Поехали, – поддержал тон приглашающего Матвей.

Чёрная «волга» с тремя пассажирами стремительно покинула студенческий городок и устремилась по проспекту, обгоняя всех подряд. Водитель не сбавлял скорость даже тогда, когда они проезжали мимо постового милиционера. Тот же, завидев мчащуюся машину, не спешил выбегать ей навстречу, а только брал под козырёк. Вскоре автомобиль свернул в узкий боковой переулочек и остановился у высоких серых ворот. По обе стороны, словно крутые скалы, поднимались высокие дома с освещёнными квадратами окон на верхних этажах. Мрак, царивший внизу, разрывали полосы света, исходившие от фар автомобиля и озарившие крутые ступени, когда ворота наконец открылись и автомобиль вкатился во внутренний двор. Сопровождавшие Матвея мужчины одновременно открыли двери и вышли. Молодой человек медлил.

– Выходим, – коротко приказал один из них.

– Куда вы меня привезли? – На улице Матвей окинул взглядом двор.

– К тому, кто послал за тобой, – зубоскаля, ответил другой мужчина.

– Послал за мной? – удивился Матвей, останавливаясь. – Надо было пригласить.

– Да, – рассмеялся первый. – Вы могли не принять приглашения.

– Что это за шутки? – Матвей упрямо не двигался с места. – Если это приглашение, то я пошёл отсюда. – И молодой человек, круто развернувшись, направился к воротам, в которые только что въехал их автомобиль.

– Шутки тут не уместны, – встретил молодого человека точно такой же мужчина, но уже у ворот. – Следуйте за моими коллегами.

Матвею оставалось только подчиниться. От страха его начало трясти. Юноша едва сдерживался, крепко сжимая зубы, чтобы они не застучали. Втроём поднялись по лестнице и вошли в дверь, которую охранял военный с табельным оружием. Затем по внутренней мраморной лестнице с бронзовыми перилами они поднялись на второй этаж и прошли длинным коридором, устланным ковровой дорожкой с широкой красной полосой в центре. Запах от дорожки наполнял весь коридор. Матвей обратил внимание на то, что коридор был узким и весь изрезан дверями по обе стороны. Они свернули вправо, и здесь оказался ещё один коридор, но короче, тупиком которого служили широкие двустворчатые буковые двери.

– Пойду, доложу, – сказал один из сопровождаемых, когда они остановились у этих дверей.

Он почтительно постучал, и изнутри еле слышно ответили. Он распахнул правую створку двери и пропустил Матвея вперёд.

Кабинет, погружённый в полумрак, казался огромным и длинным. В дальнем его конце сидели за столом, подсвеченным настольной лампой. Весь кабинет разрезал пополам такой же длинный стол с приставленными по обе стороны стульями.

– Проходите, молодой человек, – выходя из-за стола, приятным голосом предложили Матвею. Робкими шагами переступая, Матвей направился в глубь кабинета, всматриваясь в того, кто должен был появиться из мрака. Молодой человек чувствовал под ногами мягкую с высоким ворсом дорожку, которая заглушала звук шагов. Ему навстречу вышел невысокий щуплый человек, который в этом огромном зале казался ещё более щуплым и маленьким. Он подошёл к юноше почти вплотную.

– Здравствуйте, – изысканно вежливым тоном сказал мужчина и замолчал, сквозь прищур с нескрываемым интересом рассматривая лицо Матвея.

– Да-а, – только и смог произнести юноша трясушимися от пережлётывающего волнения губами.

– Григорий Иванович, можем быть свободны? – обратился один из провожатых Матвея.

– Да-да, – мужчина кивнул и, борясь с раздражением, отвёл глаза в сторону, махнул пальцами. Матвею показалось, ему даже это было делать лень.

Когда закрылась дверь и они остались одни, мужчина снова устремил на Матвея пытливым взглядом. Матвей начинал успокаиваться и в свою очередь внимательно рассматривал хозяина кабинета. Перед ним стоял слегка сутулый, но с многолетней выправкой старик с ухоженным сытым лицом, почти лысый, если не считать серебристого пушка над ушами. Твёрдая решимость чувствовалась и в холодных беспощадных глазах, и в квадратной нижней челюсти, очертаний которой не смягчила даже гладкая выбритость. На нём был генеральский китель без погонов, но из дорогого, не форменного сукна, с широкими двумя тёмно-синими лампасами. На груди прилепилась широкая, в пять полос орденская планка. Он то и дело касался её длинными белыми пальцами, которые на фоне тёмного хаки казались холодными серебристыми рыбками. Матвей даже почувствовал старческий холод этих пальцев.

– Я слушаю вас, – первым прервал молчание Матвей. Он уже справился со своим страхом, и его стала веселить вся эта история, которую про себя он назвал комедией. – Почему меня насильно привели сюда? Я арестован? За что?

– За что же вас арестовывать?! – спокойно парировал хозяин кабинета. – Вас и задерживать не за что. – С этими словами он резво зашёл за свой стол и нажал кнопку. – Машенька, принесите нам чайку.

– Да, Григорий Иванович, – пропели из динамика селектора.

– Двигайте к себе вон то кресло и садитесь вот сюда, за маленький столик, – мягким тоном сказал мужчина.

– Присаживайтесь, – съязвил Матвей.

– Бросьте эту полууголовную браваду, – отрезал тот. – Она вам не идёт. Именно садитесь

– удобно и поглубже, чтобы мы могли серьёзно поговорить за чашкой китайского чая, а не присаживайтесь как подчинённый на краешек стула, чтобы получить приказание и бежать исполнять.

Матвей обрадовался полумраку в кабинете – лицо его покраснело, а ему не хотелось, чтобы это заметили.

– Все почему-то стремятся достать индийский чай, – продолжал монолог хозяин кабинета, пока они рассаживались у небольшого столика. Маша тем временем расставила чашки, из пузатого заварника разлила чай. – Я же пью только китайский. И только собранный на горных плантациях Тянь-Шаня. Вот и Машеньку научил правильно его заваривать. Правда, Маш, нет лучшего чая, чем китайский?!

Мужчина сказал последнюю фразу таким мягким голосом, что Матвею показалось, тот должен теперь обязательно погладить Машу по попе. Но, по-видимому, старик удержался от своей привычки, а только потёр сухие пальцы в кулаке. Маша не ответила. Она даже не взглянула на начальника. Сложила на поднос ненужные предметы и тихо удалилась. Всем видом показав – эту фразу она слышит каждый раз, когда приносит чай.

– Что касается моего имени, – продолжил он вкрадчивым тоном, – вы уже слышали, зовут меня Григорий Иванович, а фамилия Чукарин. Звание у меня... – мужчина осёкся и тут же поспешил исправиться. – Бог с ним с этим званием. Мы же встретились побеседовать по-товарищески. Какого ведомства, ты, я думаю, уже догадался. Парень ты разумный, поэтому я приступлю сразу к предмету, который побудил наше ведомство заинтересоваться твоей персоной.

– Не понимаю, чем я мог бы быть полезным, – нерешительно начал Матвей, но, собравшись с силами, коротко выпалил: – Доносить ни на кого я не стану.

– Этим заниматься и без тебя охотников достаточно, – улыбнулся собеседник. – Поверь мне, добровольцев много. Я хотел бы предложить тебе своё покровительство, и лучше бы ты с самого начала знал, я могу и готов поддержать тебя.

– Но в чём? – не понимал Матвей. – Вместо меня экзамены будете сдавать или резать трупы в морге?

– Не-ет, – Чукарин с интересом посмотрел на собеседника, но, не разглядев в его глазах лукавства, продолжил: – С этим ты сам справишься. Профессора тебя хвалят. Говорят, у тебя золотые руки. Будешь большим хирургом. Это похвально, – хозяин кабинета задумался на мгновение и снова потёр пальцы. – Я хочу помочь тебе в другом. – Чукарин опять выдержал паузу, на этот раз, чтобы изучить выражение лица собеседника, и снова не увидел даже иронии в глазах. Матвей, и правда, не понимал, чего от него хотят. – Хорошо, будем говорить на прямую. Ты собираешься в Казахстан.

– Ну и что? – не переставал удивляться Матвей. – Откуда вы знаете? А-а, всё эти добровольцы.

– Не без их помощи, – не стал скрывать Чукарин. – С какой целью ты туда едешь?

– Собирать гербарий для нашей кафедры ботаники, – отчеканил Матвей.

– Пра-авильно, – протянул Чукарин. – Так всем и говори.

– Но это так и есть, – растерянно улыбнулся молодой человек.

– С моим влиянием я мог бы оказать тебе содействие там, – сказал собеседник, пропустив мимо ушей ответ Матвея. Например, если ты захочешь с кем-либо встретиться.

– Зачем? – Матвея удивляла навязчивость хозяина кабинета, и он решил действовать самым проверенным способом: хочешь что-то спрятать – положи на видное место, хочешь увести врага от своей тайны – расскажи о ней всем. – Это не секрет. Я планирую встретиться с одним лекарем и посмотреть на книгу. Старинный лечебник...

– Жёлтый император? – перебил Чукарин.

– Да, – юноша всё ещё не понимал, чего от него добиваются. – Вы хорошо осведомлены.

– Я не сомневаюсь, у тебя получится. Ты не хотел бы иметь такую книгу?

Матвей начал догадываться, его собеседник был как минимум генералом – об этом свидетельствовали и кабинет с бесшумными ковровыми дорожками, и Маша с китайским чаем, и те двое сопровождаемых, и то, как они все беспрекословно ему подчинялись. Но раз он скрыл своё звание и должность, Матвей не собирался оказывать ему почтение, на которое давало право его положение.

– Я бы не возражал, – начал Матвей, – но тут хотя бы взглянуть на эту книгу. Её никто не видел. – Матвей догадался, к чему подводит его сидящий напротив Чукарин. – Может, нет никакого Жёлтого императора? Миф!

– Ты ошибаешься. Жёлтый император есть, – задумчиво проговорил Григорий Иванович. – И ты за ним едешь.

– Думаю, это так! – сказал Матвей совершенно искренне. – Однако надежд мало.

– Во всяком случае, с твоей устремлённостью ты можешь его заполучить.

– Хотите сказать, украсть? – изумился Матвей, догадка за догадкой нагромождали его осознание происходящего. – Это шутка? Украсть Жёлтого императора? Не-а, я не буду воровать. С вашими возможностями вы и сами можете заполучить его.

– Да, да, мог бы, – задумчиво проговорил Чукарин, устремив взгляд в окно. – Только не смог. Прячут они его. Так прячут, что ничего не получается.

– Если это не шутка, то вы ошиблись адресом, – отрезал Матвей.

– Ты встречался с Петром Артамоновичем, – начал медленно Чукарин. – Он показывал тебе украденную им страницу из Жёлтого императора. Ты собираешься достать для него эту книгу. Может быть, мы кончим играть в прятки и выстроим общий план операции?

– Хорошо, предположим, это правда, – Матвей поперхнулся, к такому повороту разговора он не был готов. – Так что же вам нужно?

– Мне нужна эта книга. И ты привезёшь её мне. – Перехватив взгляд Матвея, он тонко улыбнулся. – Если нужны деньги на дорогу и прочие расходы, я всё оплачу. Обеспечу поддержку и на месте. В ней ты будешь нуждаться. Дело-то непростое.

– Что взамен? – осторожно поинтересовался молодой человек.

– Вижу перед собой не юнца, а мужа, – довольно воскликнул Чукарин. – Профессор останется на свободе. Ты окончишь вуз с отличием и получишь кафедру, клинику, что пожелаешь. – С неожиданной легкостью собеседник поднялся на ноги и включил общий свет в кабинете. Затем он подошёл и отодвинул стенной шкаф. За его задней стенкой скрывался сейф. Хозяин кабинета что-то достал оттуда и, подойдя к Матвею, протянул.

– Что это?

– Вот тебе пятьсот рублей, – пояснил Чукарин. – А это микрофотоаппарат. Пользоваться им очень просто. Потянул в разные стороны и сомкнул – кадр сделан.

– Зачем он мне?

– Если не получится заполучить книгу, тогда попробуй хотя бы сфотографировать. – Чукарин говорил так, будто они уже обо всём договорились. Матвей с трудом сдерживал своё возмущение. Его злил этот беспардонный шантаж, но чувство страха усилилось, потому он медлил, не находя, что ответить.

Хозяин кабинета молча ожидал. Для него разговор был окончен, и он готов был выслушать ответные предложения.

– Хорошо, – сказал Матвей. – За всем этим я приду перед отъездом.

– Забирай сразу.

– Нет, – отрезал Матвей. – Я живу в общежитии, и мне не нужны неприятности. К тому же обворовать могут.

– Хорошо, – хозяин кабинета усмехнулся, и от этой усмешки Матвей похолодел. – Разумно. Только не думай обмануть меня.

Чукарин продолжал смотреть, не мигая, на молодого человека. Матвей увидел в его глазах, – тот разгадал его хитрость, но отступить было поздно.

– Вот мой номер телефона, – склонившись над столом, Чукарин записал номер и протянул Матвею. – Тебя проводят.

Когда Матвей вышел на улицу, у входа стояли те двое сотрудников, которые доставили его сюда.

– Мне надо в институт, вы меня отвезёте? – с ехидцей в голосе спросил Матвей.

– Ничего, сам доберёшься, – огрызнулся один из них. – Вон выход. Смотри, не споткнись.

Глава третья Тайный отъезд

Когда Матвей на следующий день торопливо шёл по коридору института, направляясь на кафедру к своему наставнику, профессору Пышкину Петру Артамоновичу, его остановил мужчина в штатском. Можно было подумать, он подстерегал молодого человека, прячась за шкафами экспонатов. Протянув руку поздороваться, он словно преградил юноше дорогу.

– Молодой человек! – у него был удивительно низкий голос, казалось выходящий из самой груди. – Вам просили передать.

– Что это? – настороженно глядя на небольшой пакетик, Матвей не спешил его принимать, ожидая объяснений.

– Взгляните сами.

Матвей развернул пакет и похолодел. Он оглянулся, тревожным взглядом окинув всё вокруг. К счастью, в коридоре никого не было.

– Я же сказал, зайду сам, перед отъездом, – возвращая пакет, ответил он спокойно. – Пока поездка откладывается... И вообще, можете передать – я могу передумать ехать. И никто меня не заставит, – не удержавшись, добавил он.

– Будь моя воля... – зло заиграв желваками, процедил незванный визитёр. – Я бы с тобой, гадёныш, поговорил по-другому.

– Это правда, – насмешливо бросил Матвей. – Но пока воля ваша ещё не наступила, дайте мне пройти.

Хоть и потряхивало от волнения, но Матвей с улыбкой на лице следовал дальше по коридору, спиной ощущая, как незнакомец глазами буравит его вслед. Сердце у юноши колотилось, и он осознавал от чего – от страха. У кабинета профессора он замешкался, но только для того, чтобы был повод естественно оглянуться. Коридор был пуст, и Матвей с облегчением вздохнув, постучал.

– Вы откуда идёте? – профессор встретил вопросом своего студента.

– Как откуда? – удивился Матвей. – С лекции.

– Почему ходите по улице во врачебном халате?

– Извините профессор, спешил, – оправдался молодой человек.

– Сколько раз я повторял? Врачу недопустимо выходить на улицу в халате. Выходя на улицу – снимите халат. Врач, бегающий по улице в халате, а потом идущий в этом же халате к больным – преступник!

– Вы же говорили, врач с сигаретой – преступник, – развеселясь, парировал Матвей. Молодого человека забавляла категоричность наставника, хотя в душе он был согласен с ним.

– Это одно и то же, – невозмутимо заключил профессор. – Врач с сигаретой преступник, но и врач, который в белом халате выходит на улицу, а затем идёт к больным, вдвойне преступник. Давайте к делу, – видя сияющее лицо своего студента, предложил профессор. – Но прежде, халатик сбросьте вон туда в корзину, в стирку.

Профессор и студент закрылись на ключ и побеседовали до самых сумерек. Пётр Артамонович доставал папку за папкой и показывал копии, сделанные им из разных источников, в которых упоминалось о Жёлтом императоре.

– Запомните, молодой человек, – убедительным тоном, увещевал профессор, – есть две или три псевдокниги. Я изучил фотографии обложек всех попадающихся в научной литературе

экземпляров и не нашёл ни одного отличия. Вам придётся руководствоваться своим чутьём. По правде говоря, никто из источников не может утверждать, что видел её лично.

Наклонившись над столом, Матвей внимательно следил за указательным пальцем профессора, скользившим по кальке. К его величайшему огорчению, палец, монотонно переходил от рисунка к рисунку, не останавливаясь ни на каком важном элементе.

– Придётся ехать поездом, – завершая разговор, сказал профессор.

– Дорога займёт много времени, – Матвей покачал головой. – А его катастрофически не хватает. Полечу самолётом.

– Если немного задержитесь, я прикрою в деканате, – заверил профессор. – На поезде вас не смогут отследить. Все авиабилета именные. Ваши покровители сразу узнают, куда, когда и кто улетел.

– Может, и не скрывать? – Матвей пристально посмотрел на профессора. – Взять у них деньги, фотоаппарат. Если не удастся заполучить Жёлтого императора, то хотя бы сфотографирую. Распечатаем снимки и для себя.

– В том фотоаппарате специальная плёнка, – возбуждённо зашептал профессор. – Вы придёте в фотоателье с секретным фотоаппаратом и скажет – проявите мне тут секретную съёмку. Так что ли? Сразу загремите куда следует.

– Пожалуй, вы правы, – уныло согласился Матвей, чувствуя, как подкатывает новый приступ страха.

– Давайте ещё раз пройдем по вашей легенде, – предложил профессор. – Вы приезжаете в Алма-Ату и поселитесь на пару дней у моего давнего приятеля по институту, доктора Тагашева. Вот для него письмо. Затем отправитесь на космостанцию и разобьёте лагерь в её окрестностях. Будете собирать растения. Разверните бурную деятельность. Много записывайте. Записывайте всё, что будут рассказывать местные. Верёвку не забыли?

– Взял, – задумчиво покачал головой Матвей.

– Натяните верёвку и сушите растения на ней. Побольше навешайте растений.

– Я газетами запасся, – уточнил юноша. – Растения для гербария не сушат на верёвке.

– Для гербария сушите как надо, – нервно замотав головой, согласился профессор. – Обязательно собирайте больше растений и часть из них сушите на верёвке.

– Зачем? – не понимал Матвей.

– Так вы быстрее привлечёте к себе внимание.

– А что дальше? – засомневался молодой человек. – Если лекарь не даст о себе знать?

– Даст, обязательно даст, – заверил профессор. – Когда я приехал на практику много лет назад, молва сразу обошла округу, что приехал доктор из России, так он пришёл под видом больного.

– Когда это было?! – усомнился Матвей. – Может, он уже умер и валяется этот ваш Жёлтый император среди книжек его внуков, а то и вообще сдали в макулатуру.

– Если бы сдали в макулатуру, то об этом уже знал бы весь мир, – уверенно сказал профессор.

– С какой это стати?

– Вы думаете, макулатуру собирают дураки? – усмехнулся профессор. – Эти проходимцы умнее нас с вами. К тому же, тот, кто вывез книгу из Китая, чтит традиции, а значит, передаёт их из поколения к поколению.

– Время меняет людей. Я вот не чту традиции предков, – с иронией проговорил Матвей. – Вы много чтите традиции вашего деда? А ваши дети – чтят ваши традиции?

– Мы разные народы, – задумчиво сказал профессор. – Мы народы из разных культур. И хватит на этом.

Затем они стали обсуждать все подробности предстоящего путешествия. Было решено, Матвей сядет на поезд до Баку, а там переправится на пароме через Каспийское море до Красноводска. Это займёт больше времени, чем на самолёте, но зато не будет привлекать к себе

внимание. К тому же такой способ позволял быть уверенным, что удастся выехать тайно. А это имело большое значение, потому что профессор был уверен, появившиеся покровители так просто его молодого путешественника не отпустят.

– У меня лечится одна женщина, – неожиданно заговорил шёпотом Пётр Артамонович. – Кажется, её муж – машинист. Я могу с ней поговорить, чтобы он взял вас к себе на паровоз. Тогда не придётся покупать билет. Экономия!

– На поезд продают билеты не именные же? – усомнился в излишней конспирации наставника Матвей. – Как проверишь? Сотни пассажиров едут в Баку. Это же не запрещено? Там вообще легко потеряться.

– Так будет лучше, – отрезал профессор, и Матвей не стал больше спорить.

Вопрос о том, как подобраться к Жёлтому императору, если Матвею всё же удастся возбудить интерес лекаря и тот объявится, и главное, как поступят с самой книгой и сколько пользы она принесёт людям, они уже не раз обсуждали раньше. Разговор всегда прекращался, как только они подходили к самому важному – как забрать Жёлтого императора? Профессор был человек щепетильно-честный и сразу отказался даже обсуждать возможность получить Жёлтого императора с помощью физического воздействия. Однако Матвей заметил, в душе Петра Артамоновича происходила нелегкая борьба. Он и сам уже не раз задумывался над этой задачей с множеством неизвестных. Быть может, такое воровство на самом деле не будет воровством? Терзал его душу вопрос.

– Разве кто-нибудь, и даже этот лекарь или, чего ещё хуже, ваш предполагаемый генерал ГКБ, имеет право лишать мир драгоценных знаний? – воспалился профессор, начиная нервничать только от мысли, что толкает молодого, талантливого, будущего хирурга на преступление. – Сколько зловещих экспериментов над людьми они провели в своём ГУЛАГе? Мало? Теперь им Жёлтого императора подавай!

– Не думайте об этом, Пётр Артамонович, – успокаивал наставника Матвей. – Решу, как поступить, на месте и по обстоятельствам.

– Только никаких крайностей, – кладя обе руки на руки Матвея, профессор заглядывал в глаза молодому человеку.

– Никаких. Обещаю, – уверенным тоном заверил Матвей.

Для себя он решил, когда настанет время, тогда он примет единственно разумное решение. И какое бы решение он тогда ни принял, он примет его по собственному разумению и на собственную ответственность. А пока надо было заняться более неотложными делами по подготовке.

– Хорошо, – поднялся Матвей, собираясь уходить, и, чтобы отвлечь профессора от мрачных мыслей, сказал: – Договаривайтесь с машинистом. Поеду на паровозе.

– А если они установили слежку за вами? – задумчиво предположил профессор. – Ведь появился вот это в институте?!

– Попробую быть осторожнее, – заверил Матвей, но сам не представлял, как это сможет сделать.

– Я придумал! – воскликнул профессор. – Ваши вещи надо заблаговременно доставить на паровоз. Я договарюсь об этом со своей пациенткой. Её муж поможет нам в этом.

– А смысл? – не понимал Матвей. – Мне всё равно придётся идти на паровоз. Если следят, то и так выследят.

– Так-то оно так, но одно дело, если вы вышли из общежития с рюкзаком, а другое дело следить, если вы вышли в магазин за молоком. Нам надо хотя бы попытаться как-то сбить их с толку.

– Дураков там не держат, – Матвей нахмурился. – Делайте, как знаете.

По настоянию профессора Матвей перенёс всё своё снаряжение к нему в кабинет и там собирал рюкзак. Сам же профессор взял на себя доставку в кабинет сеток и зажимов для гербария. Когда всё было готово, машинист назначил день отъезда.

И вот вечером в воскресенье, не прощаясь с сокурсниками, чтобы не давать повод, Матвей налегке вышел из общежития, словно собираясь на дискотеку. С ним увязалась пара студентов со стоматологического факультета. Они оказались кстати, поскольку Матвей последние несколько дней присматривался ко всем подозрительным автомобилям, вдруг, как ему казалось, появившимся на территории студенческого городка. Юноша не сомневался, общество парней, а затем и девушек, присоединившихся к ним, рассеет всякие подозрения соглядатаев, если к нему их приставили.

Матвей, впрочем, решил действовать наверняка и придумал план, как избавиться от возможной слежки. Он много раз мысленно обследовал все помещения дискотеки и как сможет беспрепятственно пройти через запасной выход. Когда они вошли в бурлящий молодежьей танцзал, Матвей сразу же устремился в самый дальний конец, к запасному выходу.

– Эй! Куда направляемся? – прокричали у самого уха Матвея и грубо схватили его куртку.

Если бы Матвей не спешил, и не стремился поскорее покинуть дискотеку, то грубиян получил бы своё, но в этих обстоятельствах, конфликт был не уместен.

– Хочу покурить выйти, – объяснил Матвей.

– А-а? – миролюбиво сказал грубиян. – Может, подкинуть косяк?

– Нет, не надо.

– Ну смотри, – уже вяло проговорил страж дверей. – Сейчас выпущу. Захочешь зайти, стукни два раза. Да посильнее.

– Хорошо, – кивнул Матвей, пристально посмотрев на парня. Тот показался ему даже симпатичным.

Оказавшись в глухом дворе, Матвей быстрым шагом пошёл вдоль стены, прячась в тени и то и дело оглядывался. Через несколько минут он убедился, за ним никто не следует. Он быстро дошёл до ближайшей остановки и вскочил в первый подошедший троллейбус. Самое подходящее время любоваться небом, подумал он, успев взглянуть на звёздный небосвод. Сейчас Матвею хотелось, чтобы было, чем темнее, тем лучше. За остановку от вокзала он вышел, решив остаток пути пройти пешком. Как ни нагонял на него страху профессор, да и сам Матвей отдавал себе отчёт в том, что, решившись обманывать Чукарина, он пошёл по лезвию, но всё равно пребывал в превосходном расположении духа – возможно, потому, что ждал этой поездки целый год. Он неоднократно ходил этой дорогой в отстойник депо. Через депо проходила дорога к товарной зоне, на которой студент Матвей Шпагин с товарищами подряжались разгружать вагоны.

Прошло всего несколько минут, прежде чем Матвею удалось разыскать состав, отправляющийся в Баку.

– Вы Иван Иванович? – вполголоса спросил Матвей, когда на его стук из окна локомотива выглянул мужчина. – Можно?

– Иван Иванович! – крикнул внутрь тот. – Кажется, твой гость пришёл.

– Чего кричишь? Говори, пожалуйста, тише, – вытирая тряпкой руки, появился и сам Иван Иванович. – Как звать?

– Матвей.

– Ну, ну, – машинист застыл в окне и не спешил скрываться, чтобы открыть дверь, изучающе оглядывая пассажира в неверном свете фонаря. Он не сомневался, что его тайный отъезд связан с какой-то неблагоприятной проделкой или нежеланием служить в армии, и, казалось, ничто не могло переубедить старого служаку. Он согласился взять с собой пассажира только под нажимом жены.

– Ладно, сейчас открою, – недружелюбно глядя на путешественника, согласился машинист. – Забирайся. – И протянул руку, чтобы юноша мог уцепиться. – Я тебя и жду. Вещи уже здесь.

– Я сам, – огрызнулся Матвей. Юноша догадался о подозрениях машиниста и внутренне негодовал.

– Гордый! – усмехнулся Иван Иванович. – Чего ж тогда бегаешь?

– Кто сказал, что я бегаю? – вызывающе уставился на машиниста Матвей. «Этот мог бы оказаться информатором спецслужб, – мелькнула тень подозрения у Матвея, и он сразу пожалел, что поддался на страхи профессора. – Надо было ехать как все пассажиры, – корил он себя. – Что бы они со мной сделали в поезде, на людях?»

– Касса, вон, бери билет и езжай с комфортом, – с иронией проговорил машинист.

– Зря вы так, – Матвей решил умиротворить ситуацию. – Я студент мединститута. Очень захотелось проехать на электровозе. Почувствовать, как это быть машинистом. Еду с экспедицией на Тянь-Шань, собирать гербарий для нашей кафедры ботаники. Вот профессор Пышкин и упросил вашу супругу, чтобы помогла.

– А-а-а, – расплылся в добродушной улыбке машинист. – Я, было, решил дезертир. Петра Артамоновича знаю. Во! Мужик! Светлая голова. Проходи, всё покажу. Ночевать будешь здесь, – раскатав тоненький матрац на кушетке, показал Иван Иванович. – Извини, у нас не эс-вэ.

– Спасибо! Я именно так и хотел, – довольный тем, что всё обошлось, Матвей осмотрел внутренности электровоза.

– Свой перегон мы пройдем, а дальше я поговорю со сменщиками и они тебя заберут, – сказал машинист. – Сергей! Докладывай диспетчеру. График. Поехали. – Из-за шума в машинном отделении, машинисты разговаривали друг с другом крича. – А ты надолго в экспедицию? – по-свойски обратился к Матвею Иван Иванович, видно и в самом деле успокоившийся в своей подозрительности.

– На месяц, планирую, – Матвей так же повеселел. – Лет восемь назад я уже ездил по этому маршруту, – улыбаясь, сообщил он. – Только в товарном вагоне.

– Что так?

– Сбежал из интерната. Хотел Ключевские сопки посмотреть.

– Любознательный был? – машинист и напарник восторженно посмотрели на пассажира.

– Да, – усмехнулся Матвей. – Нам привезли в интернат фильм о Камчатке. Вот я и загорелся. Подготовились с другом, но он в последний момент струсил, а я решил всё-таки доехать и посмотреть.

– Далеко доехал?

– До Семипалатинска.

– Ух ты! – присвистнул помощник. – Как это тебе удалось? Это же надо было Каспий перемахнуть?

– Хорошо подготовились. В пятницу сказал в интернате, что еду домой, а неделей ранее, дома, сказал, что на выходные останусь в интернате, мол едем в колхоз, собирать яблоки.

– Хитёр! – воскликнул Иван Иванович.

– И как же? – загорелся от любопытства помощник.

– Никак. Доехал до Семипалатинска, а там поймали, – Матвей смутился, но решил рассказать. – Изголодавший, грязный, я стоял на набережной и крутил дули на ту сторону реки.

– Зачем это? – искренне удивился помощник.

– Когда я брёл по набережной, то видел как мальчишки показывали пальцами на другой берег и говорили, что там работают китайцы. Оказалось, с той стороны уже была территория Китая. Тогда это известие привело меня в такой восторг, что я ничего более умного не смог придумать, как покрутить им фиги. Тут меня и поймали. Так больно схватили за ухо, думал, оторвут. Приволокли в милицию, а там моё фото расклеено.

– И что дальше? – с любопытством смотрел на рассказчика помощник машиниста.

– А что дальше? Повезло с милиционером. Он забрал меня к себе домой. Жена его отстирала, отмыла от вагонной сажи и грязи. Накормили и оставили у себя пожить недельку, потом вернули в интернат.

– Ладно, парень, – дружелюбно сказал машинист. – Располагайся и поспи, если получится. Грохот у нас сам понимаешь, производственный.

– Ничего, – кивнул Матвей. – Мне приходилось спать под сценой, на которой играл ан-

самбль.

Иван Иванович уныло следил, как управляемый им локомотив медленно затягивает состав в кружную петлю.

– Гляди! – позвал он Матвея, указывая в окно.

Справа горел огнями Краснодар. Но почему-то это никак не обрадовало нахмурившегося юношу. Внутри стоял такой грохот, что ночь за окном казалась тихой. Впереди, освещённые прожектором, бежали шпалы. Налетел семафор, уставившись красным оком.

– Серёга! – вяло позвал машинист. – Запроси диспетчера, что там у них делается? Это же наш график.

– Иван Иванович, – отозвался тот. – Сейчас переключат. Наверно, диспетчер заснул.

– Диспетчерская! Просыпаемся! – рявкнул машинист в трубку и подмигнул Матвею.

– Никто не спит, – отозвались в динамике. – Шестидесятка, следуете графиком. Расчётное время – двадцать три семнадцать.

– Вот видите, – усмехнулся помощник, – вот вам и синий зажёгся.

Поезд набрал ход, и вскоре город, расположенный на обоих берегах Кубани, скрылся из виду. Матвей устроился на кушетке. Одолевающие тяжёлые воспоминания испортили ему настроение. Какая-то странная тоска пронизала его. Он на всю жизнь запомнил ту поездку на Дальний Восток. Опершись спиной о дрожащую стенку, Матвей невидящим взглядом смотрел на управляющих этой машиной двух людей и погрузился в прошлое. Ему было четырнадцать лет. Учебный год только начался. Он тосковал по бабушке, по вольной сельской жизни. Свежесть впечатлений после каникул ещё не развеялись. Хотелось событий. Тогда он всё равно не стал бы убежать, если бы не эта история с раскопками замка. Перед глазами Матвея яркой картиной встали события тех дней.

Глава четвёртая

На раскопках замка

На футбольном поле школы-интерната, расположенного на территории крупнейшего в Европе плодово-ягодного совхоза «Сад-Гигант», мальчишки гоняли в футбол.

Сад-Гигант развернули на чернозёмных просторах житницы России – Краснодарского края, в пригороде Славянска-на-Кубани. Центральная усадьба совхоза вписывалась в черту этого небольшого казачьего городка, некогда называвшегося – станицей Славянской, и была связана с ним самой длинной улицей Школьной, проходившей через весь город и совхоз и своим маршрутом повторяющей очертание берега реки Протока, самого крупного рукава реки Кубань. Судить о длине этой улицы можно было по номерам домов. Если на всех остальных улицах номера едва доходили до четвёртой сотни, то нумерация домов по Школьной – перевалила за тысячу.

Совхоз приютил интернат на своих землях и шефствовал над ним – привлекая ребят к сельхозработам, а взамен вознаграждал их свежими фруктами, овощами и ягодами, а зимой консервацией и компотами. Сам интернат наполнялся разношёрстной публикой. Здесь находились на содержании и сироты, и дети, чьи родители были лишены родительских прав, и дети из многодетных семей, и дети матерей-одиночек. Воспитанники интерната доставляли много хлопот местным жителям. Те в свою очередь недолюбливали интернатовцев. Эта нелюбовь имела основания. Бродяжничающие интернатовские мальчишки подворовывали, шкодили, задирались к ребятне. Между собой жители называли интернатовцев – инкабаторскими. Прежде всего потому, что те были одеты одинаково, но иногда, вкладываясь и пренебрежительный смысл с подтекстом. Интернатовцы тоже недолюбливали совхозных, а сверстников из местных называли – домашняками. Домашняки и интернатовцы частенько устраивали массовые потасовки в парке совхозного стадиона.

В этот день Матвей с друзьями – Юркой Серебрянским, Димкой Мезенком и Юркой Окошниковым, сидели на заборе и освистывали прохожих. Под их острые языки попала и группа старшеклассников, возвращающихся из школы. Завязалась словесная перепалка. Тут-то Матвей и выкрикнул:

– Домашняки! Вызываем вас на поединок! Слабо?

– Сопляк! Слезай с забора и иди сюда! – отозвался высокий толстяк.

– Шман, оставь их, – дрогнувшим голосом зашипел на друга Димка Мезенок, но Матвея было уже не остановить.

– Давай иди сюда сам! – орал на всю округу Матвей, раскачиваясь на гребне забора и балансируя руками. Он продолжал удерживать равновесие даже тогда, когда домашняки подошли к ним.

– Слышь, толстяк, – орал с забора Матвей, – слабо в футбол, четверо против семерых?

Толстяк попытался ухватить дерзкого пацана за ногу, но тот ловко шёл по краешку, размахивая руками и не отрывая глаз от забора, продолжал орать во всю глотку.

– Обоссались!

Старшеклассники посоветовались и приняли вызов.

– Ну, давай, только до двух голов, – объявил условия толстяк. – И смотри мне, выиграем, я тебе физиономию начищу.

При таких обстоятельствах и началась игра. Сторонний наблюдатель мог по одежде игроков догадаться – играла команда интернатовцев и совхозных ребят. Интернатовцы в одинаковых рубашках и брюках. И, хоть их было на три человека больше, но совхозные ребята играли уверенней своих противников, к тому же, они все были старшеклассниками.

То, что домашняки пришли на стадион интерната, было из ряда вон выходящим случаем. Прежде всего, они побаивались, – непрошенного гостя могли жестоко избить, но им и запрещалось. Так же как и интернатовцам запрещалось покидать свою территорию.

Домашняки быстро пропустили гол в свои ворота и, им пришлось повозиться, чтобы сравнять счёт, а спустя некоторое время забить и ещё один гол. Долго счёт держался 2:1, и никто из сторон никак не мог забить. В очередной атаке на ворота интернатовцев завязалась потасовка между верзилами из местных и Матвеем – щуплым на вид, но крепким малым и, что особенно разозлило домашняков, юрким. В неравной весовой борьбе интернатовец был сшиблен с ног и кубарем покатился по траве. Падая, он так сильно ударился головой, что все игроки услышали подземный гул.

– Вот у него башка пустая! – сказал кто-то из гостей и все рассмеялись.

Лежащий на земле Матвей, обхватив голову и едва сдерживая слёзы от обиды – смеялись вместе с домашняками и свои же друзья, – послал того куда подальше.

– А ну, что сказал!? – взревел домашняк Никита, грузный малый, с чёрными усиками, окаймляющими верхнюю губу.

Лучше бы Матвей не поднимал глаза, они выдали его – он струсил. Двое домашняков грозно стояли над ним, не давая даже подняться. Он знал их в лицо: хвастливые забияки из совхозной школы. Если и возникали какие-то совместные занятия или игры, в основном футбол, то всегда заканчивались массовой дракой. Вот и сегодня вечером Матвей с друзьями вышли после ужина поиграть в футбол, но настроения не было. Случай свёл их с домашняками. Может всё обошлось бы, если бы Матвей не стал задираться. Лучше не вызывать их на ссору, хоть интернатовцев было больше, но домашняки все – старшеклассники и силы были неравны. Димка Мезенок сердечник, он вряд ли полезет в драку. Нельзя рассчитывать на Юрку Оконешникова, да и на остальных. Оставались, реальными бойцами он сам и Юрка Серебрянский. Серебро крепкий малый, но Матвей знал, и на него нельзя положиться. Уже не раз было, когда они вдвоём ввязывались в драку, а отдувался за обоих Матвей. Дело в том, что у Юрки слабый нос и после первого удара из него, начинала литься кровь. И, как это не раз бывало, Юрка отходил затирать кровь, а противник всеми силами накидывался на Матвея, у которого ни нос, ни что другое не спешило кровоточить, чтобы спасти хозяина от сильного избиения.

Обида распирала Матвея. Больше всего он злился на друзей, которые наравне со всеми ржали над ним.

– Толстозадый! – поднимаясь на ноги, крикнул Матвей отбегающему домашняку. – Ну, что, выйдем один на один?

– Ах ты, сопляк! – взревел тот и с грозным видом направился к Матвею. – Теперь держись!

Домашняк Никита подступил к Матвею и собрался сграбастать того в охапку. Никто не

заметил, что произошло, но неожиданно он остановился, лицо его побагровело и, западая на левую ногу, толстяк завалился на газон. От сильной боли он не мог даже крикнуть и, обхватив колено, катался по траве. Все оторопели, переводя глаза от толстяка, катающегося по траве на застывшего Матвея, который с жатыми кулаками, исподлобья озирал присутствующих. Он видел – толпа испугалась, и решил действовать. Стремительно подскочив к толстяку, с силой ударил его ногой по физиономии. Только теперь толстяк смог разразиться истошным криком:

– Помогите!

Никто не сдвинулся с места, а Матвей продолжал озлобленно колотить ногами лежащего, каждый раз стараясь угодить в лицо.

С другого конца поля к дерущимся бежали воспитатели и несколько старшекласников. Увидев подмогу, друзья кинулись к Матвею и попытались его скрутить, но не тут-то было. Удары кулаков посыпались и на их головы. Едва не оказавшись схваченным физруком, Матвей пустился наутёк.

Димка Мезенок и Юрка Серебрянский нашли Матвея в их тайном месте – в землянке, которую вырыли ранней весной на берегу реки Протока.

– Шман! Ты тут? – Юрка наклонился и на корточках пролез внутрь.

– Чего пришли? Предатели! – огрызнулся Матвей.

– Дим, он здесь, – не обращая внимания на обиду друга, Юрка выглянул из землянки: – Давай сюда! Физрук сказал, тебя вышвырнут из инкубатора, – уже снова Матвею, адресовал Юрка.

Матвей рассмеялся, но, когда заговорил, в его голосе прозвучала резкая нота.

– За что? За то, что набил морду домашняку?

– Шманина, привет! – расплывшейся физиономией протянул Димка, пролезая в узкую щель землянки. Матвей невольно сжал кулаки. Ему очень хотелось съездить по этой довольной физиономии, но сдержался – всё-таки это были его друзья.

– Ты же знаешь, преподы не одобряют драк с домашняками, – продолжил примирительным тоном Юрка. – Но не в этом дело... Ты сильно избил толстяка. Его родители пришли. Были у директора и сказали, напишут заявление в милицию.

– Директриса согласилась, что тебя надо судить, – добавил Димка.

– Могут в спецшколу отправить, – поддержал друга Серебро. – Я там целый год провёл. Это ужас!

– Что ты там делал? – не поверил другу Матвей.

– Я же два года просидел в первом классе, – начал Серебрянский.

– Как два года? – удивился в свою очередь Димка.

– Ну да, – утвердительно кивнул Юрка. – Меня привезли в этот инкубатор инспекторы из опеки и сдали. Я решил – не буду учиться и стал придуриваться полумумком. Вот меня и отравили в специнтернат.

– Ух ты! – воскликнул Димка, слушавший рассказ друга с широко раскрытыми глазами.

– Дурак! Через месяц там взвоешь. Решил, хватит придуриваться, пора сматываться, а мне говорят – нет, теперь только через год и то, если экзамен выдержишь. Я давай орать – я нормальный, я просто придурился, а они укол мне, один, второй. – Юрка посмотрел на друзей. – Так я оказался с вами снова в первом классе. Вон смотрите, – и он подвернул рукав выше локтя.

Друзья уставились на испещрённую мелкими шрамиками Юркину руку.

– Что это? – первым не выдержал Димка.

– Лечили от придури, – застёгивая рукав, объяснил Серебрянский.

Его желание испугать вывело Матвея из себя: он не выносил паникёрства и не умел терпеливо выслушивать всякие страшилки, когда надо, наоборот сосредоточиться и принять верное решение. Уже не думая о последствиях, он вскочил, оттолкнув руку друга.

– Сейчас обосрись от ужаса – начал он с мягкой насмешкой. – Надо будет, и в спецшколу отправлюсь. Не слабее тебя, не думай, выдержу.

– Матя, ты чего? – испуганно прошипел Юрка. – Я так, поделился с вами, как с друзьями.

– Некому за нас постоять, – уверенным голосом заговорил Матвей. – Но, во всяком случае, мы уже не дети. Мы все здесь взрослые люди, которым уже исполнилось четырнадцать лет, а кому-то и пятнадцать.

– Ну и что? – Димка Мезенок не понял, к чему ведёт Матвей, и поспешил струсить.

– И мы живём в двадцатом веке, а не в рабовладельческом строе и сможем отстоять правду. Я много читал, как людей наказывали несправедливо, как многие умные люди отказывались от своих убеждений, только чтобы выжить. Я не такой.

В землянке наступило молчание. Друзья задумались над сказанным. Матвей искося поглядывал на них и оттого, какие мрачные физиономии он видел, внутри распаялся ещё сильнее.

– Ладно! – неожиданно сказал Матвей, едва сдерживая бурлящий в нём восторг. – Есть идея. Когда я упал, то сильно ударился головой.

– Мы слышали, – расплывшись ехидной улыбкой, произнёс Серебрянский.

– Я потом лежал, – Матвей взглянул на того грозно, и продолжил, – и скрёб траву. Под травой наткнулся на кирпич. Я сначала решил, это простой кирпич, но выковырять его не получилось. За ним следовал другой. Это стена, которая уходит глубоко под землю.

– Ну и что? – разочарованно протянул Димка.

– Ты помнишь, историчка рассказывала, на нашей территории был замок? – распаялся сильнее Матвей.

– Ну, был... – неуверенно согласился Димка.

– Ну, был, – передразнил друга Матвей.

– Говори толком, – поддержал его Юрка. – Ты думаешь, это тот самый замок?

– Думаю, да, – уверенно заключил Матвей.

– Давайте расскажем нашей историчке, – предложил Димка.

– И что? – в голосе Матвея зазвучало разочарование.

– Она скажет директору, та даст команду раскопать, – рассудил Димка.

– Да-а, тогда все лавры достанутся директору и историчке, – усомнился в предложенном плане Серебрянский.

– Правильно Юрка! – кладя руку на плечо друга, согласился Матвей. – Нам надо самим раскопать, а потом, когда всё откроется, пригласить директора и объявить – вот любуйтесь, мы нашли. Конечно, мы не будем возражать, чтобы хвалили весь инкубатор, но все лавры нам.

– Главное, пригласить кого-нибудь из археологического музея, – добавил Юрка. – Тогда точно никто не присвоит себе наше открытие.

– Так и сделаем, – решительно вставая, сказал Матвей. – Надо запастись лопатами, стачить у Парамона лом и пару ледорубов.

– Ты, что, собрался до вечной мерзлоты копать? Зачем тебе ледорубы? – Димке Мезенку не нравилась затея друзей, и он попытался ироничным тоном осадить их пыл, но не получилось.

– Ледоруб можно использовать как кирку, а ручка короче, легче работать в траншее, – объяснил Матвей, в уме уже выстроив всю техническую часть раскопок. – На ужине запаситесь побольше хлебом. Придётся работать всю ночь, – выпроваживая друзей, давал последние распоряжения Матвей. – Да, и ещё, – уже им вслед крикнул он, – не забудьте и мне пожрать принести.

Около получаса Матвей прятался в кустах у забора напротив спального корпуса в ожидании, когда друзья спустят связанную простыню. Наконец, стукнула шибка, и в тёмном проёме окна показался Юрка Серебрянский. Едва заметно сползла по стене верёвка, связанная из простыней. Матвей ухватился за конец и натянул. Сначала спустился Димка, а следом и Серебро.

– Чего так долго, – недовольно зашипел на друзей Матвей.

– Да, Любаша до сих пор сидела у дежурной. Муж опоздал её встретить.

– Инструменты приготовили? – Матвей, уверенным шагом пробирался по саду.

– Приготовили, – прошептал Юрка. – Ух! Как ты только дорогу различаешь?

– Ты чего? – погрозил друзьям кулаком Матвей.

– На ветку наткнулся, – потирая голову, объяснил Юрка. – Ладно тебе, все спят, не дрейфь.

Забрав на заброшенном складе инструменты, друзья направились на футбольное поле. Не долго настраиваясь, принялись за работу.

– Матвей! – неожиданно позвал Димка Мезенок. – А если найдём клад, что делать с ним будем?

– Посмотрим, – не отрываясь от работы, отмахнулся Матвей.

– Заберём себе, – уверенно сказал Юрка.

– А можно? – засомневался Димка.

– Кто узнает, что мы его нашли, – с иронией в голосе проговорил Юрка. – Ночь на дворе... Копай давай. Ты его сначала найди.

Ожидания друзей не обмануло. Чем больше они раскапывали кирпичную кладку, тем глубже она уходила, расходясь и в разные стороны. От этого энергии и уверенности в том, что они раскапывают старинный замок, прибавлялось. И даже Димка, который сомневался в затеянном деле и считал его авантюрой, а пошёл только, чтобы друзья не посчитали предателем, энергично работал лопатой и даже стал давать указания, как надо соскребать с древних стен землю, чтобы не повредить орнамент, если такой вдруг обнаружится при обследовании днём.

– Дима, – позвал шёпотом Матвей. – Ты не заглубляйся сильно, а то не сможем вылезти. По пояс достаточно. Лучше раскопать стену во всю длину.

Когда забрезжил рассвет, друзья сели на кучу земли, передохнуть.

– Надо возвращаться в спальню, – предложил Димка. – Скоро подъём.

– Да, поспать хоть часик, – согласился Юрка. – Надо было водой запастись, а не хлебом. Пить хочется.

– Только уговор такой, – Матвей не стал возражать, он тоже хотел спать. – Никому, ни слова. Признаемся, когда все увидят.

– Ну да! – восторженно поддержал друга Юрка. – Будут ходить и спрашивать – кто, назовите их имена, учёные будут бегать, а мы помалкиваем. Соберёт директор общешкольную линейку и ...

– Наверно, академиков пригласят? – поддержал запал друга Димка.

– Конечно, пригласят, – согласился Матвей.

– И вот тогда, – продолжил Юрка. – Мы выйдем на сцену.

– Я буду поступать на исторический, – неожиданно сказал Димка.

– Ты же собирался на физмат? – удивился Матвей.

– Передумал. Пойду на исторический. Буду раскрывать для человечества его же загадки, – мечтательно произнёс Димка. – Как это круто!

В шесть тридцать горнист протрубил подъём. Спальный корпус вмиг забурлил. По коридорам энергично шёл старший воспитатель Иван Яковлевич Парамонов, среди интернатовцев прозванный Парамон, и выкрикивал у каждой двери:

– Быстро одеваться и на стадион!

– А умываться? – поинтересовался кто-то.

– Потом умоешься! Я сказал, всем на стадион!

Друзья переглянулись. Димка восторженно подскочил к Матвею и зашипел:

– Началось!

– Тихо ты! – ткнув того в бок, угомонил друга Юрка Серебрянский.

Младшие классы ещё беспрекословно подчинялись и по первой команде спешили исполнять. Старшеклассники недовольно ворчали. Вместе со всеми друзья направились на стадион. У огромной траншеи стояла директор интерната Валентина Васильевна Денисенко и тихо переговаривалась с физруком – Виктором Александровичем Махначёвым, с лёгкой руки интернатовцев прозванный – Махнач. Виктор Александрович был мастером спорта по лёгкой атлетике и в бытность тренировался вместе с прославленным Валерием Борзовым. Уйдя из большого спорта, был направлен в школу-интернат на Кубань. Работа ему нравилась. К детям он относился дружелюбно и по-мужски строго и по-свойски, что подкупало доверие подростков. Махнач пользовался авторитетом у инкубаторцев. То, что директор разговаривает с физруком, придало друзьям уверенности.

– Матвей! – неожиданно для друзей окликнул Матвея физрук.

– Чего? – тот сразу насупился.

– Подойди, – Махнач протянул в его сторону руку и посмотрел улыбающимися глазами. – Думаешь, не догоню?

– Иду, – пробубнил Матвей, а друзьям махнул рукой – будь, что будет.

Виктор Александрович взял Матвея за плечо и, передвинув на удобное для него место, сказал:

– Тут стой, – и продолжил разговор.

Довольные и недовольные неожиданным сбором на стадионе интернатовцы устарились при виде траншеи и уже проходили мимо директора и Махнача, с интересом прислушиваясь, о чём идёт разговор и старались заглянуть в траншею. Долгими взглядами они смотрели и на Матвея, стоящего рядом с директором. Интернат выстроился буквой «п» по классам, у подножия буквы оставляя место для директора. Парамон и несколько учителей и воспитателей присоединились к директору, ожидая, когда она закончит разговор. Матвей оказался в строю с учителями и преподавателями. Сердце его колотилось от восторга. Он едва сдерживал улыбку, предвкушая те почести, которые его ожидали. Он встретился глазами с друзьями и моргнул им – мол – вы со мной! Строй гудел, теряясь в догадке, по какому поводу их собрали, но стоило Валентине Васильевне поднять глаза и долгим взглядом обвести всех, как шеренги подравнялись и умолкли. Вперёд выступил физрук и громко отдал команду.

– Равняйся! Смирно! – физрук выдержал паузу. – Вольно! Всем выставить руки вперёд!

С разных сторон вдоль строя направились Махначёв и Парамонов рассматривая протянутые руки. Проходя мимо класса Матвея, Парамонов замедлил шаг и, выдёргивая за руку вытащил Димку и Юрку.

– Идите туда, – и пошёл дальше.

Друзья поплелись к директору. Строй не понимал происходящего, а учителя продолжали осмотр. Обойдя строй Махначёв и Парамонов вернулись к коллегам, между собой переговариваясь и обмениваясь ехидными улыбками.

– Это вы вырыли? – громко, так, чтобы слышал весь строй, задала вопрос директор.

Друзья молчали, не зная, что отвечать. Не выдержав, к ним подошёл Парамонов и, схватив мальчишек за руки повернул лицом к директору.

– А кто же? – завопил он. – Валентина Васильевна, гляньте на их ногти, все в земле.

– Вы вдвоём это вырыли? – продолжала допытываться директор.

– Вдвоём! – отвечал за ребят в истерике Парамонов. – У всех руки чистые, только у этих двоих с землёй.

Матвей посмотрел на свои руки и быстро спрятал за спину. По поведению учителей и воспитателей и тону Парамонова он почувствовал неладное. Димка и Юрка молчали, опустив головы.

– А где их третий? – неожиданно завопил Парамонов и подскочил к Серебрянскому. – Где Матвей? Чего молчишь?

Матвею ничего не оставалось, как выйти из-за спин учителей и присоединиться к друзьям. Парамонов тут же схватил его руку и высоко поднял.

– Гляньте! У этого такие же! – и так сильно рванул Матвееву руку, что мальчишка едва сдержался, чтобы не взвыть от боли.

Матвей сжал кулаки, готовый в любую минуту броситься на Парамона.

– Оставьте его! – приказала директор и уже обратилась к Матвею. – Кто ещё был с вами?

– Никого, – пробубнил Матвей.

Никто не понимал происходящего. Вся школьная линейка не отрывала глаз от директора. Валентина Васильевна выступила на центр и, едва сдерживая смех, сказала:

– Скажите перед всей школой, зачем вы наш старый туалет раскопали?

Слова директора прогремели как гром среди ясного неба, и поднял всеобщий хохот.

– Иван Яковлевич, – уже серьёзно сказала директор, – бери этого супчика и в холодную комнату.

Парамон словно этого ждал. Не успел Матвей двинуться, как тот скрутил его воротник себе на кулак и потащил его ко второму спальному корпусу. Матвей едва не падал, спотыкался, путался в шагах. Парамон тащил его за собой не давая повернуться лицом вперёд. Матвей чувствовал, с каким наслаждением Парамон сжимал сильнее воротник, когда он падал. Обиднее всего было слышать хохот расходящихся интернатовцев. Все шли на завтрак. Там-то они и забудут о Матвее.

– Эй, парень! Пора вставать!

Матвей проснулся оттого, что его тормозили за плечо.

– Который час? – спросил он, поднимаясь.

– Скоро восемь, – сообщил Иван Иванович. – Как и обещал, договорился с бригадой, которая нас сменила. Забирай вещи и переходи к ним.

– Где я их найду, – машинально отвечал Матвей, находясь в сомнении – это был сон или ему привиделось. Не сразу поняв, смысл сказанного машинистом, он мутными глазами посмотрел на того.

– Эй, парень! – крикнул машинист. – С тобой всё в порядке? Они стоят на соседнем пути.

– Да, да, всё в порядке. Когда вы будет меняться?

– Мы уже сменились, – улыбнулся помощник. – Иван Иванович, дал тебе поспать.

– Спасибо, – Матвей проснулся окончательно. – Я готов.

Они коротко попрощались.

«Может быть, эта поездка за Жёлтым императором, такая же выдумка его воспалённого воображения, как и с замком? – нашло сомнение на Матвея. – Если тогда всё обошлось ту-маками и пинками интернатовцев, то сейчас он рискует сцепиться с таинственным генералом Чукариным. Я дал слово профессору, – тут же заговорило самолюбие, – а что профессор? С него как с гуся вода – имя, связи, покровители, а у меня что? Студент. Кто за меня заступится? – Матвей с силой сцепил зубами, жёсткой линией изогнулись тонкой линией его губы, взгляд стал устремлённым и решительным. – Ничего, справлюсь, и не с таким справлялся».

Кому это было адресовано больше – Жёлтому императору или Чукарину, он не смог бы ответить.

Продолжение следует.

Николае СПЭТАРУ

Перевод с румынского: Ивана Пилкина

Родился 13 января 1961 года в общине Хорбова, административный край Херца, Черновцы. Окончил филологический факультет Черновицкого университета (1983). Член Союза Писателей Молдовы, Союза Писателей Румынии и ПЕН-Клуба. Автор книг: «Возвращение богов» – Премия Национального Книжного Салона за лучший дебют; «Ион и другие революции»; «Ночь, когда пьедесталы призывают новые лавры» – Премия Союза Писателей Молдовы за лучший сборник стихов, Литературная премия Румынского Культурного Фонда; «Печаль читает из Рильке»; «Кот-программист» – Премия Международного Салона Детской Книги, Премия Союза Писателей Молдовы; «Чтение стены» (Citireazidului); «Восстание клонов» – Премия Союза Писателей Молдовы *Relații Culturale* (2014) и др.

Я всего лишь проездом

я всего лишь проездом
 просишь ты у камней прощения
 и кажется от их терпеливого молчания
 тебе на мгновение становится лучше
 я всего лишь проездом
 допиваю свой кофе
 целую любимую
 второпях записываю несколько мыслей
 вот и всё ухожу
 я всего лишь проездом
 сажаю деревце
 ласкаю ребёнка
 вот и всё
 я всего лишь проездом (разве не видно?)
 выкуриваю сигарету и хотел бы (если можно)
 прожить иллюзию до конца
 потому что это моя иллюзия
 посмотрите
 как она сильно ко мне привязалась
 оставшись одна я уверен она пропадёт
 а жаль
 так говоришь ты камням

Знаки

почти во всех твоих посланиях ко мне
 в пути стираются слова
 остаются лишь некоторые: камень нож забвение
 змея...
 (всякий раз их порядок меняется)
 и лишь перечитывая изумлённо замечаешь
 что змея
 сделав несколько ошеломляющих движений на белой бумаге
 падает замертво
 и только в хвосте ещё некоторое время позвяки-

вает
 словно колокольчик
 сахара
 нож глубоко вонзается в землю и сразу же зады-
 хается
 в собственной ржавчине
 камень раскалывается на десятки кусков
 но подумать только: части становятся намного
 больше
 самого камня
 слово забвение...
 что же ещё я хотел вам сказать?

Город проигранный в карты

этому городу больше нечего тебе предложить
 по его венам словно отравы бегут содом и гоморра
 в этом городе
 всё тяжелее быть хорошим человеком
 мечтать быть самим собой
 (на тебя то и дело притязают разные типы)
 и чувствуешь что у тебя уже нет даже шанса
 по-настоящему сойти с ума

если ты рассеян
 улицы могут тебя затерять в ночи
 у их названий противоречивые значения
 или хуже того они кажутся лишёнными смысла

в любой момент
 этот город могут выиграть
 или проиграть в карты
 потому что он лишён всякой связи
 с неподвижными звёздами
 и лишь тайком репетирует
 роль исчезнувшей забытой крепости

этот город (с его большими
или малыми бедами)
твоя судьба в которую ты веришь

По какому номеру ещё можно найти революцию?

идёт дождь как в сотнях стихов о дожде
и уже несколько дней ты пытаешься
расшифровать по-другому тоску
и тебя удивляет что гласные и согласные
друг с другом не спорят
(ни даже в словах вражда и ненависть)
тебя почти раздражает
слепой ход часов
и как цвета теряют достоинство
перед лицом осени
это состояние вещей
наводит на тебя безумную тоску
берёшь трубку и безотчётно набираешь
алло по какому номеру
ещё можно найти ре-революцию?

Поэма в одиночестве

отбиваю стихи на печатной машинке
и куски слов разлетаются во все стороны:
на стены на письменный стол на книги
словно брызги крови из зарезанного петуха
мечущегося вокруг колоды

отбиваю стихи на печатной машинке
и гласные согласные (как хорошо что я
вовремя отказался от знаков препинания!)
оседают толстыми слоями
стены потолок едва различаются
окна уже не видно
дверь почти не разобрать
комната становится меньше
всё меньше

отбиваю стихи на печатной машинке
до тех пор пока вещи вокруг меня
не сливаются в одно целое:
стены слова окно слова дверь
потолок слова печатная машинка письменный стол
слова книги слова слова

теперь напрасно станет кто-то
пытаться найти разницу
между вещами в комнате
и мной

Апокалипсис снова отложен

от одной чашки кофе к другой
небольшая зарядка
и медитация

сигаретный дым носится из одного
угла бара в другой
словно сенсация

нам подают город
в кубиках сахара
и мы благочестиво
бросаем их в чашки с кофе
радуясь их сходству
с мечтательными адскими котлами

эта ночь была вырвана
из календарей
улицы растирают
тайком перекрёстки

уже поздно
и доедают остатки

где-то слышен первый трамвай
как молитва
на устах умирающего
и апокалипсис
снова отложен

Последнее слово без смысла

твоя комната дымит как пепельница
в которой догорают остатки ангелов
чувствуешь хромающие по небу звёзды
где-то в ночи груди любимой
будто безумные ржут

грех долго сторонился времени
на краю мира
Каин снова убивает Авеля

ты в отчаянии
тебе уже не вырваться из варварского танца при-
зраков
скоро (хорошо это знаешь)
ты рухнешь на пишущую машинку
успев набить несколько букв
которые составят последнее слово
без смысла

Печаль читает из Рильке

твоя тщеславная печаль
ни одну осень ещё не развернула вспять
и лихорадкой не охватила тюремную стену

печаль эта всегда с тобой
на фотографиях
спасительно теряется в толпе

изгибает девичьи
браслеты из воя волков

твоя печаль читает из Рильке
иногда умирает вместо актёров
на вождельных сценах голливуда
или безумно влюбляется в Эммануэль

печаль эта спит без сновидений
с замками бастилии под головой

Дороги всеядны

королей уже не интересует твоя собачья жизнь
тот факт что моссад
уже не подбрасывает тебе на пути красивых женщин
приводит тебя в замешательство:
неужели ты так деградировал?
неужели твоё серое вещество уже не содержит
важных секретов?

сегодня тебе никто не даёт ни гроша
никто не зовёт тебя выпить по пиву
бывшие поклонники тебя позабыли
уже не просят тебя сочинять им торжественные
гимны

теперь твои мысли это зыбучие дюны
в дикой пустыне
и твои сожаления лопаются
будто шарики во время первомайского карнавала

ты словно безумный скиталец
собравший дороги в клубки
у варикозных ног

время от времени (ритуальными жестами)
он отрывает от ботинок
кусочки прогнившей кожи
и даёт им поесть

дороги всеядны
они совершенно неприхотливы

Сон одного прагматика

так ты немного смягчал тоску
одиночество грусть

события которые несколько лет назад
ты считал банальными незначительными
(признаёшь: ты был большим прагматиком)
сегодня тебе кажутся
жизненно важными захватывающими
и даже стоимость газеты напоминает тебе
о суматохе былой жизни...

ты спасён!
лифт заработал
жмёшь на кнопку выходишь на улицу

вот дерьмо! говоришь
бросая газету в ближайшую урну

Валерия ДЕМИДОВА

Родилась 18 марта 1997 года. Живет в Самаре. Публиковалась в журнале «Весёлый сверчок», а также в сборниках поэзии «Молодёжная волна». Лауреат областных поэтических конкурсов. Гран-при на международном фестивале «Бофорские Агоны». Лауреат конкурса «Пегасик 2011» Саратовского конкурса им. Собинова. Третье место на Всероссийском конкурсе юных композиторов 2011 г., первое место по переводам Норы Префферд, финалистка немецкого конкурса Русский Стиль-2012 в Вюрцбурге. Лауреат Интернет-конкурса имени Н.С. Гумилёва в Санкт-Петербурге. Участник проекта «Класс мира», Сочи 2012 г. Второе место в 21-м международном поэтическом конкурсе «Пушкинская Лира» в США. Первое место в международном литературном конкурсе «Искусство против drogата» в Болгарии. Записала свой музыкальный лазерный диск «Альбатрос». Ныне студентка Международного института рынка, факультет лингвистики.

Песочные часы

Мой градусник опустился до нуля,
 Значит, Земной шар сделал полный круг.
 Я, как песочные часы, пересыпаюсь.
 Каждая песчинка – это новая птица, созданная для полёта.
 Рождаясь, как кошка бросается за видением.
 Упавшая тень есть новая эволюция. Может, скоро у нас будет два сердца.
 Одно станет биться, живя только радостью,
 Другое начнет отсчитывать часы при каждом больном слове, разрываясь.
 Поверь, будут рождаться новые люди, как птицы, как песочные часы.
 Время начнет пульсировать. Каждая песчинка – новая секунда.
 Интересно, сколько осталось часов? Существует одно большое время.
 День и ночь – это два сердца Земли. Они меняются, чтобы биться дольше.
 Две параллельные линии никогда не встретятся.
 Вода и огонь не обнимут друг друга, лишь страстно дотронутся,
 Два сердца сгорят или утонут в любви.

Актриса

Обернувшись назад, я увидела: да, вы мои зрители!
 Я для вас уже играла Джульетту.
 Ах, помню! Вчера вы смотрели и хохотали. Ну что, понравилось?
 Для вас актёр – игрушка, нервно переплетающий слова.
 Сегодня я должна быть вашей Дульсинеей или какой-то дурочкой?
 Я могу играть любую роль. Я выдержу спонтанность и убогую серость.
 Ха! Вам просто скучно и смотрите на меня.
 Но нет! Сегодня – я простой человек. Ну как, интересно?
 Вы просто смотрите и думаете, что у меня плохое настроение.
 Ну ладно, так и быть...
 Буду просто каплей на стекле. Свет погас, занавес опустился.

Крик дождя

Он, как злодей, кричит всё громче, наверное, хочет, чтобы его услышали и поняли.
 На улице сырость и слякоть. Иди, покричи дождю, он тебя поймёт.
 Таких, как ты – немало, рыдающих вместе с дождём.
 У всех начинается депрессия, а дождь тебя даже не заметит.
 Таких пациентов, как ты, у него много.

Посмотри на себя в зеркало, и ты увидишь.
 Ты разделился на две части: твой разум и душа.
 Одна тебя тянет работать,
 Другая валяется и смотрит на холодные струи за окном.
 Радуга разделилась на семь частей. Скоро ты догонишь её,
 А может, и перегонишь, однако выше космоса тебе не взлететь.
 Ты не Бог.

Самоубийство

Я убийца. Я лишал людей времени, значит, я лишал всего. Я отрезал куски счастья, рвал на осколки разум. Но мне не было больно при этом. Моё сердце не вздрагивало, а хохотало. Без времени нет ни жизни, ни любви, ни прошлого, ни настоящего, будущее лишь сардонически смеётся. Моё время взбунтовалось. Оно сошло с ума, а может, стало судьёй. Теперь я сам становлюсь жертвой времени. Оно подходит ко мне тихой походкой с пистолетом, ножом, удавкой. Беспощадное время убийца. Я целую тебя как любовника: страстно и чуть отстранённо. Меня уже нет. Я потерялся в пространстве, я забыл дорогу домой. А был ли я вообще? Может, это просто сон?

Укус судьбы

Тонкие нити твоей жизни, словно нежные паутинки, вплетаются в мои волосы.
 Твой взгляд, будто ладони, приближает меня все сильнее.
 Что это? Просто теплые губы касаются моего лица.
 Ты даришь мне свою любовь.
 Ах, вот она – ядовитая судьба. Один маленький укус, и все.
 Мир улетает из-под ног, а дальше темнота: ночь и вечное спокойствие.
 Ни тебя, ни меня, никого... Только тишина.
 Спасибо тебе за последнюю нить поцелуя.
 Волна ударила о берег жизни и тысячами звезд рассыпалась по черному мертвому небу...

Зеркало

Наступишь на зеркало и увидишь картину.
 Возникнет счастливый и неожиданный образ.
 Дотронешься до самой глубины воспоминаний.
 Замерзая, холодно дрожишь, как незаметная песчинка.
 Попробуй угадать, что хочет сказать она.
 Мило злясь, своими кончиками волос, дотрагиваешься до моих щёк.
 Твои слова сильнее меня.
 Ох, неожиданное счастье разобраться в том, что ты мне говоришь.
 Твои милые слёзы замерзают и превращаются в ледяное стекло.
 Зеркало души, посмотри, что ты приготовило мне...
 Столько тепла во льду?
 Кажется, что ты раскалишь солнце своим холодом.
 Солнце живёт радостью, а ты?
 Всё пытаешься найти слова, чтобы высказать.
 Да ты согреешь всех своими мыслями. Они сильнее тебя.
 Когда же ты поймёшь, что натворил?
 Ты посмотришь в это зеркало, улыбнёшься и уснёшь.
 Уснешь не вечным сном, а сном младенца,
 Ведь ты теперь знаешь, что не одинок:
 Ты и твоё отражение в хрупком зеркале.

Анастасия КУЗЬМИЧЁВА

Родилась 16 мая 1974 года в г. Минске. В 18 лет пришла в литературное объединение «Светотень» при газете «Знамя юности», позднее стала участником литобъединения «Панядзелак». Работала корреспондентом в газете «Знамя юности» и пресс-секретарем в ТМ «Студия Куб». Публиковалась в газетах «Вечерняя Пермь», «Сям'я», «Вестник культуры», «Минский курьер»; журналах «Неман», «Дикая орхидея», «Немига литературная», «Слово и культура», «Вайнах», «Стихам все возрасты покорны». В декабре 2005 года в свет вышел сборник стихов «Быть может, меня приютят?». В 2006 году, в Минске, участвовала в первом фестивале «Порядок слов». С декабря 2009 года член Союза писателей Беларуси.

Исподтишка

Исподтишка наблюдаю
Мир, что пугает меня.
Но что найду – все глотаю,
Даже не выплюнув дня.

Может, наемся я впрок. И
Станет приятнее жить.
Но в организме лишь пробки
От недожеванной лжи...

Как мир прекрасен и светел,
Как добродушна заря...
Я ведь могу не заметить,
Если дышу втихаря...

* * *

Ты любишь меня, когда я далека,
Красиво, радушно, с мурчанием...
Моя в дверь твою застучала рука:
Ты жалок, бездушен, отчаян...

Не знаешь, что делать со мною живой,
Ведь я из микробов и кожи...
Уж лучше мечты о любви неземной,
Как лучики троп в бездорожье.

Ты любишь меня, потому что легко:
Слова – одуванчиком белым...
Глядишь на меня, как дитя в молоко:
Улыбчиво, страшно, неспело...

А я не ищу обходные пути.
К тебе напрямик с перескоком.
И звёзды и окна умеют светить!
Не видишь? Тебе буду оком.

* * *

Напрокат, как лыжи,
Душу сдам. Звони.
Может, кто услышит
Из родной семьи?

Может быть, пойму я
То, что не сбылось.
Нежным поцелуем,
Как в сомненья – гвоздь,
Я вобью надежду,
Сглажу все края.
Ведь могу, конечно,
Ошибаться... я...

* * *

Злые дворники ругают ветер.
А он всего лишь гоняет листву
По сухому асфальту
Туда и сюда...
А завтра асфальт промокнет.
Но злые дворники ругают деревья.
А они всего лишь качают ветвями,
Не замечая, как роняют листья
В траву...
Злые дворники ругают осень.
А осень жалеет их
И отдаёт им всё,
Что у неё есть:
Листья, ветер и дожди.
Осень сострадательна...

* * *

Знаю, грим мне совсем не к лицу.
Улыбаясь собаке под стулом,
Я сегодня подобна свинцу,
Вылетающему из дула...

Ты меня обойди стороной
 Чтобы я не смогла тебя ранить.
 Я спешу за холодной луной,
 Раздвигая стандартов грани...

Перевернутые танцы

Танцую танго потолочное,
 Мы задеваем люстру шаткую.
 Качаясь жизнью одиночною,
 Она уже скрипит украдкой.
 Чтоб не мешать безумью нежности,
 Хотя паук ворчит отчаянно.
 Кружимся мы по белоснежному,
 По потолку погибших чаяний...
 Звенит хрусталь надрывно-лепетно
 Без перерывов на сомнения,
 В глаза друг другу смотрим с трепетом,
 Не опасаясь приземления...

* * *

Разгляди меня случайно
 В абажуре за спиной.
 Или в полной кружке чая
 Слов моих услышь прибой.

В крошках хлеба на тарелке
 Усмотри мой грустный взгляд.
 Мелочь – это ведь не мелко,
 А свобода от преград.

Это ширь без ограждений,
 Не иллюзия побед,
 Не симптомы лжи и лени,
 А высот незримых свет.

* * *

Мне говорили, ворон небо закрыть сумеет
 Звезды его крылами гладит по челкам ночь.
 Мне говорили, нежный каждому слову верит,
 Мне говорили, верный не повернется прочь.

Мне говорили, лебедь – это слеза невесты,
 Мне говорили, память – это глаза души.
 Я отвечала: полно, сказки давно известны.
 Я огрызнулась: хватит сахара сыпать в жизнь.

Мне говорили, камни – это немые песни
 Мне говорили, слово – это оживший взор.
 Только мечта с ухмылкой снова качалась в кресле
 И повторяла сердцу: вздор, это просто вздор.

Мне говорили, счастье – это упавший ветер.
 Клены сжимали листья, ивы плели узы...
 Я подсмотрела в солнце и не смогла ответить,
 И мне уже не выплыть из берегов весны.

* * *

Я разглядела трещину в ночи
 И просто захотела помолиться,
 Услышав мозгом музыку свечи,
 Я ощутила между ребер птицу,
 Что бьется будто в клетке золотой,
 Выстукивая дятлово свободу...
 Но гладит оперение покой,
 И золото настырно входит в моду.
 А ночи, как и сотню лет назад,
 Очистив колокольным звоном вечер,
 Фонарной темнотою – окрылят
 И плодом мыслей обогреют плечи...

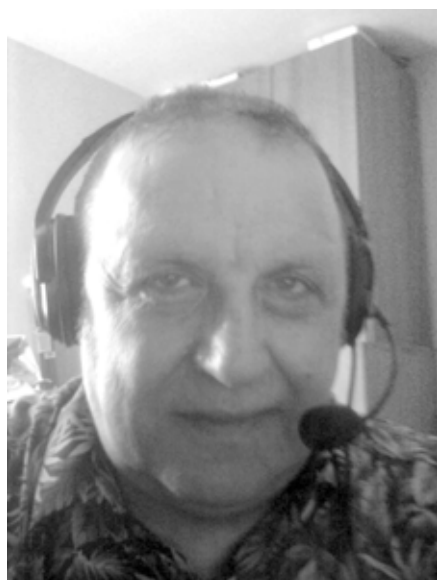
* * *

Позову тебя украдкой,
 Азбуку дождя прочту.
 Дни наматываю прядкой,
 Как на палец, на мечту.

Уходя от снов и окон,
 Лишь не стань ко мне спиной...
 Я тебя вплету как локон,
 Догоню взрывной волной.

Первобытно, ненарошно
 Я люблю твой хитрый взгляд.
 Запрягай меня как лошадь
 И по жизни – наугад!..

Мина ГОЛЬДЕНБЕРГ

Родился в 1948 году в Каларашском районе. Работал старшим научным сотрудником в институте «проблем Фронттира» в США и в центре развития международных программ. Руководил компанией ATIG. В настоящее время работает ведущим интернет-радиостанции «Дом Давида». Писать стихи и переводы (М.Еминеску, Г. Кошбук, Г. Виеру) начал с 13 лет. Первый материал, посвященный 150-летию приезда А.С.Пушкина в Кишинев, был отмечен премией Союза писателей Молдавии и опубликован в газете «Молодежь Молдавии». Публиковался в газетах и журналах.

Дон Жуан

Я ничего у Вас не попрошу.
 Мне ничего от Вас уже не надо.
 Я в тысяче из Вас искал одну.
 Искал – не для дежурного романа.
 Я в тысяче из Вас искал родню.
 Кто в мыслях будет искренней и строже.
 Средь всех святых прекрасней и дороже.
 Всех, что встречались на моем веку.
 А честь её на грани острия
 Моей бесстрашно-обнаженной шпаги,
 Что я ещё в веках бы так прославил
 Грудь, подставляя ярости клинка.
 Все, что потом придумает молва,
 И из чего толпа сплетет легенду
 Померкнет перед истиной,
 Есть цены, где смерть
 Не остановит мудреца.

* * *

Застрахуйте от дурака,
 Кто в упор меня даже не видит.
 Кто с рожденья меня ненавидит,
 Оттого, что светла голова.

И зачем я сюда приходил?
 Если мне возвращаться обратно.
 Из симфонии буйства и сил
 К постоянству вселенского братства.

Лишь затем, чтоб увидеть рассвет
 И закат оценить среди лета.
 И бессонное слово *поэт*
 Словно орден надеть на жилетку.

* * *

Никогда не спрошу:
 С кем была до меня?
 Никогда не скажу,
 Как я жил без тебя.
 Что с того, если жизнь
 Эта вечно спешит.
 Отыскал и теперь
 Снова пробую жить.
 Где-то рядом
 Таится лукавая суть.
 Никогда этих дней
 Нам потом не вернуть.
 И меж нами
 На тысячу солнечных лет
 Удивительный свет.
 Восхитительный свет!

* * *

Отпусти меня скитаться,
 К электричке проводи.
 Светлым утром в даль лесную,
 Под осенние дожди.
 Где сумею, заночую
 У полей, среди дорог.
 Я другой тебя, наверно,
 Даже вымыслить не мог.
 Я вернусь. Куда я денусь,
 Когда выпадут снега.
 И скажу: – «Озяб с дороги!»
 Не сказав, что без тебя.

* * *

Калараш! Легкий всадник, гонец,
 Есть в том имени нечто святое.
 В старину посылали его
 Жизнь спасти, прикрывая собою.

Конный полк жил в полях и лесах,
 В изголовье седло и папаха.
 И сминаясь чомбул янычар,
 Когда всадники мчались в атаку.
 Вот лежит голова в ковылях,
 Вот летит воронье над землею.
 Звон негромких церковей вдалеке
 Отпоет поле брани с тоскою.
 Облетит позолота с креста.
 Изумрудная плесень проснется.
 В рваных веком его куполах
 Будет солнце подсвечено солнцем...
 Как встревожены дали, гонцом
 Нам селенье на память назвали.
 Натянулась времен тетива,
 Кто там скачет в погоне за нами.

* * *

Мои друзья! Любите жизнь!
 Как любят час рассвета.
 Любите мрак за торжество.
 В нем не найдешь ответа.
 Но в нем лежит предтеча дня.
 Где все мы гениальны,
 Где наша скромная судьба
 Как свет исповедальный.
 Любите жизнь за свой приход.
 Судьба в наш век ложится.
 И будут мир наш узнавать
 По нашим с Вами лицам.

* * *

Невесомо снег ложился в грязь,
 И почтовым трактом тройка мчалась,
 И цыганка пела и смеялась,
 Над курчавой головой склоняясь.
 Юному поэту нагадав,
 Будет, мол, и знатным и богатым.
 И монету взяв, она бралась
 Предсказать, что будет до заката.
 И сама не веря, ворожа,
 Ощущала смутную тревогу.
 Что еще сказать ему, когда
 Черным льдом оборвана дорога.
 Снег кружился и ложился в грязь.
 И ещё не высохли чернила.
 И строка прозрачностью сквозила
 На листах, сквозь годы уносясь.

* * *

И погуляли листодеры
 В моем заброшенном лесу.
 Сгребая золото, как воры.
 В свою бездонную мощну.
 И от тумана стыло утро,
 Дрожа в росинке на ветру.
 И от земли, с тоской матерой,
 Срывались птицы в высоту.
 И мне казалось, будто время
 От холодов оледенело.
 И пусто было без тебя
 На берегах моей Вселенной.

* * *

Завьюжен февраль окаянством бредовым.
 И эту свечу, что стоит на окне,
 Качает сквозняк во мгле бестолковой.
 И что-то пророчит, взывая ко мне.
 Ты ночь напролет мое знойное лето,
 И страх, что проснусь по утру без тебя.
 Свеча догорает, колеблются тени.
 Стоят, холодея в проеме окна.
 Мир нами не кончится, век отметелит.
 Но вечно останутся эти слова.
 Где так изумленно любить мы умели.
 Как после не любим уже никогда.

* * *

А когда я не вспомню все имена
 И устало скажу, что туманится мгла...
 Я, наверно, умру, вероятно, умру.
 Что-то важное Вам никогда не скажу.
 Позабудутся лица, не вспомню когда?
 Я оставил, расставил в пути имена.
 Имена-времена, словно вскрик в полутьме.
 Все проходит, чего же ищущу я в золе?
 А когда-то весь мир я любил оттого,
 Что был лепет её мне дороже всего.

* * *

Прощай, ты, видно, не моя судьба.
 И я о том ни капли не жалею.
 Взгляну ещё раз, и не онемею.
 Беги, пускай зовут тебя друзья.
 И все-потом
 Похмелье в слове том.
 Когда уже веки не догонишь.
 Не доживешь.
 И даже не dospоришь.
 И поутру не встретишь за углом.

Мира МАЙ

Писательница из Санкт-Петербурга. Несмотря на то что пишет в различных жанрах, большую часть своих произведений относит к поэзии. Является автором нескольких рассказов, работает над историко-автобиографической книгой «Тропики детства», посвященной ее малой родине – Белоярску. Ближе всего по духу писатели-символисты Серебряного века русской поэзии, которые вдохновляют своей простотой и в то же время необыкновенной пронзительной утонченностью. Номинант премий «Наследие» и «Поэт года»-2015.

Пианино

Печалит ноты пианино,
Их крик летит по мостовой...
Бездушна или же ранима,
Когда по ней спешу домой?

Что боле может потревожить
И измарать чистейший лист?
Задеть клинок, пристывший к ножнам?
Случиться это разве может?
– Как вам угодно будет, мисс?

Растает вечер в темном цвете,
Мурлычет в кресле черный кот...
Морфей расставил свои сети,
Но, может, кто другой придет?

...Стихают стрелки циферблата –
И пропасть между двух миров!
Не скрыться в мягкости халата
За чашкой кофе с шоколадом!
Так ночь стоять, не видя снов!

Бездонный миг...

... и в мраке где-то

Я словно вечность нахожусь.
Озноб, дрожь, полураздета
И жду, когда же я проснусь!

Ладонью к пустоте примкнувши,
Стою, свой взор прицелив вниз...
Так обнимают или душат?
– Как вам угодно будет, мисс?

И тишина... Окно без света,
Гроза врывается домой,

Внизу – два черных силуэта,
А между ними зонтик. Мой.

Такой ли встречу ожидала?
Что вам угодно, мистер икс?
От кульминации – в начало -
Споткнулась – мелодично стало!
Апофеоз из-за кулис!

... Вдали играло пианино,
А звук летел по мостовой...
Так странно и необъяснимо,
Но есть на все свои причины,
Чтобы спешить быстрее домой!

Отголоски

Ты и я – мы с тобой отголоски,
Отпечатки былых времен,
Кто-то делит судьбу на полоски,
Я делю ее «после» и «до».

Ты и я – это странно поныне
Сочетанье писать и смотреть...
Свои черные мокрые крылья
Запрягу в кругосветку лететь!

Ты и я – это странности случай
И течение чистых небес!
Что в нас ангелы демонов душат
И рождают мир, полный чудес!

Ты и я – это вечная пропасть
В точном смысле: Даллол – Оймякон;
Эту вечную тонкую прочность
Не сумеет распутать никто!

Май. СССР

На Красной площади с утра гремят трибуны,
В Москву восторженно идет весна!
Под рябью транспарантов марш коммуны,
Проникновенно льет «Интернационал».

А я в своей руке сжимаю крепко
Цветной букет из папиросных роз!
(И отчего они не пахнут терпко?
Как пролетарская изношенная кепка?
Как Moscow Rouge? – простой вопрос!)

Но мне вдыхать отрадно полной грудью
Великих дней особенный эфир,
И рупоры манежей, стадионов
Гласят, что изменения не будет,
Кричат, что завтра будет МИР!

Май в Питере. Советское пространство.
Весенний дух воспрянувшей земли,
Чарующее майское убранство
Цветущих запашистых Амели!
Маевки под воскресным солнцепеком,
Крик чаек над простуженной Невой,
Умытые стволы березы соком,
Мир мой, дом мой, Бог мой!

Сегодня праздника тот страстный воздух
Я выдыхаю в двадцать первый век!
Мой милый Май, теперь не поздно
Жить так же мирно, так же просто
И быть в мой век счастливей всех?

Папе

Не слышал первой «Р», не собирал игрушки,
Не брал за руку, кашу не варил,
И имя первой ты ее подружки
Не знал. И в детский садик не водил.

Не защищал ее от детской злости,
Что жалило тогда всего больней,
К себе не прижимал и не спасал от монстра -
(Он под диваном жил и ел детей!)

А первый класс? Родителей собрание...
Оценки все – «отлично», «хорошо».
Хотелось, чтобы с искренним желаньем
Ты в класс ворвался(!), а не просто так зашел!

Его обнять, и мир перевернется!
И плакать не в подушку, а в его плечо...
Так кто сказал – посуда к счастью бьется?
Не обжигаются, когда лишь горячо...

– Не умер ты и космонавтом не был...
Не покорял ты даже дальние края...
Тебя совсем не знаю, но поверю слепо,
Что маму разлюбил, а не меня...

Тигра

Хочу в пасть я
Орущему тигру
Втолкать серость дня,
Бытовые интриги,
Хождение пешком
От метро до работы,
заботы,
Заботы,
ЗАБОТЫ!

И игры во взрослых
Детей безрассудных
Жадных,
ленивых,
нудных!
Рост курса валюты
И всех обывателей
Шпатель,
Что держит создатель!

Всех мнимых друзей
(улыбаясь при этом)
И злые-презлые
Страницы газетные!
Вчерашнюю дрель
(с ней сосед день носился)

Ах, только тигруля бы
Не подавился!
Хочу, чтоб тот тигр
Всегда улыбался
И кошечкой милой
При всех притворялся!

Чтоб зверь полосатый
Вместо меня
Провыл,
прорычал,
простонал.

Чеслав НИКОЛИЧ

Родился в июле 1961 года в г. Смела Черкасской области, Украина. Вырос на Северном Урале, г. Краснотурьинск. Живет и работает в Москве. Стихи писал с раннего детства. Член жюри Команды МГП ПС с октября 2013 года.

Признание

Как в саду беззаботный мотылек
Опыляет все то, что встречено,
Так по жизни летал я и не мог
Знать, что где-то меня ждет
Женщина.

Но однажды, взрывая жизни гладь,
Дал баркас мой надежный трещину -
Я ее повстречал и смог узнать
Эту, данную Богом,
Женщину.

Никому это счастье не отдам,
Мы навеки судьбою венчаны.
Я цветы и стихи слагал к ногам
Этой самой любимой
Женщины.

Как и все скоро стану я седым,
Будет возраст спокойно встречен мной.
Все равно я останусь молодым
С той единственной в мире
Женщиной.

Помни! Триолет

В часах песочных посекундно
Стекает, чуть шурша, песок,
Нам измеряя жизни срок,
В часах песочных посекундно.
Сумей исполнить то, что мог,
Не проживи свой век паскудно!
В часах песочных посекундно
Стекает, чуть шурша, песок...

Твой взгляд. Триолет

Мне взгляд твой – сладкая отравка,
Его прекрасней – в мире нет.
Я им сражен навеки, право!
Мне взгляд твой – сладкая отравка...
Не в силах рассуждать я здраво,
Закончу тем же триолет:
Мне взгляд твой – сладкая отравка,
Его прекрасней – в мире нет.

Чужая

Синеет снова хмурый небосвод,
Цветут кораллы в море неглубоком,
И кажется, душа сама поёт,
Когда ты улыбнёшься ненароком.

Я не могу не видеть этих глаз,
Но прячу взгляд под маской равнодушья,
И вместо слов желанных каждый раз
Опять несу «значительную» чушь я.

Скрываю снова дрожь в руках своих,
Когда ко мне подходишь за советом...
Зачем ты, Бог, позволил быть поэтом,
Но не позволил мне любить двоих?!

Так и живу я, каждое мгновенье,
Надвое сердце бедное дробя,
Но, Боже мой! Какое же мученье –
Не сметь признаться, как же я тебя...

Было. Триолет

Когда тебя в лесу встречали –
Звенели струями ручьи.
Они звенели без печали,
Когда тебя в лесу встречали

И нас с тобою повенчали,
Теперь – текут одни, ничьи.
Когда тебя в лесу встречали –
Звенели струями ручьи...

Мой старый пёс

Мой старый пёс, с тобой когда-то
Бродили вместе по тайге.
Ты помнишь, леса ароматы
Рождали дурь в тебе, щенке.

Ты помнишь, пел тогда со мною,
Горел восторг в твоих глазах.
И как за лошадьёю большою
Ты бегал, мстив за детский страх.

Ты помнишь, как весенней ранью
Сбегал, ударившись в загул...

А пёс вздохнул и на прощанье
Мне руку... языком... лизнул.

Вопросы

Нине Бабенко

«Позади – что было. Впереди – осталось...»

Жить лишь тем, что было –
К тупику дорога,
Ждать судьбы посыла –
Это так немного.

Но, соединяя
В точке единенья
Оба эти края,
Обретёшь мученье.

Будешь сомневаться -
Так ли все случится?
Мог ли ошибаться,
Сможешь ошибиться?

На пороге

*Юрию Кожанову
«Зачем? Почему?»*

Ответ на вопросы найти у порога
Как будто неплохо, а если вот так:
Ответ не понравился, жил я убого
И время растратил как полный дурак.

И всё! Ничего поправить за сутки
А может, и вовсе за пару часов.
Порой у судьбы невеселые шутки,
А двери обратно, увы – на засов.

Не лучше ли, бритвой порхая по щёкам,
Вопросы себе задавать каждый день?
Чтоб жизни не дать уходить самотеком,
Хотя это трудно и, в общем-то, лень...

И вы сможете

Если были бы все люди чужаками,
То они бы небом плыли с облаками,
И волною бы взрывали сине море,
Но остались на земле себе на горе.

И живут теперь на ней, в земле копясь,
К облакам на самолетах прорываясь,
И часами, днями, жизнями, веками
Видят только грязь и землю под ногами.

Люди, эй! Очнитесь – время быстротечно,
Ваша жизнь не может длиться бесконечно.
Понимаю – дом, семья, друзья, работа,
Но душа дана нам всё же для чего-то!

То болит она, то плачет почему-то...
Ну, подумайте – всего одна минута,
Та, которую мечте вы отдаёте,
Может вашей быть мечтою о полёте.

Вспомните, прошу, как в детстве вы мечтали,
Как мечты легко вас уносили в дали.
Помечтайте ж люди, и тогда мы с вами
Повстречаемся в мечте над облаками!

Пиши!

(Анадиплозис-кольцо)

Пиши!
Волною памяти стремись в души залив,
Залив грехи, в песок зарыв вину,
Вину не дай залить вины нарыв,
Нарыв стихами нежных образов копну.

Копну и я, нарою смысл простой.
Простой в делах – как ожиданье под часами.
Часами рифму ожидаешь ты порой,
Порой вечерней, как влюбленные с цветами.

Цветами, слог и стиль не соблюдая, правил,
Не соблюдая правил, бедный бледный стих.
Стих мой порыв и радость не доставил –
Доставил вдохновенье, как извозчик, лих.

Лих много рядом, но порой сомнений смог
Сомнений смог стереть ты со своей души,
Души, поэт, стихами боль, души,
Ты – Бог!
Пиши!

Сергей ФИЛИППОВ

Родился 19 августа 1953 года в г. Москве. Окончил в 1976 году Московский институт химического машиностроения. По специальности инженер-механик. Член литературной студии «Вешняки». Печатался в журналах «Новый Енисейский литератор», «Вольный лист», «Зарубежные задворки» и газетах. Номинант Национальной литературной премии «Поэт года-2014» Российского союза писателей.

На жизнь поэта

На жизнь поэта не смотрите, как
На тяжкий труд и каждодневный подвиг.
Где якобы продуман каждый шаг,
Продуман и в последующем пройден.

Где пышный сонм возвышенных речей,
Где все подчинено иным законам,
Не совместимым с логикой вещей
И не понятным всем непосвященным.

Любить, искать и находить слова,
Их рифмовать душой, умом и сердцем,
Поэта жизнь проста, как «дважды два»,
И никуда от этого не деться.

Поэта жизнь ясна, как божий день,
Поэта слово образно и веско,
Опять весна, цветет в саду сирень,
И солнца луч скользит сквозь занавеску.

* * *

Любить всегда тяжелый крест,
А в зрелом возрасте тем паче,
Но тот, кто в эту шкуру влез,
Уже не может жить иначе.

Любовь, где хочешь, запиши,
Помимо нас и нашей воли,
И в каждой клеточке души,
И в сердце постоянной болью.

Она была и будет впредь,
Без дна, без меры, без границы,
С любовью можно умереть,
И только с нею возродиться.

* * *

Не время повернуло вспять,
А мы, и это не отнимешь.
Пора меняться и менять
Свой, созданный годами, имидж.

Пора сменить или смягчить
Отдельные черты и жесты.
Пора бы не иметь причин
Для проявления протеста.

Пора сблизаться по родству.
Пора не проявлять амбиций.
Пора решить, по существу,
Светить или, лишь так, светиться.

Пора украсить стиль и речь,
Пора забыть об эйфории.
Пора беречься и беречь
Всё, что не сберегли другие.

* * *

После тяжелых странствий и скитаний,
Когда ни сил, ни веры, ни любви,
Уютный дом моих воспоминаний
Радужно двери распахнет свои.

И если непонятная тревога,
И если мне тоскливо, как теперь,
Я подхожу к заветному порогу
И плавно открываю эту дверь.

Неяркий свет по комнатам струится,
Как тихо здесь, и в этой тишине
Воспоминанья дружной вереницей
Со всех сторон слетаются ко мне.

Сливается, переплетаясь разом,
Все то, что буду помнить до конца,
Где не забуду ни единой фразы,
И ни единой черточки лица.

Уютный дом моих воспоминаний,
Пусть память беспощадна и строга,
Я здесь и гость, и сторож, и хозяин,
Единственных хранитель очага.

* * *

Как пламя горю и не гасну,
Как мачта трещу, но не гнусь.
Неопытность – это прекрасно,
Отсутствие опыта – плюс.

«Возможно, но очень не скоро»,
«Достаточно, но не вполне».
Наличие опыта – фора,
Отсутствие – фора в двойне.

Не сетуйте, если нарушу
Привычный порядок и ход,
Неопытность рвется наружу
И трется, как рыба об лед.

И не принимает отсрочек,
И не объясняет причин.
И ищет свой собственный почерк,
Который не спутать ни с чьим.

* * *

Люблю статичность положений,
Люблю невозмутимость поз,
Давно застывших без движений
Вдали от бурь, борьбы и гроз.

Люблю динамику движенья,
Но равномерного, без сверх
Больших и бурных ускорений,
Что вроде бы сулят успех,

Томят и будоражат душу
Преодолением преград,
Потом, сломав и все порушив,
Отбрасывают нас назад.

Но все равно, махнув рукою,
Презрев превратности судьбы,
Мы, вместо статики покоя,
Жаждем динамики борьбы.

* * *

Если ты невзначай захворал, занемог,
Если думы тревожные зреют,
Счастлив будь, если есть на земле уголок,
Где тебя и поймут, и согреют.

Если в жизни ты вдруг бесконечно устал,
Если силы твои на исходе,
Этот самый надежный и верный причал
Даст приют при любой непогоде.

Если ты не погиб, только сбился с пути,
Если бродишь по самому краю,
Крепче зубы сцепи, дотяни, доплыви
В тот причал, где тебя ожидают.

Если душу свою ты вконец истерзал,
Здесь излечат ее очень просто,
Здесь начало твоих самых главных начал,
Твой заветный, единственный остров.

Если ж силы растратив на трудном пути,
Разбазарив последние крохи,
Ты его в суете не нашел, не достиг,
Если так, то дела твои плохи.

* * *

По направлению к метро
Шагал и думал, что же дальше,
Как жить, когда совсем не то
Все и не так, как было раньше,
Как мы привыкли до сих пор.
Потом, с какого-то момента
Все поменялось... Разговор
Идущих впереди студентов
Отвлек меня, он велся про
Одну серьезную науку,
Ребята, по пути в метро,
Твердили о законе Гука.
Потом подобрались друзья
К коэффициенту Пуассона,
Услышав их, подумал я:
«А может, вправду нет резона
На жизни ставить жирный крест,
Отчаиваться рановато,
Пока в России еще есть
Такие, как они, ребята,
Которых, пусть, не большинство,
Но будет, и тому порука,
Что празднуется Рождество,
И помнят о законе Гука».

Александр КРАМЕР

Родился на Украине, в Харькове. Последние 16 лет живет на севере Германии, в Любеке. Окончил политехнический институт, заводской инженер. Участвовал в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы. Пишет еще с харьковских школьных времен. В Харькове появились и несколько первых поэтических публикаций. В Германии стал писать прозу. Публиковался в периодических литературных изданиях разных стран, в том числе в России, Украине, Канаде, США и Германии. В 2009 году несколько рассказов вошли в московскую «Антологию российских писателей Европы», а в 2013 году – в сборник прозы «Десять домиков».

Фрагменты немецкой жизни

1

Немки-старушки, в большинстве своем, невысокого роста, худенькие и хрупкие; за покупками они ходят в старомодных причудливых шляпках, строгих темных платьях, кружевных перчатках и низких туфельках с тупыми носами... Увидишь – невольно улыбнешься их милому, отжившему век свой аристократизму. А поглядишь, как такая старушечка, в чем только душа держится, бодро крутит педали велосипеда, – и только диву даешься, да завидуешь по-хорошему. А как они доброжелательны и любезны, отзывчивы и деликатны... Прелесть просто, какие старушки.

Однажды стою я на остановке, жду автобуса, а рядом со мной стоит типичная такая, преклонного возраста изящная фрау; она только что вышла из универсама напротив и держит в руках небольшую стопку баночек с «Педигрипалом», кормом собачьим. Стоим мы совсем рядышком, солнышко весеннее светит, птички чирикают... Благодать! И оттого мы не просто стоим, а переглядываемся и изредка улыбаемся друг другу, делясь таким образом весенним своим настроением.

Тут подходит, не торопясь, к остановке матрона вальжная – кустодиевских габаритов, широко за бальзаковский возраст шагнувшая – останавливается с нами рядом, видит, как мы замечательно улыбаемся, и становится ей, вероятно, завидно. Но вместо того чтобы вместе с нами поулыбаться и не портить словесами пустыми тишину весеннего утра, поворачивается она к старой женщине и с нашим акцентом, который ни с каким другим нельзя перепутать, важно так спрашивает:

– Haben Sie Hunger? (Вы голодны?)

Дело в том, что в немецком языке слова Hunger – голод и Hund – собака – немного похожи; и вопрос о том, есть ли у вас собака, звучит так:

– Haben Sie einen Hund?

Видите, как похоже! Особенно если учесть, что артикли (einen) наши не произносят совсем – непривычно.

Несчастливая бабушка, услышав столь странное предположение, просто подпрыгивает на месте, на лице у нее появляется выражение странно-обиженное, просто непередаваемое... Матрона же, не дождавшись ответа (нет бы увидеть, что что-то не так происходит), вопрос свой опять повторяет, да с напором, погромче (старуха же, может, не слышит):

– Haben Sie Hunger?

У старушки на глазах от обиды появляются слезы, и она, не в силах выслушивать дальше подобные инсинуации, торопливо семенит прочь от болтливой нахалки, а кустодиевский персонаж недоуменно разводит руками и в порыве простодушно-равнодушного негодования восклицает в пространство: «Вот ведь дура какая!»

2

Пришло и для нас в Германии время купить первый в жизни автомобиль. Мы с женой долго бродили по многочисленным автосалонам и автоплощадкам, примериваясь и прицениваясь, выбирая форму и цвет,

мощность и возраст... Это было что-то вроде игры, развлечения, имевшего совершенно особенный привкус причастности к этому миру, и мы его, развлечения, длили и длили, не спеша превращать в реальность чудесное удовольствие; исполнившаяся мечта не обладает такими многочисленными оттенками.

Наконец на окраине города увидели в крошечном автосалоне ярко-красный фольксваген, который обоим мгновенно понравился и одновременно подходил по всем характеристикам и параметрам. Вот только цена была несколько высококовата, и, хоть и понятно было уже: нашли то, что нужно, жена предложила сначала зайти в салон и немного поторгаться.

Хозяин, среднего возраста немец огромного роста, бегал вокруг машины, открывая ее и закрывая, показывая и объясняя, расхваливая и уговаривая... Моя жена пустила в ход все свои женские чары, и хозяин – нормальный мужик – через короткое время, что и требовалось, «поплыл». Результатом «заплыва» стала приличная скидка, после чего мы пошли подписывать договор. Впрочем, пошли не мы, а жена, потому что хозяин меня игнорировал и разговаривал обо всем исключительно с ней, будто бы я внезапно испарился из магазина.

Через несколько дней, оформив страховку (без нее вам машину не отдадут из салона) и получив номера, я в условленный день и час приехал забирать свой замечательный автомобиль. Герберт, так звали хозяина, тут же вышел навстречу, сияя и восклицая непрерывно: «Как я рад! Как я рад!» Потом, заметив, что я один, он как-то странно посмотрел на меня и вдруг спрашивает: «А где же ваша жена? Почему вы ее не позвали? Она возле машины?» «Да нет, – говорю, – она на работе, у нее сегодня вторая смена».

Герберт ужасно расстроился, просто ужасно, мне даже неловко стало, будто я совершил какой-то проступок. «Ну ладно, идите, – сказал Герберт, потускнев совершенно, – машина готова, вот ваши ключи, документы... Только, пожалуйста, зайдите ко мне в кабинет, всего на одну минуту». «Конечно, – согласился я, – конечно, идите».

В маленьком кабинетике, где Герберт занимал почти все оставшееся от письменного стола и книжного шкафа пространство, он поднял руку и снял со шкафа... Только теперь стало понятно, почему он так сильно расстроился: он снял со шкафа роскошный, изумительный просто букет белых роз:

– Это вашей очаровательной жене. Обязательно передайте ей от меня привет. Обязательно. Счастливого вам пути.

3

Сегодня ей во что бы то ни стало надо было отметиться на бирже труда! Иначе плакала четверть пособия, и так не слишком большого. Однажды она уже это проходила, и наступать снова на те же грабли никакого желания не было. Вот только куда же девать малыша, ведь там часами можно сидеть. Ведь часами!

Ну что ж, придется на этот раз взять Женьку с собой. Другого выхода нет.

Она оторвала талончик и в ожидании, когда на табло над дверью загорится их номер, посадила малыша на колени и стала читать ему книжку.

Женька вначале вел себя смирно, слушал внимательно сказки, играл с газетами, разложенными на низком столике... Но чем больше времени проходило, тем раздраженней и неуправляемей становился мальчишка. К середине второго часа он уже очень сильно устал и начал, как говорят у нас на Украине, казиться.

Чиновнице не повезло. Пик раздражения малыша совпал с вызовом мамы к ней в кабинет. Ребенок уже ни минуты не мог усидеть на месте, хныкал, злился, вырывался из рук, не давал разговаривать... Мама, увы, еще понимала немецкий неважно, а малыш ужасно мешал, все внимание уходило на то, чтобы как-то с ним сладить, какое уж тут понимание!

Обычно в заведении этом изумительно тихо, а тут безобразие такое творится! Чиновница – тощая белобрысяя дама лет сорока – раздражалась все больше и больше, и от раздражения лицо ее становилось все краснее, а речь все громче, быстрее и непонятнее, и несчастная мама в конце концов вообще перестала что-либо соображать и, естественно, отвечать, сосредоточившись полностью на неугомонном ребенке. А тот гибким движением выкрутился внезапно из рук, соскочил с колен и стал носиться, как ненормальный, вокруг стола, вопя и сбрасывая попеременно на пол то письмо, то ручку, то папку...

И тут произошло нечто неправдоподобное! Чиновница, поняв, вероятно, что дальше будет лишь хуже, внезапно взяла себя в руки, успокоилась и... перешла на вполне удобоваримый... русский язык. После чего все уладилось в считанные минуты.

4

Начну с того, что за маленькую зарплату работать в Германии сегодня не выгодно. Выгодно в этом случае не работать совсем. Если зарплаты на полноценную (по здешним понятиям) жизнь не хватает, то соответствующие государственные органы до уровня полноценной жизни доплачивают (оставляя вам, впрочем, скромный приварок, чтобы не было окончательно несправедливо), а если вы совсем не работаете, то просто платят за все: квартиру, медицинскую страховку, лекарства, карманные расходы... Даже ежемесячный поход в кино и подарок близкому родственнику пособие социальное учитывает. И это – до конца вашей жизни. Впрочем, желающих разлюли-малиной немецкой полакомиться немного совсем. Соблазнов здесь предостаточно, а пособие – все же только пособие, да и статус социальный, честно сказать, не очень приятный.

Мы живем возле самого Балтийского моря. Совсем рядом – знаменитый немецкий курорт Травемюнде: тридцать минут на электричке или в автобусе – и вы на пляже. Однако пляжи все платные, и дорогие отменно. Неважно. В конце замечательной набережной есть местечко под солнцем для тех, у кого денег не густо. Мы между собой называем это место «русской поляной». Нет, здесь, конечно, не только «русские», но их всегда много, отсюда название.

А поляна роскошная, огромная, на зеленой подстриженной травке можно в мяч или в бадминтон поиграть на солнышке, а под старыми липами от того же солнца укрыться. Через набережную скоренько перебежали – и бултых с пирса в балтийские волны... Благодать.

Однажды корреспондент местной газеты приехал на эту поляну в разгар рабочего дня и стал с простодушным видом подходить к отдыхающему народу и спрашивать, где народ шляпы такие оригинальные, необыкновенные покупает. Оказалось, что шляпки купили: на Канарах, Сицилии, в Тунисе, Египте, Израиле... Один безработный даже на Кубе панаму себе приобрел. Замечательный репортаж получился, без комментариев. И я их давать не стану.

5

Немцы учебу, которая меньше года длится, за учебу вообще не считают. А без свидетельства о специальном образовании – даже улицу убирать не доверят, не говоря уж о большем. Чтоб городской автобус водить, три года учиться нужно. Понятно! (?)

Так получилось, что в компьютерной школе, где я год целый конструкторские программы штудировал, рождественские каникулы совпадали с окончанием курса. После праздников экзамены оставались только – и все; и решили две эти даты совместить (немного досрочно) и пышно отметить, потому как три группы, по шесть-восемь человек в каждой, – механиков, архитекторов и дизайнеров – не совсем одновременно заканчивали, и другого такого случая – всем вместе собраться – больше не выпадало. А компания славная подобралась, все друг друга, как могли, поддерживали, разъясняли, показывали, группами, чтоб бензин лишний не тратить, в школу ездили, документы составлять помогали... Я один там был иностранец, так меня человек пять опекали, потому что компьютер совсем в то время не знал, а язык понимал еще очень и очень плохо, не говоря уже о терминологии – технической и компьютерной. Чудесный народ подобрался, честное слово.

А за праздничный стол садились мы всегда вместе – студенты и преподаватели, ведь разницы в возрасте и образовании между нами почти не существовало, да и обстановка в школе была домашняя, добрая.

Ну вот, составили списки, кому что купить, и 29 декабря, пустив все занятия побоку, с утра самого стали украшать свои классы и на стол накрывать, чтоб в 10 часов, когда по всей Германии наступает перерыв на завтрак, за стол можно было сесть и в компании теплой год грядущий отпраздновать.

Обычно на столе у нас было все магазинное, а тут, только мы за стол приземлились, входит Бернд Гродтке (он у нас эксель и акссесс преподавал) и вносит на блюде огромный роскошный домашний торт. Но только мои однокурсники на торт никак почти не отреагировали, будто так и надо, будто им торты ежедневно пекут. Мало того, все знали, что Берндт не женат и живет со старенькой мамой и, значит, это не просто торт, а мамин...

Публика с удовольствием ела все покупное, а мамин торт лишь несколько человек попробовали. Так он почти весь на столе и остался, и Берндт его с грустной миной обратно в машину унес.

В общем, странная это история, но поскольку я подобное еще несколько раз потом видел, то понимаю, что есть в ней нечто закономерное. А вы понимаете как знаете.

6

Гольфстрим проходит здесь совсем рядом. Оттого в местах наших всегда очень влажно, зим настоящих, морозных никогда не бывает; минус пять по Цельсию – почти что предел, но зато и лето часто холодное и сырое, ведь до родины Андерсена – чуть больше ста километров.

Когда зимним утром на улице минус и влажность процентов семьдесят, а то и все восемьдесят – караван просто, особенно если ночью еще и дождик прошел, тогда все вокруг покрывается толстой, прочной ледяной коркой, в том числе и машины.

Об этих природных фокусах нужно знать и заранее к ним готовиться. Я, разумеется, видел, как граждане по утрам стекла машин скребками дерут и бутылки со всякими жидкостями и аэрозолями на капот выставляют, но как-то значения особого этому не придавал. О, мне многому пришлось научиться в свою первую автомобильную зиму!

Зима началась только, когда в одну из ночей, при минусовой температуре, долго шел дождь; с неба просто тек жидкий лед, и наутро моя машина покрылась толстой, крепчайшей ледяною броней. Чтоб до замка добраться, да к тому же открыть – и думать нечего было. Побегал я в полной растерянности вокруг ледяного чуда и вдруг обнаружил, что над замком багажника есть крошечный козырек, который... В общем, багажник мой, после некоторой маеты, взял да открылся; обрадованный – несказанно, забрался через багажник – с помощью акробатических трюков – на место водителя и помчался скорей в мастерскую, благо маленькая мастерская находится недалеко совсем от нашего дома.

В мастерской, о которой сказано выше, одна стена полностью стеклянная, и можно сквозь стену видеть, как люди работают. Как я задним ходом из багажника вылезал, тоже хорошо видно было: работяги дела свои побросали, у стенки собрались, и им, в отличие от меня, очень весело было.

Не успело моё акробатическое представление закончиться, выходит ко мне толстый мастер с седоватой шкиперской бородищей и говорит, улыбаясь:

– Вам повезло с комплекцией, интересно, что б я делать стал. Ладно, давайте ваш автомобиль, минут через двадцать все будет в порядке.

И правда, через короткое время вывели мою машину – теплую и сухую.

– Сколько я должен? – спрашиваю у мастера

– Да ничего, – смеется, – горячий воздух денег не стоит. – Мне приятно вам было помочь. Езжайте. Осторожно только. Счастливого вам пути.

Черт его знает, а только у меня весь день замечательное настроение было. Хотя, собственно, что особенного.

7

Урбанизация – это когда те, кто живёт в городах, в деревне ни разу не были, вишню от груши отличают по плодам только, а как выглядит, например, корова или овца – знают лишь по картинкам, да кино про животных (зоопарк не считается). Есть даже теперь в учебных планах некоторых немецких школ экскурсии на крестьянский двор, чтоб хоть так детишки о сельском мире узнали.

Пирушка в маленьком, всего человек на двадцать, студенческом общежитии подходила к концу. Было уже далеко за полночь, все были немного навеселе и поэтому позже вспомнить, как тема возникла, не могли совершенно. А разговорились о том, кто и когда был в деревне, и каких сельскохозяйственных животных хоть раз живьем видел. Оказалось, что никто, ни один человек, не был, не видел и не представляет, кто вообще там живет, что и как делает. Вот дожили!

Разговор этот странный всех так разбудоражил, что и после сна не забылся, и утром, за завтраком, решили, что в ближайшее воскресенье соберутся компанией, кто будет свободен, поедут в деревню, проведут там весь день и купят какое-нибудь животное: какое понравится и нареканий властей общественных вызвать не сможет.

Сказано – сделано! Всем вместе, разумеется, поехать не удалось. Кто работал, кто «хвосты» университетские подбирал, кто просто поленился неизвестно куда, неизвестно зачем тащиться... В общем, собориться не смогли, но человек пять-шесть желающих набралось, и они здорово повеселились в тот день: по полям побродили, воздухом замечательным надышались, даже немного, с разрешения и под присмотром дюжего фермера, на скотном дворе поработали, а жена его их за это накормила вкуснейшей домашней ливерной колбасой и яичницей, прямо на воздухе... Расчудесное приключение получилось! А под вечер, когда стали уже с семьёй радушной прощаться, купили они петуха-барневельдера – большого, перламутрово-черного, с ярко-красным резным гребешком и алой, круглой бородкой, сильного, важного... Очень

он им понравился, просто необычайно!

Целый месяц по коридорам и комнатам расхаживал гордый красавец-петух, а потом двое самых нервных свезли его обратно, в деревню. И если б сказали, что за возврат заплатить надо, то заплатили б, потому что урбанизированная общежитская публика до истерики доходить уже стала, когда ежедневно, без праздников и выходных, ранешенько-раненько утром в гулком пустом коридоре вдруг раздавался истошный, оглушительный вопль петуха.

8

В голове иногда сохраняются странные какие-то, причудливые картинки. Событие мимолетное, секундное, ни о чем совершенно – засядет вдруг в памяти, да так прочно, как если бы это было зачем-нибудь необходимо. Мне хочется поделиться с вами одной из таких картинок, чтобы, раз уж она угнездилась намертво, хоть так оправдать ее присутствие в голове.

С утра было жарко, безветренно, на небе ни облачка, необычно даже для здешнего позднеосеннего времени; и, казалось, ошиблись метеорологи, обещавшие на сегодня «временами шквалистый ветер и ливень»; прогноз этот выглядел полностью неправдоподобно. Увы, на немецком севере резкая смена погоды – не редкость, и я привык доверять таким нелогичным прогнозам: слишком часто оправдываются; да и все доверяют, и если сказано: «Ливень», – без зонта из дома никто не выходит.

Мне нужно было к родителям, на другой конец города, без малого час целый ехать. Я сел в автобус, полупустой в субботнее утро, и принялся от нечего делать разглядывать пассажиров. Впереди, немного наискосок, возле прохода сидел старик с массивной, совершенно не соответствующей тщедушному телосложению, головой. В автобусе было жарко, и старик специально сел поближе к проходу, так, чтобы воздух из открытого люка освежал хоть немного; теперь, опершись на внушительный ярко-красный зонт-трость, опустив подбородок на руки, духотой разморенный, он спокойно дремал.

Мы успели проехать всего минут двадцать, когда внезапно все вокруг потемнело, налетел ветер, а вскорости и дождь хлынул. Да какой!.. Через мгновение струи воды уже текли по дорогам рекой, низвергались водопадами из водостоков, заливали стекла машин так, что дворники еле справлялись...

Через открытый люк ветер задувал струи неистового дождя и в салон. Старик сидел слишком близко к люку, и россыпь капель летела на него веером; от этого он проснулся, поглядел наверх, абсолютно спокойно открыл огромный свой яркий зонт и продолжал – как ни в чем не бывало – сидеть на выбранном месте, глядя в окно на творящееся безобразие.

Люди на остановках входили и выходили, и никого нисколько не волновало, что для того, чтоб пройти, нужно непременно попросить старика убрать зонт. «Пожалуйста, – говорили ему с улыбкой, – разрешите пройти». «Пожалуйста, – отвечал старик, – будьте любезны», – наклонял торжественно к окну купол зонта и улыбался в ответ.

Ливень бесился недолго, а когда я подъезжал к своей остановке, почти прекратился и показался уже вдалеке кусочек синего неба. А хорошее настроение косохлест никому не испортил.

Продолжение следует.

